Л. Пантелеев

НАША МАША

Книга для родителей

Издательство «Детская литература»

SHOUT
SHARE
IT

- Наша Маша (Книга для родителей)
  -
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - ИЗ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ
    -
    - 4 МЕСЯЦА
  - ИЗ ВТОРОЙ ТЕТРАДИ
    - 6 МЕСЯЦЕВ
    - 7 МЕСЯЦЕВ
    - 8 МЕСЯЦЕВ
    - 9 МЕСЯЦЕВ
    - 10 МЕСЯЦЕВ
    - 11 МЕСЯЦЕВ
  - ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ
    -
    - 1 ГОД 2 МЕСЯЦА
    - 1 ГОД 5 МЕСЯЦЕВ
  - ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ
    -
    - 1 ГОД 6 МЕСЯЦЕВ
    - 1 ГОД 8 МЕСЯЦЕВ
    - 1 ГОД 10 МЕСЯЦЕВ
    - 2 ГОДА
    - 2 ГОДА 1 МЕСЯЦ
    - 2 ГОДА 4 МЕСЯЦА
    - 2 ГОДА 5 МЕСЯЦЕВ
    - 2 ГОДА 10 МЕСЯЦЕВ
    - 2 ГОДА И 11 МЕСЯЦЕВ
  - ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ
    -
    - 3 ГОДА
    - 3 ГОДА 1 МЕСЯЦ
  - ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ
    -
    - 3 ГОДА 2 МЕСЯЦА
  - ТЕТРАДЬ СЕДЬМАЯ
    - 3 ГОДА 4 МЕСЯЦА
    - 3 ГОДА 6 МЕСЯЦЕВ
    - 3 ГОДА 9 МЕСЯЦЕВ
    - 3 ГОДА 10 МЕСЯЦЕВ
    - 3 ГОДА 11 МЕСЯЦЕВ
  - ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ
    - 4 ГОДА

        - 4 ГОДА 1 МЕСЯЦ
    - ТЕТРАДЬ ДЕВЯТАЯ
        - 4 ГОДА 2 МЕСЯЦА
        - 4 ГОДА 3 МЕСЯЦА
        - 4 ГОДА 5 МЕСЯЦЕВ
        - 4 ГОДА 6 МЕСЯЦЕВ
        - 4 ГОДА 7 МЕСЯЦЕВ
    - ТЕТРАДЬ ДЕСЯТАЯ
        -
        - 5 ЛЕТ
        - 5 ЛЕТ 2 МЕСЯЦА
        - 5 ЛЕТ 3 МЕСЯЦА
    - ТЕТРАДЬ ОДИННАДЦАТАЯ
        -
        - 5 ЛЕТ 4 МЕСЯЦА
        - СОДЕРЖАНИЕ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18

Наша Маша (Книга для родителей)

Дневник наблюдений, записки писателя о жизни ребенка от рождения до пяти лет.

“Книга Л.Пантелеева,— писала В.Смирнова (“О детях и для детей”, М., Дет. лит., 1967),— необычайна уже тем, что это дневник отцовский (Машиной матери принадлежат лишь немногие записи). И, конечно, это не просто записки отца, это дневник писателя. Притом писателя детского, всегда думающего о детях, особенно зоркого и чуткого к ним, озабоченного судьбами детства в мире, одним словом,— у кого дети в сердце”.

Книга вызвала большой интерес в критике, множество читательских писем. О “Нашей Маше” писали С.Бабенышева (“Растет душа человека...”, “Новый мир”, 1967, № 11), Л.Исарова (“Когда ребенка уважают”, “Семья и школа”, 1967, № 7), Н.Халатов (“О Пантелееве и не только о нем”, “Дошкольное воспитание”, 1968, № 8), Е.Путилова (“Л.Пантелеев”, Л., “Советский писатель”, 1969), К.Чуковский (см. вступит. статью к 1 тому настоящего Собр. соч.) и другие.

Первое книжное издание— Л., Дет. лит., 1966.

Г.Антонова, Е.Путилова

Алексей Иванович Пантелеев (Л.Пантелеев)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Молодая женщина, только что приехавшая из Грузии в Ленинград, шла по улице и на одном из людных проспектов в центре города увидела такую сцену. Перед витриной игрушечного магазина девочка лет пяти-шести, красивая, нарядная, в белокурых локонах, дико ревела, стучала ногами и кричала:

— Хочу куклу! Куклу хочу-у-у-у!..

Испуганная и растерянная мать пыталась ее утешить, ласкала, обнимала, уговаривала:

— Ну, Люсенька, ну, успокойся, ну я же тебе сказала: у мамы денег нет.

Оттолкнув ее, девчонка повалилась на тротуар, спиною на грязный асфальт, и, продолжая визжать, затопала, застучала по тротуару каблуками:

— Хочу куклу! Сейчас хочу! Хочу эту!!!

Картина эта вызвала столь сильное, непобедимое отвращение, что на всю жизнь запомнилась молодой грузинке. И она уже тогда подумала, что если у нее когда-нибудь будет ребенок, она постарается, приложит все усилия, чтобы не вырастить такое вот чудовище.

Много лет спустя эта женщина стала моей женой. А через какое-то время у нас родилась девочка. И еще до того, как она появилась на свет, еще не зная, кто у нас будет— Ваня или Маша, — мы дали друг другу обещание сделать все, что от нас зависит, чтобы воспитать хорошего человека!

Конечно, мы уже и тогда видели многие трудности, стоявшие на нашем пути.

Родители мы немолодые.

Опыта нет.

Ребенок единственный.

Материальный достаток— выше среднего. (“Трудность” эту можно конечно, взять в кавычки, но в неопытных руках материальный достаток и в самом деле может очень быстро превратиться в недостаток, так как с его помощью еще легче избаловать и испортить ребенка.)

Мы не знали, что очень скоро в дополнение к перечисленным помехам появятся и другие. Что у девочки будет не очень хорошее здоровье и что это печальное обстоятельство помешает ей своевременно войти в детский коллектив.

Таким образом, возникали новые барьеры.

Домашнее воспитание.

Почти постоянное пребывание в обществе взрослых.

Отсюда— бедность и односторонность жизненного опыта.

А там, впереди, ждали нас и совсем уж неожиданные вещи: то, что называется характером,— врожденные, унаследованные его черты и свойства.

Предстояло со всем этим бороться.

Когда же началась борьба?

Очень рано.

Кто-то рассказывал, что однажды к А.С.Макаренко пришла молодая мать и спросила, с какого возраста следует начинать воспитание ребенка.

— А сколько лет вашему ребенку?— поинтересовался Антон Семенович.

— Ему всего три недели.

— Ну что ж... Вы опоздали ровно на три недели.

Что слова эти не шутка, не парадокс, мы убедились на собственном опыте. Действительно, воспитание начинается буквально с той минуты, когда ребенок появляется на свет, когда он впервые подает голос, когда проявляет первые свои желания, радость, огорчение, недовольство... Впрочем, я говорю обо всем этом таким тоном и с таким апломбом, будто я уже и тогда хорошо разбирался во всех этих вещах. А ведь на самом деле ни у меня, ни у жены не было ни опыта, ни мало-мальски серьезных педагогических познаний. Несмотря на свою профессию, имеющую довольно близкое отношение к педагогике, я очень плохо разбираюсь в этой почтенной науке.

В своем невежестве я должен признаться еще и потому, что некоторые читатели, возможно, откроют эту книгу в надежде найти в ней советы опытного педагога. А таким я, повторяю, никогда не был.

Книгу эту писал не педагог, а детский писатель.

Тут мне следует, вероятно, сделать маленькое отступление и познакомить читателя со своей особой, ввести его, так сказать, в круг своей жизни и своих семейных отношений. В дневнике ничего этого читатель не найдет— дневник писался не для чужих глаз.

Я родился в буржуазной семье среднего достатка. Раннее детство мое не было безоблачным, но до десяти лет я не ведал, что такое нужда и голод, не знал, почем фунт лиха. После революции я остался без семьи, несколько лет бродяжил, скитался по России, побывал за это время и у белых, и у красных. Не один раз я попадал в детские дома, в колонии, сидел за решеткой. Мне было восемнадцать лет, когда вышла моя первая книга. В этом же возрасте я познакомился с людьми, которые стали потом моими учителями,— с Маршаком и с Максимом

Горьким. Однако и после этого жизнь моя не стала совсем гладкой. За моей спиной четыре войны, блокада, культ личности, утраты близких. Все это время я, как и многие мои сверстники, жил по-походному, на бивуаках, никогда не забывая вещих слов Хемингуэя о том, что “наше поколение мобилизовано на пятьдесят лет”.

Жизнь я посвятил детям, писал о детях и для детей, но своих детей у меня не было. Семьей я обзавелся уже в том возрасте, когда порядочные люди готовятся стать дедушками. Появление в моей жизни дочери было благодатью, чудом— тем чудом, какого не знают, вероятно, родители более молодые. Читателям этой книги— тем, кому мое отношение к Маше покажется чрезмерно горячим, экзальтированным, я советовал бы помнить то, о чем я только что сказал.

Моя жена моложе меня. Но жизнь ее тоже не была легкой. От первого брака у нее был ребенок, сын. Он родился и погиб в блокаду.

Есть у меня еще сестра, Александра Ивановна, которую в семье, по привычке, сохранившейся с детства, именуют Лялей.

Есть еще племянница— Иринка.

С остальными именами и фамилиями читатель, я надеюсь, как-нибудь сам разберется.

Как я уже говорил, эта книга писалась без всякого злого умысла, то есть без расчета на то, что когда-нибудь попадет в руки читателя. Записи делались для себя— для внутреннего, семейного употребления. И если книга все-таки оказалась в ваших руках, читатель, в этом повинен прежде всего наш общий друг Корней Иванович Чуковский. Это он натолкнул меня на мысль и уговорил обнародовать наши скромные родительские записки.

В книгу вошли выдержки из дневника, приблизительно четвертая часть того, что было записано за пять с половиной лет мною и моей женой Элико Семеновной Пантелеевой. Все, что носит слишком домашний, семейный характер, почти все, что касается болезней, докторов, температуры, “стола”, “стула”, лечебных и прочих процедур, то есть, короче говоря, все, что явно не может заинтересовать никого, кроме самых близких людей,— осталось за пределами книги.

Одним из самых серьезных препятствий, мешавших нам согласиться на обнародование дневника, был вопрос: не повредит ли эта акция нашей дочери? Одобрит ли она— сейчас или позже — это родительское легкомыслие?

Понимаю, что дело это рискованное.

Знает ли Маша о существовании дневника? Да, знает. Кое-что

я читал ей недавно, и она слушала и смеялась. Ей уже почти десять лет, и она свысока, снисходительно смотрит на свое далекое детство. С годами, надо надеяться, это чувство снисходительного превосходства окрепнет и вместе с юмором, свойственным нашей дочери, сделает свое дело.

Во всяком случае, вопрос о том, не повредит ли ей эта книга, не испортит ли ее, долго дебатировался и был, как видите, решен положительно. Будем надеяться, что не испортит и не повредит.

Л.Пантелеев

1966 г. Июль.

ИЗ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ

...Событий, которые заслуживали бы внимание читателя, как будто еще не было. Вообще до тех пор, пока ребенок не заговорил, для большинства окружающих он никакого интереса не представляет. Ну, хворал. Ну, выпал из кроватки на пол. Обжегся на горячем чайнике. Съел что-нибудь лишнее. С кем это не случается? И кого это может заинтересовать? Другое дело— родители! Им интересно все. И первый лепет ребенка. И первая его улыбка. И первый осмысленный взгляд, брошенный на отца с матерью.

Вот Маше три месяца. И родитель спешит отметить: агукает активно, с удовольствием (особенно когда беседует с мамой). Горлышко у нее грузинское: выталкивает из себя такие заковыристые гортанные звуки, каких мне, пожалуй, и за сто рублей не произнести. На смену интимному “агуканью” пришел звонкий, какой-то восточно-базарный крик. К сожалению, часто, слишком часто этот крик переходит в хныканье, а потом и в слезы. Вообще нервочки у Маши расшатаны не по возрасту.

4 МЕСЯЦА

...Сегодня впервые наблюдал, как в ответ на мои попытки рассмешить ее она в голос засмеялась.

...Вчера мама и бабушка рассказали мне, будто девчонка их передразнивает и даже будто бы симулирует кашель, когда видит мать,— чтобы разжалобить ее.

Признаться, я не очень верил этим рассказам. Ведь четыре месяца! А сегодня убедился, что дочка наша и в самом деле очень талантливый попугай. Несколько раз за последние дни, играя с Машкой, я наклонялся к ней, делал страшное лицо и рычал: “Хр-р-р”. Сегодня утром подхожу к ней, наклоняюсь и вдруг слышу: “Хр-р-р-р”. Несколько раз проделывал этот опыт: рычали по очереди папа и дочка.

...На кого похожа Маша? Желая сделать приятное отцу, бабушка, Мотя и другие уверяют, что дочь наша “вылитый Алексей Иванович”. Я этого не нахожу. Но что-то мелькает в ее личике— и питерское еремеевское, и архангельское спехинское, и московское сидоровское[1]. И вероятно, еще больше у нее от тех дедов и прадедов, которых даже имени я не знаю, которые жили и умерли на Кавказе[2], оставив Маше в наследство— кто форму ногтя, кто изгиб бровей или ушной раковины, кто черноту глаз, кто цвет волос или ямочку на щеке...

Между прочим, наша Манюня— рыжая. Ничего не имею против: рыжая— так рыжая...

ИЗ ВТОРОЙ ТЕТРАДИ

6 МЕСЯЦЕВ

Уже вошло в привычку кидать на пол игрушки. Цапает руками, а затем тянет в рот все, что увидит,— даже цветы на обоях, даже пестрый орнамент на коврике.

Обожает кота. Для нее это живая игрушка. Безжалостно хватает его за уши, за хвост, за жирный загривок. Выражение лица при этом— палаческое. Бедный котище уже побаивается ее; относится к ней почтительно, но боюсь, что где-то в глубине своей кошачьей души таит план мести.

Взгляд у девочки временами— тупой, оловянный. Глазки— как две пуговки. А бывает, посмотришь на нее и удивишься: до чего же осмысленно смотрит, и какие разные выражения! Бывает, усмехнется снисходительно, из любезности; бывает, посмотрит взглядом, который говорит: “Эх, мне бы ваши заботы...” Иногда будто задумается о чем-то.

Почему-то смешат ее старческое кряхтенье и кашель. Хохочет. Хохот у нее коротенький— в три-четыре такта... Хохочет басом.

Обожает мать.

7 МЕСЯЦЕВ

...Уже третий месяц занимаемся с нею гимнастикой. Занимаемся нерегулярно и упражнения большей частью выбираем “символические”— не требующие усилий (от нее). А она жаждет движений серьезных, активных, утомляющих. Не дождавшись помощи родителей, сама начинает прыгать, выгибать спинку, потягиваться, делать “мостик”.

8 МЕСЯЦЕВ

30.3.57.

Ох, Маша, Маша! Виноваты перед тобой твои родители. Редко заглядываем мы в эту тетрадку.

А жизнь у тебя полна событий.

Сегодня я лежал, проглядывал газеты, а ты примостилась рядом и мешала мне читать. Чем? Да нет, ничего особенного ты не делала. Ты занималась лампой. Названную лампу когда-то подарила твоему папе тетя Ляля. Папа твой был холостой и несчастный, и тетя Ляля, пожалев его, подарила ему этот роскошный светильник с огромным ярко-оранжевым абажуром.

Лампа стоит возле моей солдатской раскладушки. Чтобы удобнее было читать, я вешаю абажур боком, набекрень.

Вчера вечером ты была у меня и, как всегда, пристально и внимательно смотрела на лампу. Чтобы позабавить тебя, я стал крутить абажур. Абажур медленно вертелся вокруг лампы, как луна вокруг земли. Получались маленькие затмения: темно— светло, темно— светло. Ночь— день, ночь— день, ночь— день...

Надо было видеть, что с тобой было! Ты вытаращила глазенки, вся задрожала, затрепетала и— заплакала. В глазах твоих горел— не преувеличу мистический ужас! И я быстро прекратил эти опыты.

А сегодня, когда я привел тебя к себе, был солнечный день, лампа не горела, но ты тем не менее не отводила от нее глаз. При этом ты пыталась и мое внимание обратить на лампу. Ты что-то вякала и пробовала рассказать мне о том, что было вчера.

У тебя уже есть память, Машенька! Думаю, что и сны тебе снятся...

Итак, мы лежали с тобой и читали газету. Мотя работала на кухне, мама уехала по моим делам в город.

— Где-то наша мамочка?— сказал я тебе. Ты перестала играть, насторожилась, посмотрела на меня. И как раз в эту минуту в прихожей звякнули три звонка. Не успел я крикнуть: “Мама!”— как ты вырвалась из моих рук и с быстротой толстой ящерицы поползла в сторону двери— туда, где уже слышались голоса Моти и мамы.

26.4.57.

Круг Машкиных развлечений с каждым днем ширится. По-прежнему самое привлекательное для нее— это лампа с оранжевым абажуром, стоящая в моей комнате. Смотрит она на нее буквально как зачарованная. При этом каждый раз произносит одни и те же звуки, которые буквами трудно

воспроизвести:

— Гм? Гм? Гм? А? А?

Дескать: “Что это? Посмотрите! А?”

Или просто молча несколько минут смотрит остановившимися глазами на лампу. При той живости, непоседливости, которая ей вообще свойственна, это умиротворяющее действие лампы особенно удивительно.

...Мама сегодня с умилением рассказывала: занималась она чем-то на кухне, а Машка сидела у нее за спиной в своей коляске, дергала ее за подол и звала: “М-ма, м-ма...”

Меня она за штаны тоже дергает, но папой не зовет.

Ничего, придет и наш час радоваться и умиляться.

9 МЕСЯЦЕВ

29.4.57.

...Вчера Машка впервые отчетливо стала выговаривать “мама”. Освоив его, она много раз произносила это слово, иногда и без нужды. Приятно небось. Еще бы: первое человеческое слово! А то все “гага”, “кига”, “быма”, “эма”...

...Принесли ее с прогулки голодную и сердитую. Я стал раздевать ее, она захныкала и замахнулась на меня рукой. Конечно, не ударить меня хотела, а оттолкнуть. Я схватил ее за руку, посмотрел в глаза и сказал твердо:

— Нельзя!!!

Показалось, что поняла.

Да, воспитание начинается (должно начинаться) гораздо раньше, чем думают многие родители. “Она еще маленькая”— самая страшная, самая вредная, антипедагогичная формула, какую только может выдумать человек, имеющий дело с детьми.

30.4.57.

Поздно вечером Элико была у меня. Слышим Машкин голос за стеной. Иду к ней, включаю электричество: Машка стоит у себя в кроватке на четвереньках и жалобно зовет:

— Мама! Мама!

Это так трогательно, так смешно и так чудесно!..

...Тетя Маша играла с ней в столовой. Я вхожу, она спрашивает:

— Машенька, это кто пришел?

Вопрос она понимает. Делает губами что-то вроде “пхы-пхы”. Но— не выходит.

Хочет сказать: па-па. Не может. Трудно. Но понимает, что перед нею именно пхы-пхы, а не кто другой.

...Любимое ее занятие теперь— подбирать какие-нибудь наимельчайшие предметы. Увидит на одеяле белую ниточку длиной с полсантиметра— и сразу же тянется, пытается подцепить пальчиками эту мелочишку...

Наблюдая за ней сегодня, еще раз убедился, что не только в физическом облике ее, но и в характере сложно переплетаются отцовские и материнские черты. Когда она сердится или думает о чем-нибудь, бровки она хмурит “совсем как папа”. Но большей частью она весела, шумна, разговорчива, общительна, все это— от матери. Замкнутой она, по-видимому, не будет.

27.5.57. Разлив.

Машка на даче. Сегодня, несмотря на дурную погоду (к вечеру выпал снег!), весь день провела на воздухе.

Познакомилась с хозяйской собакой Пальмой. С этой годовалой, на вид весьма страшной овчаркой вчера первый свел знакомство папа. А сегодня я подвел к собаке за ручки Машу. Она без всякого страха, внимательно и даже испытующе смотрела на тявкающее, взъерошенное, скалящее зубы чудовище. А когда через полчаса мы еще раз подошли к Пальме, Машка протянула руку и попала своим кулачком... в собачью пасть. Это уж лишнее, как говорится.

...Давно уже известно, что Машка больше всего на свете обожает бумагу; газета, журнал, конверт, любая записка, даже кулек из-под конфет тянут ее как магнитом.

Вчера я нашел где-то черную бумагу. В нее были завернуты лампочки или что-то другое бьющееся.

Положил эту скомканную бумагу перед Машкой. Она смотрит испуганно. Я пошуршал бумагой. Испугалась еще больше. Взял ее руку, протянул к бумаге. Отдергивает руку. И уже с ужасом смотрит на это страшное черное пятно.

Тогда я взял лист белой бумаги, скомкал его и положил на то же место. Сразу не схватила. Смотрит с опаской. Словно видит в этом какое-то превращение, волшебство: не притворилась ли черная бумага белой?

Но потом очухалась и потянулась к белой бумаге...

Взгляд, каким она смотрела на черное, напомнил мне ее отношение к оранжевой лампе в моей городской комнате. Оба эти предмета затронули в душе девочки какие-то очень тонкие струны...

7.6.57.

И вчера и сегодня много времени мы с Машкой провели у животных, то есть у котов и собак. Может быть, с гигиенической точки зрения это нехорошо, вредно, если же думать не только о теле, не только о физическом здоровье ребенка, общение с животными очень даже полезно маленькому человеку. Пальму девочка обожает, готова сидеть возле ее будки часами. И слово “пама” произносит, пожалуй, лучше, чем “папа”... Сегодня тянулась погладить собаку и погладила черный мокрый нос, а Пальма лизнула Машину ручку.

...Были у меня сегодня с Машкой и огорчения. Да, как это ни странно на первый взгляд, а отношения с десятимесячной дочкой у меня довольно сложные.

Иногда мелькнет в ее глазах бесенок, очень хорошо знакомый мне. Упрямство, настырность, дух противоречия... Казалось бы, смешно говорить обо всем этом, когда речь идет о десятимесячном ребенке. Но тем не менее я могу утверждать это: характер девочки уже очень отчетливо виден.

Играем с ней. Она у себя в кроватке, ходит, поднимает игрушки, передает их мне. Настроена благодушно, улыбается, счастлива, что я рядом. И вдруг выскакивает откуда-то бесенок. Машка засовывает палец в рот. Это ей вовсе не требуется, она уже давно вышла из того возраста, когда ребенок все, что подвернется под руку, сует в рот. При этом она смотрит на меня с вызывающей, наглой улыбкой. Дескать, ну что ты скажешь? Вот хочу, сунула и буду держать палец во рту сколько душе угодно.

Я говорю:

— Нельзя!

Она засовывает палец еще глубже.

Я выдергиваю изо рта ее руку.

Она тотчас же сует ее обратно.

Повторяться это может до бесконечности.

Говорят: “Бить надо по ручке в таких случаях”. Нет, бить я ее не буду ни при каких случаях. Но как побороть это демоническое упрямство? Пока я вижу только один способ: я поворачиваюсь и выхожу из комнаты. И тотчас же за спиной раздается жалобный рев. За день это повторяется раза три.

Идешь к себе в комнату расстроенный. Что же делать? Пожалуй, лучше всего воспитывать— и здесь, в этом возрасте— на добром примере. Пока я показываю Маше этот пример на животных. Говорю “нельзя” Пальме или коту... Но ведь мы имеем

дело не с дрессированными животными. Я говорю: “Пальма, нельзя”— а этот дурак хватает меня за рукав или грязными лапищами кидается мне на грудь. А Машка видит и берет пример.

Иногда, когда бесенок дремлет, бывает и по-другому. Машке действительно понадобилось сунуть палец в рот. Мало ли зачем: зачесалась десна, в зубик что-нибудь попало. Девочка уже тянет палец ко рту и вдруг вспоминает что-то, быстро взглядывает на меня и— отдергивает пальчик.

8.6.57.

Вчера не записал такую забавность.

Я лежал на своей раскладушке. Пришла мама с Машей на руках. Девочка стала шалить. Я сказал: “Нельзя”. Она не послушалась. Я повторил. Она смеется. Тогда я протянул палец в сторону двери и грозно сказал:

— Прошу вас выйти.

Девочка посмотрела на мой грозный палец, взяла его и стала водить этим пальцем по своей ладошке, то есть “варить кашку”. Суровый отец не выдержал и рассмеялся.

10.6.57.

Вечером сорвалась с цепи Пальма. Носилась как угорелая по саду. Машка испугалась,— вернее, была потрясена неожиданностью, фантасмагоричностью случившегося: собака, которая в ее представлении была до сих пор чем-то вроде живого растения, прикованного к одному месту, вдруг обрела способность передвижения!..

14.6.57.

Опять, Машка, должен извиниться перед тобой. Пропустил три дня. Уставал очень, много работал, да и людей всяких много приезжало...

Что же нового в твоей жизни?

Исчезла Пальма. Пришли два человека— высокий дядя, брат хозяина, и девочка, его дочка. Отмотали цепь, на которой сидела Пальма, и увели собаку— куда-то за тридевять земель, в Тарховку.

А ты что?

А ты и не заметила этого исчезновения! Я принес тебя к разоренному очагу нашей любимицы, ты удивилась, поискала Пальму глазами— и все. Память у тебя короткая, девичья.

11 МЕСЯЦЕВ

5.7.57.

Тетя Маша встретила меня широкой улыбкой:

— Поздравляю тебя, Алексей Иваныч!..

— С чем?

— Пошла.

— Кто? Куда пошла?

— Машенька наша пошла. Поставили ее в саду на стол— она пять шагов сделала.

Этих пяти шагов я не видел, но то, что Машкины попытки ходить самостоятельно с каждым днем становятся смелее,— это истина.

11.7.57.

У Машки уже три зуба. Четвертый лезет рядышком с третьим, как маленький боровичок возле большого гриба.

Очень смешно и даже страшно Машка скрежещет своими тремя с половиной зубами.

Разговорные ее успехи застряли. “Мама”, “папа”, “баба” бубнит невнятно, но на своем языке лепечет что-то помногу и с воодушевлением, особенно когда обращается к животным. В интонациях улавливается и “нельзя”, и “это что такое!”, и “уходи!”.

Ходит помногу и с удовольствием, но пока все еще с поддержкой. Очень любит ходить с тетей Машей в булочную и на рынок.

18.7.57.

Все эти знойные июльские дни Машка проводит на берегу Разлива, и папа, на которого навалилась срочная работа, видит ее только вечером.

Сегодня мама уезжала в город, дочку нашу пасла тетя Ляля, а в роли подпаска выступала другая тетя— Нина Колышкина.

Перед Ниной мы демонстрировали гимнастику, и она была “буквально потрясена”. Один номер у нас действительно совершенно цирковой. Я поднимаю Машу над головой,— держу ее рыбкой, одной рукой за ножки, а другую подложив ей под грудь. Машка берет руками складной металлический стул, поднимает его, и я кружу ее в воздухе вместе со стулом. Надо помнить, что “королеве воздуха” одиннадцать с половиной месяцев.

Очень забавно выглядит и другой номер— уже не акробатический. Я лежу в гамаке, а Машка стоит рядом, раскачивает гамак и напевает: “Бай-бай. Бай-бай”.

22.7.57.

Приехала из Тбилиси бабушка Люба. Машка ее, разумеется, не узнала. Не дичилась, не плакала, не отталкивала, но поглядывала на нее первое время с холодной, вежливой, вполне благопристойной, но нисколько не задушевной улыбкой. За три месяца разлуки образ бабушки начисто стерся в ее памяти.

Наибольший переполох приезд Любови Ивановны вызвал у тети Маши. Девочка за это время успела к ней привязаться, и у старухи настоящая ревность. Впрочем, и бабушка Люба ревниво поглядывает на Машкину няню.

1.8.57.

Вчера пришло письмо от К.И.Чуковского, который пишет, что, получив Машин портрет, “более получаса разглядывал его” и нашел, что у девочки “очень индивидуальное лицо”. “Одиннадцать месяцев, а уже видно “сквозь магический кристалл”, какой она будет и в школьные и в студенческие годы...”

А ведь и у меня есть— и уже давно— этот магический кристалл. Может быть, с трех, если не с двух месяцев Машка для меня человек, индивидуальность. Я чувствую, куда она может повернуть и куда, в какую сторону, по какому направлению ее следует подталкивать.

3.8.57.

Сегодня истекает последний день первого года Машкиной жизни. Трудный был год, каждый день его и каждый час стоили крови и нервов, а в целом, как и всегда это бывает, промелькнул этот год почти незаметно. Давно ли был он, этот пасмурный августовский день, когда я стоял в подворотне родильного дома имени Видемана и с трепетом читал на доске, среди прочих фамилий, фамилию некоей Пантелеевой-Еремеевой, пол женский, рост 50 сантиметров, вес 3050 граммов! Давно ли, казалось бы, мелькнул и другой, ясный, пронизанный солнцем осенний денек, когда я через ту же подворотню бережно вынес на улицу нечто, завернутое в синее шелковое одеяло, нечто крохотное, живое, шевелящееся, незнакомое и вместе с тем уже бесконечно близкое, вызывающее слезы на глазах! И вот это нечто уже с криком бегает по дорожкам нашего дачного сада!..

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

9.8.57.

Не по дням, а по часам растет Машка. С каждым днем увереннее и нахальнее бегает она по вышеупомянутым дорожкам.

Лепечет без устали. А отчетливо не произносит ни одного слова, кроме “мама”. Да и это слово употребляет, пожалуй, лишь в самых крайних случаях, когда очень уж разобидят ее, оставят одну, например. Понимает же они если и не “всё”, как уверяет бабушка, то во всяком случае очень много.

Иногда даже кажется: не может быть, случайно это!

“Машенька, смотри под ноги. Корень!”, “Машенька, обойди это дерево”, “Машенька, подними куклу и дай маме”. Подумает и сделает. Бывает, конечно, что и ошибется. Подаст куклу не маме, а мне... Поправишь ее: “Маме, мамочке дай!”— и бежит к маме.

Это общее мнение, что выглядит она старше своих... впрочем, каких там “своих”. Не своих, а своего. Годика!

...Ох, до чего же трудно воспитывать маленького человека! Если не быть равнодушной нянькой, у которой нет других принципов, кроме одного: “чем бы дитя ни тешилось”, если любишь ребенка не сусальной, не конфетной, а настоящей любовью, если в годовалом видишь завязь, росток (“бутончик”, как сказала сегодня Элико) будущего человека,— нет более трудного и сложного искусства, чем ЭТО искусство. Что там романы и повести писать!.. Сколько у меня было рассказов и повестей, которых я не дописал, бросил. А тут— не бросишь. Этот “роман”, умеешь не умеешь, ладится не ладится, а будешь писать и писать, пока сил хватает, пока сердце не остановится.

Это не пустые слова, что воспитание— дело творческое. Здесь сердце и голова должны постоянно согласованно работать. Вопросы, требующие умного и часто оперативного решения, заковыристые тактические задачи возникают буквально на каждом шагу. Попробуй реши, например, не подумав, такой вопрос. С одной стороны ребенок не должен все время находиться под контролем взрослых и вообще в обществе взрослых. А с другой— и оставлять одного ребенка на втором году жизни нельзя. В щелочку за ней, что ли, подглядывать?

Мы уже давно согласились, что Машку следует хотя бы на час-другой оставлять одну, в кроватке. Зимой так и делали. Но попробуй оставь ее одну в саду! Тут и “щелочка” не поможет. Бегает она с каждым днем быстрее, но зато и падает куда чаще, чем первые дни. Но и это не главная беда. Опасности подстерегают нашу лихую Машу на каждом шагу: то она села и

перебирает ручонками грязный затоптанный песок, то листик пытается сорвать, то подойдет к березе и отщипывает ноготками волоконца коры, то побежит вдоль клумбы, выложенной кирпичами с острыми, как у противотанковой надолбы, гранями... Все это угрожает ей: того и гляди поцарапается, ударится, проглотит что-нибудь... Вот и приходится усаживать ее в кроватку. А в кровати она сидеть не хочет,— она все-таки не маймунчик, не обезьянка, а человек. Поднимается рев. И снова начинаешь думать: что делать? А иногда и думать не надо. Проще и легче всего этот вопрос решается, когда папе некогда, когда маме некогда, когда бабушка в бане, а тетя Маша ушла в очередь за керосином. Тут покинутая Машка почему-то даже кричать не пробует, будто слышала, знает и понимает пословицу о семи няньках, у которых дитя без глаза. Много раз замечал, что когда ее невольно, по необходимости, оставляют одну, она куда быстрее входит в роль самостоятельной особы.

11.9.57.

Начинает понемногу говорить. Подавая что-нибудь, говорит: “Мна!” Отказываясь, трясет головой и говорит: “Неть!”

На кошку и на собаку кричит: “Неда!”— что означает, по-видимому, “нельзя”. Изображает, как мычит корова, как мяукает кошка, как кричат на лошадок...

На соседней даче, за дощатым забором, живет коза, месяца полтора тому назад ставшая матерью двух беленьких козочек. Машка их видела, этих козочек, я показывал...

Сегодня мама и бабушка весь день работали— дома и во дворе,— готовились к переезду в город. Машка больше двух часов просидела в своем креслице в саду. Бабушка была на кухне и вдруг слышит:

— Баба! Баба!

Выходит во двор:

— Что, Машенька?

А Машка показывает пальчиком на забор и говорит:

— М-е-е-е!..

Дескать, посмотри и послушай: там козочки!

Пальцем она орудует гораздо энергичнее, чем языком.

Любит разглядывать картинки— главным образом фотографии (и не только цветные, но и черно-белые). Скажи мне год назад, что годовалый ребенок может разглядеть что-нибудь на фотографическом снимке, я бы не поверил. А оказывается, очень даже хорошо разглядывает.

...Сегодня вечером папа и мама ходили в Сестрорецк, задержались там (смотрели в кино картину по папиному сценарию), и Машку укладывала спать баба Люба. Говорит, что

Машка засыпала идеально. А когда бабушка ее раздевала, она показывала пальчиком, куда нужно положить ее чулочки, штанишки, рубашечку.

* * *

Очень любит открывать и закрывать банки, извлекать из них бумажки, ленточки, сосновые шишки и прочее. По-прежнему любит изощряться и подбирать наимельчайшие предметы: крошки, соринки, спички, ниточки, крохотные обрывки бумаги. Рвать бумагу любит (как и разрушать что-нибудь сооруженное мною, например домик из банок), но газеты давно уже не рвет, а бережно передает их мне одну за другой. Вчера нечаянно разорвала газетный лист— и сама испугалась.

16.9.57. Ленинград.

Квартиру она, кажется, узнала. Во всяком случае, радовалась всему: и маминому туалету, и безделушкам за стеклом моего книжного шкафа, и водичке, которая течет в ванной из крана. Ходила хвостиком за мамой и, пританцовывая, помахивала ручками.

Вечером мама принесла ее перед сном ко мне прощаться. Машка увидела оранжевую лампу и— застыла. То же, совсем то же выражение лица, что и пять месяцев назад!

Легла поздно. А рано утром сегодня всех нас разбудил пронзительный “междугородний” звонок. Машка почему-то испугалась и дико заревела. Звонил С.Я.Маршак, читал стихи, которые он написал для “Костра”, а Машка все ревет. Даже в Москве слышно.

— Что у тебя там такое? Радио?

— Это не радио. Это Машка.

23.9.57.

Пришла с прогулки и рассказывает мне что-то:

— Бал-бал-бал-бал!..

Понял все-таки. Оказывается, видела в парке своего старого приятеля Сашу (человека, который на три месяца старше ее). А этот Саша таким образом шалит— языком болтает: бал-бал-бал-бал!

...Вчера мама купила Машке демисезонное пальтишко. В этом зеленом пальто с широким кушаком и прямыми плечами Машка похожа на пленного немецкого солдата.

1 ГОД 2 МЕСЯЦА

11.10.57.

Сегодня навестила нас Машкина любимица— тетя Маша. Девочка была в восторге. Началось с того, что она с места в карьер начала “пугать” старуху: рычать на нее. Потом побежала на кухню, стащила пирожок и принесла его на тарелочке тете Маше. И весь вечер не отходила от своей гостьи. А когда та собралась уходить, Машка с решительным видом стала в прихожей у входных дверей и растопырила ручки: дескать, не пущу!..

Позже помогала мне топить печку. Я бросал в топку маленькие чурочки-полешки. Машке тоже захотелось что-нибудь бросить. И вот— с самыми добрыми намерениями— она берет со стола и бросает в огонь новые бабушкины очки. Еле-еле успел выхватить их из пламени.

21.10.57.

Прости меня, дочка: опять на десять дней запустил твой дневник.

А ты тем временем растешь и развиваешься.

Ты уже очень много знаешь. Ты любишь разглядывать картинки: какие угодно— в “Огоньке”, в “Мурзилке”, в детской книжке, в четырехтомнике Брема и даже в “Ленинградской правде”. Словарь твой с каждым днем обогащается, ты знаешь очень много слов, но говорить— все еще не говоришь. Копишь.

25.10.57.

Вчера мама купила Машке маленький столик и такой же стульчик. На спинке стула изображен петух, на столике— четыре резвых козочки.

Машка обедает теперь как большая.

Сегодня у нее в гостях тетя Ляля и тетя Нина. Шьют ей шубку из папиных военных меховых штанов.

29.10.57.

С Машкой вижусь мало. Работаю. Ко мне ее не пускают. А она при первом подвернувшемся случае пытается проникнуть в мою комнату. Мама уверяет, что комната моя для нее— волшебный замок. Цыганская безалаберщина, нагромождение всяких нужных и не очень нужных предметов, обилие папиросных и других коробок, бумаг, журналов, книг, окурков, спичек и тому подобного— все это вызывает блеск в Машкиных глазах, как только она появляется на пороге моего “кабинет-сарая”.

По-настоящему мне следовало бы готовиться к Машкиным визитам, наводить кое-где некоторый порядок. А то и пример

дурной, и слишком много соблазнов для нее, слишком много запретов. Через каждые полминуты приходится кричать:

— Маша, нельзя! Маша, не трогай!.. Оставь! Отойди!.. Положи!..

По существу почти все, что окружает ее, запретно. А хорошо ли это? Запрет перестает действовать или превращается в насилие совершенно деспотическое. Полный запрет и абсолютное воздержание не по плечам пятнадцатимесячному человеку. “Что же можно, если все нельзя?— спрашивает ее изумленный и возмущенный взор.— Достаточно, что я не подхожу к книжным полкам и не трогаю книг, не рву газеты, не хватаю (а если и хватаю, то изредка, когда уже сил нет терпеть) папины сапоги и ночные туфли... А тут и спички “нельзя”, и письма “нельзя”, и ключи из скважины выкручивать “нельзя”... Что же, я говорю, можно?!! Сидеть сложа ручки? Нет, не такой у меня, братцы, характер!”

То же и с телефоном. Это для Машки совершенно уж непобедимое искушение. Держится-держится, крепится-крепится, а в конце концов не устоит, подбежит к аппарату, сорвет трубку и:

— То там? Да-да. Ля-ля? Га-га...

Надо убрать телефон, поставить его повыше: без конца кричать “нельзя” и “нельзя”, не имея возможности объяснить, почему нельзя, нелепо и даже вредно. Почему папе и маме можно, а ей нельзя? Ведь она то же, что и они, делает: кричит в трубку “га-га” и так же вертит кружочек! Из жадности, что ли, родители запрещают? Или просто свою власть показывают?

В воскресенье опять приходила тетя Маша. Машка схватила старуху за руку и потащила в столовую, где стоит ее новая мебель. Подняла на столе клеенку и показывает: смотри, мол, какая роскошь!..

Бедная тетя Маша! Детей она любит, а со своими ей очень не повезло. Сама она человек честный, почти святой, а дети “пошли неизвестно в кого”.

В Разлив приезжал к ней сын Ваня, тридцатилетний парень, только что вышедший из тюрьмы. А сегодня тетя Маша дала мне прочесть письмо от дочери Шуры, которая совсем недавно вернулась из заключения. Пишет:

“Здравствуй, мама, я опять в тюрьме, пришли мне деньжонок”.

Читал я вслух. Маша, сидя у тети Маши на руках, гладила ее по щекам, а по щекам старухи текли слезы.

15.11.57.

После обеда мама принесла Машу ко мне. Дали ей мармеладку, она с удовольствием, причмокивая, жевала ее. Мама

ей сказала:

— Машенька, угости папу. Дай ему кусочек.

Я думал— не даст. Нет, подумала и сует мне в рот всю мармеладину.

Боюсь, что это все-таки не от доброго сердца или не только от доброго сердца, не от любви, а потому, что кормить кого-нибудь для нее удовольствие не меньшее, чем угощаться мармеладом.

Впрочем, хочу надеяться, что и жадюгой она не будет.

21.11.57.

Очень мало вижу Машку. Поздно встаю, много работаю. А пора уже заниматься с нею систематически. И гимнастикой, и картинками, и книжками.

Впервые за две недели вышла сегодня на прогулку. Гуляла с мамой. Кажется, впервые, услышав слово “гулять”, она по-настоящему обрадовалась, сама побежала за ботиками; одеваясь, не капризничала, не хныкала.

Гуляла полчаса.

Приказано ей было молчать, шествовать чинно, с закрытым ртом, но она, говорят, все эти тридцать минут не переставая кричала:

— Га-га-га-га-га!..

Вечером минут на двадцать брал ее к себе. Разглядывали картинки— пахомовские к рассказам Л.Толстого и “Дядю Степу” с рисунками Сутеева.

Пахомовские меньше понравились: трудны для разглядывания.

6.12.57.

Сидела у мамы в комнате на ковре, разглядывала картинки в болгарском журнале. Глаза у нее здорово навострились: на рисунке, даже на фотографии, она отыщет самую ничтожную мелкость: пуговицу, ноготь, пупочек на животе куклы.

14.12.57.

Со вчерашнего дня у Маши новая няня— Мария Федоровна, личность полуинтеллигентная (бывшая воспитательница детского сада), мрачноватая. Вряд ли Машка полюбит ее так, как полюбила свою веселую балагурщицу и прибауточницу тетю Машу.

...Вчера я подарил Маше игрушечные наручные часы. Надо было видеть восторг, с каким она помчалась на кухню показывать обновку маме и бабушке.

А утром она уже забыла, что у нее есть часы. Я их с вечера спрятал. Нарочно, опыта ради. Днем спрашиваю:

— Маша, где у папы часики?

Показала.

— А где у Маши часики?

Посмотрела на руку и ужаснулась. За ее взглядами, жестами и междометиями, за всем этим цыплячьим квоханьем можно было услышать:

— Ой, в самом деле, какой ужас! Где же мои часики?! Куда они делись? Ведь были же они! Потеряла? Взял кто-нибудь? Ой, ой, ой!..

* * *

Танцует, принимает воздушные ванны, бегает голенькая по ковру в маминой комнате.

Но любит и посидеть— за книжкой или даже с газетой в руках. Элико считает, что она вообще книги, журналы и даже газеты любит больше, чем игрушки. К чему бы это? Очень забавно выглядит она, когда держит двумя руками газетный лист. Если взяла случайно не так, “вверх ногами”,— тотчас перевернет (да, да, уверяю вас!), даже если на странице нет картинок!

Настроение у нее чаще всего хорошее. Тогда она послушна, ласкова (тянется ко всем целоваться), весела. А бывает— и нередко— проснется в ней “бесенок”, и без всякого видимого повода она начинает капризничать, изощряться, сует в нос или в рот палец, отмахивается от поцелуев и вообще всем, чем только можно, показывает, что она вовсе не такая милая и простая штучка, какой ее все считают.

19.12.57.

Машка исключительная чистюля. Если замарает (хотя бы табачным пеплом) пальчик, в ужасе таращит глазенки. Показывает окружающим палец, уморительно стонет и подвывает.

Сегодня увидела ералаш на раскладном стульчике возле моей постели. В ужасе стала тыкать пальцем, причитать (на своем тарабарском языке): “Ой, ой, какой ужас!..”

Пришла мама, она и маме показывает: посмотри, дескать, какая свинья у нас отец!

Между прочим, после всего этого я “организовал” уборку скамеечки, привлек к этому делу и Машку.

24.12.57.

Сегодня вечером раздался звонок, Машка выбежала в коридор:

— То там?

Открыли дверь— и появился широкоплечий полный человек в шляпе, в очках, с толстой палкой в руке. И с ним совсем молоденькая тетя.

На дяденьку Маша смотрела довольно пасмурно, больше ее заинтересовала его палка с красивым набалдашником. Да и он не очень-то ловко обращался с девочкой. Сделал какую-то козу-егозу и заговорил со взрослыми. Впрочем, похвалил Машку, сказал, что

у нее “не по возрасту осмысленные движения”.

Осмысленные-то осмысленные, а ведь, пожалуй, через год она не поверит, если ей скажут, что она своими глазами видела— вот на этом самом месте— Самуила Яковлевича Маршака!

С Самуилом Яковлевичем была его племянница Женя, которую я помню совсем маленькой девочкой.

Позже был еще один дядя, тоже детский писатель, Н.А.Ходза, который рассказал, что у его дочки Леночки до двух лет был “ужасный характер”, была она злюка и капризница— до тех пор, пока не научилась говорить. То, что она не могла объясниться, высказаться, выводило ее из себя. Думаю, что и нашей Маше это обстоятельство доставляет много огорчений.

2.1.58.

Сижу, работаю, слышу— Машкины шажки, слышу, как маленькие пальчики ее скребут закрытую дверь. И вот ее голосок:

— То там!..

Значит, надо идти открывать...

* * *

Вечером бегала по коридору и кричала:

— Мадам! Мадам!

Это Марья Федоровна ее так называет:

— Вы что тут делаете, мадам?

1 ГОД 5 МЕСЯЦЕВ

7.1.58.

Сегодня днем я лежал, просматривал газету. Пришла Машка, стала тянуть меня, чтобы я вместе с ней разглядывал ее книжку. Однако никакие уговоры не помогали. Тогда Машка, хитрюга, протягивает руку и быстро сдергивает с отцовского носа очки. А сдернув, аккуратно кладет их на табуретку. Что очки— оптический прибор, помогающий зрению, это она, конечно, не понимает, но знает, запомнила, что читаю я только в очках. Убежден, что поступок ее не случайность, а именно хитрость, соображение. Обезоруженный и обескураженный, я должен был отложить газету и заняться Машиными картинками.

8.1.58.

На дворе потеплело— "только" 22 градуса. Машка опять гуляла. Ходили с мамой в Зоологический сад, смотрели елку и— контрабандой— посмотрели оленей. Контрабандой потому, что мама и папа, обдумав и обсудив этот вопрос, решили до весны Машку в зоосад не водить, не загружать ее слишком яркими впечатлениями, о которых она не может рассказать словами. Начнет говорить— тогда пожалуйста, да и то не сразу, а постепенно.

Между прочим, только сейчас, став отцом и практическим воспитателем, я по-настоящему осознал, как это дурно в воспитательном отношении, что четвероногие и пернатые существа, любовь к которым мы призваны воспитывать у наших детей, живут за решетками.

Объяснять Маше, что зоопарки существуют для ее же пользы, в целях культурных, познавательных?.. Нет, эти слова ничего ей не объяснят.

Впрочем, такого, что трудно объяснить ребенку, не мало еще встретится на нашем совместном с нею пути.

Хоть бы не такие тесные были клетки, что ли. Хоть чуть-чуть ближе к тем естественным условиям, в каких положено жить нашим "меньшим братьям"...

9.1.58.

Утром Машутку поцарапал кот. Днем мама ходила с нею в Литфонд, зашла в лечебный отдел, и там эти ранки— на обеих ручках— смазали синькой. Машка возгордилась, расхаживала по комнатам и коридорам Литературного фонда и с нахальным самодовольством показывала всем желающим свои разукрашенные руки.

* * *

Вечером были гости— художник Харкевич с женой.

Машка вела себя пристойно.

Освоившись с новыми лицами, она, как всегда, принялась хвастаться.

Показала одну елку, потом вторую, игрушечную...

Показала Деда Мороза.

Показала часики на своей руке, показала царапину, которую нанес ей два с половиной месяца назад наш котище. Показала синее пятнышко— на одной руке, потом— на другой. Побежала в прихожую и стала таскать одну за другой игрушки.

Что это? Бахвальство собственника? Или просто чистое и здоровое желание поделиться с ближними всеми радостями и новостями, всеми сенсациями, всеми открытиями, которые она уже сделала в этом мире и продолжает делать на каждом шагу?

* * *

Скоро ей вставать уже. С новым днем, дорогая птаха!

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

16.1.58.

Вечером сегодня гуляла с Машенькой мама. Попозже в парк пришел отец. Девочка все время спала и хорошо делала, так как родители вели разговоры невеселые...

На обратном пути мама зашла в цветочный магазин, папа остался с Машей. То ли девочка почувствовала исчезновение матери, то ли время пришло, то ли коляска перестала вдруг катиться, но Машка проснулась, заулыбалась, стала проситься на руки. Я поставил ее на каменный подоконничек витрины, и она с интересом разглядывала сквозь стекло сказочный сад, столь же сказочно освещенный лампами дневного света. Среди кустов белой сирени она вдруг увидела знакомую черную шубку мамы, потянулась к ней. Мама тоже нас увидела и позвала. Машка— в подпоясанной кушачком коричневой шубке, в валенках и в пестром платочке— совершенная матрешка. Родительское сердце тает, когда посторонние люди нахваливают нашу дочку. Продавщица принесла ей срезанный цветок. Незнакомая пожилая тетя наклонилась и сказала:

— Боже мой, какие ясные глазки!..

Папа и мама выбирали цветы, маленькие зимние хризантемы, и Машке было невдомек, что цветы они выбирают без всякой радости, не для себя, а чтобы поставить их у гроба человека, которого память ее, конечно же, не сохранит.

18.1.58.

День сегодня ослепительный: голубое небо, яркое солнце, легкий мороз. И всей этой благодати Машка не видела,— весь день сидела дома с тетей Маней: мама и папа ездили на кладбище, хоронили милого друга нашего Евгения Львовича Шварца.

Вернулись под вечер. Машка здорово соскучилась, это видно было по тому, как нежно она ластилась к родителям, с какой готовностью их целовала.

Папа накануне не спал, лег рано— в 6 часов вечера, но в 8 часов проснулся и больше заснуть не мог.

Настроение у папы скверное, на душе— мрак. И напрасно он в этом состоянии берется за Машкин дневник.

22.1.58.

Несколько дней не притрагивался к этой тетрадке.

С Машкой мы как-то особенно подружились за эти последние дни.

Папа закончил срочную работу, времени у него стало больше,

и девочка с утра до ночи, пока она не спит, не ест и не гуляет, находится у него в комнате. Читаем, играем, разглядываем картинки или просто возимся. С кем-нибудь ведь повозиться надо!

...Вечером папа достал из чемодана стародавнего Машкиного любимца— Петрушку. Надо было видеть ее радость. Напяленный на папину руку, Петрушка полез на книжный шкаф.

Начался “спектакль”. Машка так шумно выражала восторг, так громко визжала, хлопала в ладоши, стучала ногами, что прибежала мама. Обе они сидели на моей раскладушке, изображая зрительный зал, а я импровизировал пьесу, в которой кроме Петрушки участвовала еще красная деревянная собака-такса.

Мама кричала мне:

— Спрячь голову, она видит!

Но прятаться было незачем. Как я убедился, Машка отлично понимает, что Петрушка не настоящий, что это игра, искусство, театр. Ведь и мы в детстве знали механику петрушечного представления, однако бегали за петрушечниками из двора во двор и, затаив дыхание, ждали появления длинноносого человечка в красном колпаке с бубенчиком над цветастой ситцевой ширмой.

После меня в роли петрушечника-кукловода выступала мама. Теперь Машка сидела у меня на руках. Не забуду выражения ее лица! Это был настоящий тюзовский зритель, маленький театрал, очарованный тем, что происходит на сцене.

На “сцене” происходила самая несложная импровизация: Петрушка пищал, кланялся, целовался с таксой, кричал “здравствуй, Маша!”, махал руками, и Машке нисколько не мешала то и дело мелькавшая за “ширмой” мамина голова, как не мешает театральному зрителю будка суфлера или фигура осветителя в боковой ложе.

* * *

Почти три недели стояла у нас в столовой елка. Мама вспоминает, что в декабре, когда впервые зашла речь о елке, я высказал целую кучу опасений: дескать, Машку ни на минуту нельзя будет оставить одну в комнате: она и елку может повалить, и игрушки будет срывать, и иголок наглотается.

Машка оказалась умнее, чем думал о ней ее родитель. За три недели она не дотронулась ни до одной игрушки и вообще не прикоснулась к елке. Может быть, тут сыграл некоторую роль “культ Деда Мороза”, который создали этой бородатой личности бабушка, мама и другие домочадцы. На Деда Мороза (а он ростом почти с Машу) девчонка действительно смотрела с почтением.

28.1.58.

С каждым днем, с каждым часом все лучше, свободнее ориентируется она в мире. Растет, обогащается ее словарь. По-прежнему это двусложные слова. Если в слове больше, чем два слога, она его сокращает, укорачивает— до одного, двух. Собака превращается в “баку”, колбаса на ее языке— “каба”, девочка— “девтя”, лошадка— нечто не поддающееся транскрипции: два раза прищелкивает, цокает языком.

Очаровательно в ее произношении слово “Дженни”:

— Дчани.

Как-то на английско-грузинский лад.

Эта “Дчани” ее любимица. До сих пор во всем, что она разглядывала на картинках, для нее не существовало сюжета, а тут целый роман— четверостишие Чуковского с очень славными рисунками Сутеева. Собственно, рисунков там всего два. На одном бедная Дженни горько плачет, растирая кулачком правый глаз. Одна ножка у нее босая. На стуле— сундучок, в котором все разворошено. А внизу— толстый мельник с доброй улыбкой несет в протянутой руке Дженнин красный башмачок.

Машка может без конца слушать и пересказывать эту “страшную историю”.

— Бедная девочка! Как она плачет. Башмачок, туфельку потеряла. Ах, бедная. Ножка босая, голенькая, холодно ей. Где же башмачок? Искала, искала, нигде нет...

Машка по-настоящему “переживает”. Но когда спросишь: “Где же башмачок?”— она с победоносным видом тычет пальчиком в нижний рисунок:

— Вот он, башмачок! Дядя его нашел. Несет Дженни. Не плачь, Дженни. Сейчас тебе дядя принесет туфельку. Вот какой хороший дядя мельник...

Машка радуется, смеется, глазенки ее сверкают. Действительно, для нее это сюжет, роман, здесь она впервые сопереживает судьбу литературного героя.

Но последнюю строчку стихов— “и на мельнице смолол”— я не могу читать Маше. Такой поступок “не в образе” добродушного мельника, доброго гения маленькой несчастной Дженни. И вот вместо “мельницы” я бормочу нечто жалкое, беспомощное, но— благополучное (что-нибудь вроде “положил его на стол”).

* * *

Когда ей нужно попросить близких сделать что-нибудь, требующее физических усилий: открыть коробку, сломать что-нибудь, отрезать, вытащить из бутылки пробку,— она неподражаемым образом натуживается, стонет, кряхтит...

Утром была у мамы, увидела апельсин, попробовала очистить

его— не вышло. Дает маме, кряхтит, просит очистить. Мама делает вид, что и у нее ничего не выходит. Тогда Машку осеняет счастливая мысль.

— Бапа!— говорит она и бежит к отцу.

Папе, конечно, очень лестно, что Машка считает его таким волшебником и умельцем.

Пишет мама

30.1.58.

Вчера наш “бапа” лег в больницу. Дома стало пусто. Папа уверял, что Маша сразу же забудет его и ни разу не вспомнит.

Нет, не забыла.

Вчера и сегодня несколько раз рвалась в комнату отца. Когда я, после завтрака, впустила ее, она подбежала к папиной постели, положила голову на его подушку и очень тихо, почти шепотом, сказала:

— Бапа... Бапа...

А вечером, когда я укладывала ее спать, она тоже два раза сказала “бапа”. Значит, не только вспоминает отца, но и скучает...

1 ГОД 6 МЕСЯЦЕВ

12.2.58.

Два раза Маша была у папы в больнице.

Между прочим, в больнице женщины ходят в пижамах, и Маша называла их “тетя-дядя”.

12.2.58.

Сегодня помогала мне убирать квартиру. Конечно, эта “помощь” утомила маму больше, чем сама уборка. Но все-таки я не мешала ей: пусть приучается к труду.

Очень смешно она орудует тряпкой, вытирая что под руку попало. При этом одной и той же тряпкой она может и пол вытереть, и стол, и лицо.

21.3.58.

Вчера целый день оставалась с тетей Машей.

Любит она ее по-прежнему, любит за веселый нрав, за то, что тетя Маша знает всякие прибаутки и умеет веселиться, как ребенок. А может быть, отчасти и за то, что тетя Маша потакает ей во всем; Машка это чувствует. При тете Маше она делает что хочет. После этого мне дня два приходится бороться с Машей, выправлять ее. За столом ей без тети Маши скучно, она не ест, капризничает. А тетя Маша из обеда устраивает цирк.

— Кушай, Маша,— говорит она,— кушай, сладкая, а не то я плакать буду.

И очень талантливо навзрыд плачет. Машке это интересно, конечно. Но что же получится, если все мы начнем навзрыд плакать?!

1 ГОД 8 МЕСЯЦЕВ

4.4.58.

Сегодня утром после завтрака дала ей книжку и хотела усадить ее в своей комнате. Но Машка вырвалась и побежала в комнату папы. Вбегает туда и застревает на пороге: комната залита солнцем. И золотой квадрат окна лежит на блестяще натертом паркете. Машка ахнула, потом повернулась ко мне и кричит:

— Кап-кап-кап!..

Это она солнце с дождем спутала.

Пишет папа

1 ГОД 10 МЕСЯЦЕВ

16.6.58. Разлив.

Три месяца родительские руки не притрагивались к этой тетрадке.

Машка хворала, отец до конца апреля находился в больничном заточении, мама разрывалась на части.

5 июня переехали на дачу.

Дача, которую зимой сняли мама и тетя Ляля, оказалась очень славной, вместительной и удобной. Садик. Много цветов. Яблоньки. Вишня. Огромное множество сирени. Большая куча отличного ярко-желтого песка— штука, на которую Машка в городе только издали смотрела. А главное— очень симпатичная, интеллигентная хозяйка, дочь потомственного сестрорецкого рабочего.

О том, как Маша поселилась на даче, о том, как она здесь живет и что делает, а также о многом другом будем записывать завтра, и послезавтра, и послепослезавтра... Фактов, событий и впечатлений накопилось много.

18.6.58.

Вчера не по своей вине не сделал записи: вечером не было электричества. Сейчас тоже лампочка не светится, но за окном еще светло, хотя на часах половина одиннадцатого. Белые ночи, сирень цветет. Небо без одного облачка, молочно-голубое, на западе розовато-сиреневое. И— тихо. Как говорится, листочек не шелохнется.

Машка недавно угомонилась, спит.

...В городе несколько раз она была в Зоологическом саду... Прежде чем повести ее туда, папа и мама побывали там без нее и, так сказать, выработали программу Машкиного ознакомления с животным миром. Решили не перегружать ее для начала всякой экзотикой, показать в первую очередь тех, кого она уже знает (лошадь, олень, тигр, слон, медведь, волк, лисица и так далее). Обезьян же и бегемота решили оставить на потом.

Конечно, эту “программу” соблюсти полностью не удалось.

Больше всего Машке понравился олень.

Слона она не разглядела. А слоненка (который помещается уже в отдельном загончике) испугалась, даже заплакала.

...Следующий визит в зоосад был более удачен, хотя на этот раз мы ходили туда без мамы. Машка видела на площадке молодняка медвежат и маленького львенка, кормила (кидала издали кусочки хлеба) оленя, видела волка, шакала, хорька, соболя. Видела лисицу и на вопрос: “Кто это?”— отвечала:

“Собачка”.

Сидели с папой в кафе, ели сардельки, пили кофе. Машка восседала, как большая, на отдельном стуле, ела с аппетитом. Но то ли кофе на нее подействовал, то ли вообще она от усталости развинтилась,— вела она себя в дальнейшем не так, как подобает вести себя благонравной девице двадцати одного месяца от роду. Шла мимо клеток с тиграми, львами и леопардами, размахивала руками и на весь сад орала:

— Сосиська! Сосиська! Сосиська!

Это слово (как и предмет, который оно обозначает) одно из любимейших у нее. (Между прочим, косичку она тоже называет сосиской!)

20.6.58.

Вчера опять не было электричества. Зато сегодня оно сияет в полную силу, и мы воспользуемся этим и будем жаловаться на Машу.

Девочка она, что называется, сложная. Может быть ангелом, светлой, обаятельной личностью, а бывает и так (и часто бывает), что с трудом сдерживаешь желание выпороть ее.

Упрямство (“отцовское”, как уверяют мама и тетя), переходящее в то патологическое состояние, которое называется негативизмом.

— Маша, сними, пожалуйста, локоть со стола.

Ставит оба локтя.

— Сними локти. Прошу тебя.

Нагло смотрит, смеется, локтей не снимает.

— Маша, кончится плохо! Пойдешь в коридор (то есть на веранду).

Знает, что дело идет к этому, что отец не шутит, но какой-то бесенок толкает ее на край пропасти.

Через минуту она на веранде, за закрытой дверью, дико ревет.

Прибегаю к этим крайним мерам редко и не всегда со спокойной совестью. Предпочел бы не пользоваться угрозами и наказаниями.

* * *

Плакса порядочная Машка. И это меня тоже огорчает. Бывает, правда (как сегодня это несколько раз было),— скувырнется с крыльца, сделает сальто-мортале через три-четыре ступеньки, больно ударится и— хоть бы что. Не плачет, только испугается слегка. А другой раз скажут ей:

— Маша, иди руки мыть, пора обедать.

И— слезы на всю улицу.

21.6.58.

Многие слова она произносит четко, правильно, иногда даже комично, утрированно правильно, но говорить до сих пор не говорит, глаголами почти не пользуется...

Первое, что она усвоила,— это окончания ласкательной и уменьшительной формы.

Маму она называет:

— Мамсинька.

Меня— папсинька.

Слова эти придумала сама— чуть ли не полгода тому назад.

Лялю называет:

— Тетя Лялячка!

То есть “чка” прибавляет к “Ляля”.

Мария Федоровна учила Машку петь:

Катя, Катя, Катерина,

Нарисована картина...

Машка пробует петь:

Катя, Катя, Катярина.

23.6.58.

Вечером, после позднего нашего обеда, ходили на озеро. Видели много лодочек, видели уток, видели белую собачку, видели, как дядя мыл в озере лицо— себе и мальчику своему.

На обратном пути Машка поразила нас своей художнической наблюдательностью. Увидела на заборе орнамент в виде ромба и говорит:

— Конфета!

В самом деле, похоже на завернутую в бумажку карамель. Мы похвалили Машку, после чего невозможно было оторвать ее от заборов, поскольку все заборы в Курортном районе украшены только этим стандартным орнаментом...

Перед сном сидела у меня, разглядывали книгу “Шаляпин”. Увидела на групповом портрете Немировича-Данченко и говорит:

— Дядя Ленин!

Показал ей открытку: памятник Ленину у Финляндского вокзала.

Вглядевшись, Маша узнала Ленина.

...Мама укладывала Машку спать. Папа курил во дворе. Слышит, Машка барахлит за занавеской, не хочет спать.

— Это что такое?!— зарычал папа.— Спать сию же минуту!

И ушел.

Машка стала тихонько звать его:

— Папся! Папсиночка!

Мама ей говорит:

— Скажи “папа” громко.

И Машка стала кричать:

— Папа-громка, папа-громка!

Засыпает она по вечерам плохо. Сами виноваты: разгуливаем ее.

2 ГОДА

15.8.58.

Стыд и позор нерадивым родителям! Почти два месяца не заглядывали в эту тетрадку.

Оправдания есть? Есть.

Но оправдываться не будем.

Лучше запишем то, что запомнилось.

* * *

Лето стоит никудышное. Дожди, холодина, неделями без передышки дует норд-ост. Однажды ночью в саду у нас повалило яблоню.

26 июля приехали долгожданные гости с Кавказа: бабушка Люба и Машин двоюродный брат Павлик.

Маша спит вместе с мамой в маленькой комнатке. Бабушка и Павлик— в большой проходной комнате, столовой.

Теперь по утрам я никогда не вижу Машку, но со слов мамы знаю, что изо дня в день по утрам происходит одна и та же история. Машка просыпается, вскакивает на ноги, стоит в кроватке в долгополой своей ночной рубашонке, смотрит в сторону матери и басом гудит:

— Мммм-синька! Мамсик! Буди! Мамсик! Буди!

“Буди”— это значит “проснись”.

Затем, перебравшись на постель матери, отодвигает занавеску и выглядывает за окно:

— Сонышко! Шляпка! Тап-тап.

Это значит: “На дворе солнце. Где моя шляпка и туфли? Гулять пора”.

Одевшись (или, вернее, дав себя одеть), Машка бежит будить Павлика. Павлику десять лет, спит он крепко.

Маша подбегает к его раскладушке, трясет мальчика за бронзовое, загорелое плечо и басом кричит ему в ухо:

— Батишка, буди! Батишка, буди!..

* * *

Четвертого августа Машке исполнилось два года.

И среди прочего она получила в подарок деревянную куклу, длинноносого и длинноногого Буратино. Называет она его то Буратино, то— Петрушка. Вообще-то это, конечно, одно и то же, только национальности разные: Петрушка— русский, Буратино— итальянец.

Несколько дней спустя меня зовут на веранду. Там происходит что-то смешное.

В центре— Машка. Лицо у нее несколько растерянное.

— Машенька,— говорит бабушка,— скажи папочке, что растет на огороде?

И Маша начинает перечислять:

— Юк (лук)... кайтошка... мойковка...

— А еще что?

— Огуйчики.

— А еще?

— Буятино.

Все хохочут. Только Машка остается серьезной, не понимая, в чем дело, что тут смешного.

А я сразу догадываюсь, в чем дело. Смешного тут и правда ничего нет. Бабушка сказала Маше, что на огороде растут лук, огурцы, морковка, петрушка... Девочка предпочитает называть Петрушку его итальянским именем, только и всего. А то, что длинноносые петрушки растут на огороде рядом с луком и сельдереем,— это ее нисколько не удивляет. Для нее это такая же сказка, такое же чудо и такая же обыденность, как и все, что ее окружает.

* * *

Маша давно уже очень любит разглядывать картинки. А теперь она еще и “читать” приохотилась. Берет книгу, или журнал, или газету, или письмо какое-нибудь, водит пальцем и “читает” какой-то вздор:

— Киля, нянька, биля, дядька. Калаком. Силя. Кашни, миля-фа...

Сочиняет “стихи”, экикики. До сих пор это были чистой воды экикики— хорей и дактиль. Сегодня же она дважды поразила меня. Утром пришла ко мне и читает что-то размером “Гайаваты” и “Калевалы”:

Каля-паля диля каля

Мика вака салатака

Канька-Ванька салакайя...

и так далее.

А вечером взяла со стула телеграмму и минут десять, пока мама не увела ее, читала, импровизировала стихи размером (хоть убей, не вспомню, как он называется) “Вещего Олега”:

Макашка мокала талимба кала.

Калина, камилька, накая...

Я был поражен. Я не читал ей— ни здесь, ни в Ленинграде— ничего, написанного этим размером. И вообще никто, насколько я помню, не читал. Откуда же это? Впрочем, надо будет еще выяснить,— может быть, пели что-нибудь или читали (вроде “Врагу не сдается наш гордый “Варяг”).

А самые любимые Машины стихи это:

Тиля-миля босичком,

Талакиля миличком...

Очень захотелось перечитать “От двух до пяти”. А под рукой нет.

2 ГОДА 1 МЕСЯЦ

10.9.58.

1 сентября уехали на Кавказ тетя Гетта и Павлик. Вскоре ушла от нас и “мадам Маня”. Маша исчезновения этой особы и не заметила как будто; а о тете Маше, которая давно у нас не была, Машка вспоминает часто— и вспоминает сама, без всякого напоминания.

* * *

В изобретении ласкательных и уменьшительных она неутомима: мамсинька, папсинька, мамсик, папсик. Говорит еще:

— Мамсиночка.

* * *

Сейчас я проглядывал эту тетрадку и в записи от 20 июня наткнулся на такую фразу:

“Плакса порядочная Машка”.

Даже удивился, настолько это неверно, настолько не подходит эта характеристика к нашей девочке. Нет, слава богу, плачет она теперь очень редко. И главным образом— перед сном, когда дома нет мамы.

* * *

На днях я ездил в город. Мама и Маша ходили меня провожать. Поезд ушел, увез папу. Машка была огорчена. Но не успели они дойти до конца платформы, как пришел встречный, ленинградский поезд. Мама рассказывала мне, как оживилась, как просияла Машка.

— Папся! Папся!— кричала она и во все глазенки смотрела, искала меня среди выходящих из вагонов. Она была уверена, что я уже прокатился немножко на поезде и вернулся.

11.9.58.

У меня Машка не была сегодня. А бывать в моем логове она любит и проникнуть сюда стремится при малейшей возможности. Увидев, что дверь, ведущая из кухни в сени, отворена, она юркает туда. Тычется в мою закрытую дверь и таким тоном, как будто случилось что-то страшное, и вместе с тем не в полный голос, слегка приглушенно, кричит:

— Папа!.. Папочка!.. Папся!..

Или:

— Папа! Можня?

Излишняя торопливость и приглушенный голос вызваны опасениями, что ее поймают и схватят.

А ловят и хватают ее на каждом шагу:

— Нельзя, Машенька! Папа работает. Нельзя!..

12.9.58.

Машенька! Дочка! Как видишь, задолженность свою я погашаю честно: пишу каждый день, каждый вечер, а еще точнее — каждую ночь.

Два дня я тебя почти не видел. Вчера весь день сидел в своем холодном чуланчике и работал. А сегодня бабушка и мама возили тебя в город делать какую-то прививку.

Вернулись вы из города в восьмом, кажется, часу вечера. И не успела ты поесть, как тебя стали укладывать спать.

А спать тебе не хотелось. Ты была возбуждена, вела себя за столом шумно и неприлично, настолько шумно и неприлично, что отцу пришлось даже прибегнуть к строгости. Тебя это не успокоило. Едва кончив ужинать, ты стала носиться по комнатам с теми дикими выкриками, которые свидетельствуют о том, что нервы у ребенка возбуждены свыше меры.

Без конца ты кричала:

— Пописала! Пописала!

Этим ты вводила в заблуждение твоих родителей и бабушку. Родители щупали твои штанишки, бабушка заглядывала под стул — нет ли там лужи? Предлагали тебе сесть на горшок...

А дело небось объяснялось просто: ты сегодня, только что, научилась произносить такое трудное слово, как “пописала”— и радовалась этому, без конца упражнялась и наслаждалась.

14.9.58.

Сегодня, дочка, ты много была на воздухе. Погода стоит никудышная: пасмурно, ветрено, но все-таки дождя не было. Перед ужином мы играли с тобой недолго в саду: собирали камушки и сажали их в “клетки”, нарисованные папой на песчаной дорожке. Камушки— это звери. Мы наперебой придумывали, какой камушек— какой зверь.

— Это будет слон!— говорю я.

Ты тащишь осколок кирпича и кричишь:

— Живаф!

В соседних клетках размещаются олень, павлин, попугай, лев, тигр, лисичка, бегемот, крокодил, зайчик. Ты уже многих зверей знаешь— и не только по названиям. А вот простой лягушки никогда не видела...

И еще одного “зверя” ты ни разу не видела, хотя второе лето живешь за городом: свинью.

Коров, лошадей, козочек, уток, гусей— этих сколько угодно, а вот простой хрюшки нигде в окрестностях нет. Дело дошло до того, что я уж объявление хотел вешать у вокзала:

“Требуется за небольшую плату свинья с поросятами. Ненадолго. Только посмотреть”.

15.9.58.

Все-таки ты, Маша, плохо и мало разговариваешь. Слов знаешь много, а связывать их даже в коротенькие фразы ленишься. Или ты у нас неспособная?

На каждом шагу надо тебе подсказывать, надо тормошить тебя, тянуть за язык.

Схватишь меня, бывает, за руку:

— Пойдем!

Я отлично знаю, куда ты стремишься, но все-таки спрашиваю:

— Куда это пойдем?

Кивок в сторону моей комнаты:

— Туда!

— Ко мне?

Киваешь головой: дескать, да.

— Скажи: “к тебе”.

— К тебе.

Вот так и тянешь тебя за язык и вытягиваешь, как фокусник вытягивает изо рта ленту, каждое местоимение и каждое существительное.

* * *

Перед сном ты опять играла у меня в комнате. Кормила кукол. На этот раз обед появлялся не из воздуха, а мы его варили. Толстая книга превратилась в плиту, на ней стоял керогаз и так далее.

Между прочим, сегодня я впервые заметил, что ты “играешь”, то есть актерствуешь, входишь в роль.

На “керогазе” (роль этого предмета играла у нас нижняя половина матрешки) стояла кастрюля с супом (крышка от витаминной коробки). Я спросил:

— Не погас?

И ты, не отвечая, деловито поколдовала пальчиками, “подвернула фитиль”— тем движением, которое много раз наблюдала на кухне— у мамы и бабушки.

22.9.58.

Ох, Маша, Маша! Опять виноват перед тобой. Оглянуться не успели неделя прошла. Впрочем, у папки есть оправдание— работал с утра до вечера (или— точнее— с вечера до утра). Кое-что он записывал, но не в дневник, а так, куда попало, на клочках разных. Перепишу эти записи сюда.

Но раньше расскажу, хотя бы вкратце, о событиях этой недели.

Вчера мы ходили с тобой в лес. И не в тот паршивый лесок, куда ходим обычно, а подальше, в сторону моря. Там хорошо, тихо, темно, растут елки, каких ты в Разливе не видела. Попав в

этот дремучий лес, ты даже немножко испугалась, стала хватать меня за штанину и хныкать:

— Боисся! Боисся!

Опасения твои не были напрасными. Волки и медведи на нас не напали, но зато налетели комары, от которых ты уже столько натерпелась в июне и в августе... Тебя здорово искусали. На обратном пути ты не переставая чесалась и жаловалась:

— Бойно!..

Какой-то подлец комар умудрился укусить тебя в правый глаз. Верхнее веко опухло. Мы заспешили домой.

Но зато мы нашли три гриба: две сыроежки и горькушку.

А главное, нам посчастливилось— увидели наконец живую лягушку!

Ее поймали в канаве какие-то мальчики. Услышав, как они кричат “лягуха! лягуха!”, я прибавил шагу и еще издали стал просить их:

— Ребята, не отпускайте ее! Покажите девочке!..

Лягушка была, правда, совсем маленькая, полудохлая, но все-таки еще успела попрыгать, прежде чем эти маленькие разбойники унесли ее.

* * *

До сих пор большую часть ночи ты спишь на маминой постели. К этому тебя приучили зимой, когда ты хворала и дома у нас было очень холодно.

Решили, что сразу же по возвращении в город каждый будет спать в своей кровати. И мама тебя к этому уже подготавливает. Но и ты, как я понимаю, тоже готовишься к бою.

На днях между тобой и мамой произошел такой разговор.

Мама, укладывая тебя спать, говорит тебе:

— Маленькие дети должны спать в маленьких кроватках.

— Маша большая,— отвечаешь ты.

— Большая? А разве большие дети когда-нибудь пи-пи в штанишки делают?

— Маша маленькая,— говоришь ты, и выясняется, что наша дочь за словом в карман не лезет.

3.10.58. Ленинград.

26-го мы перебрались в наше ленинградское гнездо. И ты очень быстро вошла в городскую колею.

Ты ходишь по квартире, останавливаешься перед закрытым на ключ шкафом, показываешь пальчиком и говоришь:

— Бурятина!

Совершенно верно: в этом шкафу, за этой дверкой, лежит в полусогнутом состоянии, правда, не Буратино, а Петрушка... Ты его не видела пять месяцев, ты забыла его имя, но образ его в

твоей памяти хранится. И ты смотришь на меня снизу вверх и очень мило спрашиваешь:

— Помнишь?

Впрочем, это, пожалуй, не вопрос. “Помнишь”— это значит “помню”, как “боисся” значит— “боюсь”.

Это “помнишь” слышится теперь довольно часто.

Увидела простынку, приколотую кнопками к стене над папиной постелью:

— О! Кино! Кино! Помнишь?!!

Совершенно верно, простынка эта заменяла экран, когда я показывал тебе диафильмы.

В овладении фразовой речью ты делаешь успехи.

На днях пришла с прогулки и сообщила мне:

— Маша кушала кефир в садике.

В садик тебе принесла кефир бабушка. Я знаю это и все-таки спрашиваю:

— А кто тебе принес в садик кефир?

Задумалась. Глазенки забегали. Наконец “сообразила” и говоришь:

— Койовка?!

...А на днях ты нас насмешила и огорчила. Чем? Написал я сейчас: “своей хитростью”,— и зачеркнул. Какая же это хитрость? Это не хитрость, это называется по-другому.

Воспользовавшись тем, что никого не было в столовой, ты открыла буфет и стибрила конфету-тянучку. После чего сразу же села за свой маленький обеденный столик, ручки положила, как благонравная девочка, на край стола, и— лопаешь себе краденую тянучку. Бабушка входит и— ах! А ты с безмятежным видом жуешь конфетину: дескать, что вам от меня надо? Ем как полагается: сижу за столом, локтей на столе не держу...

Все-таки тебе влетело, голубчик!..

* * *

Все чаще и чаще слышится твое требовательное и настойчивое:

— Сама! Сама!

Все тебе хочется делать самой: и с лестницы спуститься, и кнопку в лифте нажать, и котлетку съесть, и лицо полотенцем вытереть...

1.11.58.

Мама сегодня занималась чем-то на кухне. Прибегает Маша:

— Мамочка! Мамочка! Лёлечка повесилась!

У мамы сердце захолонуло. Что такое? Какая Лёлечка?

Бежит в столовую и видит: с больших медицинских весов сдернуто покрывало, на чашке весов сидит Машкина кукла Леля,

а Машка стоит тут же и передвигает на рычаге разновес.

Я хвораю, не видел этого. Позже мама— в присутствии Машки— рассказывала мне эту историю. Из педагогических соображений я Машку побранил, потом спрашиваю:

— Сколько же весит твоя Лёлечка?

Сдвинула бровки, подумала:

— Семь градусов.

* * *

А на днях Машка расшалилась с мамой и говорит:

— Маша маму съест... бабушку съест... папсиньку съест.

— Да? А сама что будешь делать?

После очень короткой паузы:

— Пьякать.

5.11.58.

Время идет, Машка растет. Болтает она с каждым днем все бойчее и бойчее.

Вот еще примеры.

Пришла ко мне. Я лежу, читаю.

— Папсинька, поцелуемся немножко?

* * *

Играла у меня в комнате. И не хотела оттуда уходить. А ей пора было идти обедать.

Я говорю:

— Вот что, Машенька, ты сходи вымой ручки, переоденься, пообедай с бабушкой, а потом я покажу тебе разные штучки.

Все быстро сделала— не успел оглянуться, она уже опять у меня:

— Покажи штучку!

* * *

Были в Зоопарке. Притомившись, уселись на скамейку перед большим круглым загоном, где живут олени и их родственники. Сквозь кустики акаций мы видели большую голову оленьей самки. Вдруг раздался громовой голос:

— Граждане! В четырнадцать часов ноль-ноль минут в лектории Зоосада состоится лекция “Обезьяны”.

Машка побледнела, съежилась, вытаращила глазенки.

Я говорю:

— Кто это?

И она— хриплым шепотом:

— Корова!

Думала, что это олениха закричала: рупор громкоговорителя как раз над самой головой этой безрогой особы.

7.11.58. Ленинград.

Праздник. А папа весь день дома. Прихварывает и хандрит.

Поздно встал. А Машка утром гуляла с бабушкой. Была на Неве, видела разукрашенные флагами корабли, была в парке. Домой пришла тоже с флагом. Гостей у нас не было, но вечером устроили “бал”: мама поставила на проигрыватель “Славянский танец” Дворжака, нарядилась сама, нарядила Машку— танцевали.

После ужина я вышел в ванную покурить. Уселся на бортик ванны, вытянул по бортику ноги.

Машка посмотрела и говорит:

— Ваня, Ваня— простота...

Это песенка такая— про Ваню, который “купил лошадь без хвоста”. А там картинка— похожая.

2 ГОДА 4 МЕСЯЦА

4.12.58.

Сегодня вечером мама и папа уезжают в Москву. Папа едет на писательский съезд. Впервые оба родителя на такой большой срок, то есть на несколько дней, покидают Машку, оставляют ее на попечение бабушки и тети Ляли.

Машка не понимает, конечно, что значит “Москва” и что такое “несколько дней”.

Последние три-четыре дня папа не работал, у него болел глаз, врач запретил ему читать и писать. И все эти дни с утра до отбоя папа был с Машей.

Играем или смотрим картинки в книгах или что-нибудь еще придумаем... Потом я начинаю забивать в мундштук сигарету. Машка видит это, вскакивает:

— Идем курить?

И мы направляемся в ванную, где я устроил себе курилку и где Машка с удовольствием (и без вреда для себя, так как там хорошая вентиляция) проводит время.

* * *

По-прежнему много и с удовольствием вспоминает, наслаждается этим новым даром жизни. Увидела в книге теленка. Повернула ко мне голову (это непременно— чтобы увидеть мои глаза):

— Помнишь— в Разливе теленочек?

Или— чищу ей ваткой нос.

— Помнишь, Тамарочке нос чистили? (Тамарочка— это кукла.)

Как-то днем я укладывал ее спать (вернее, лежать, так как днем она не спит уже больше двух месяцев). Пытаясь усыпить Машку, я стал слегка покачивать ее кроватку. Это вызвало, по-видимому, приятные ассоциации, напомнило лето, Разлив, где ее возили в коляске, укачивали и убаюкивали. Машка встрепенулась, села в кроватке:

— Помнишь... комаики кусали?

— Ну как же, помню комариков.

— Машу кусали. Вот.

И поднимает ногу, показывает, где именно ее искусали злодеи комары.

* * *

Радуется, когда я шучу,— например, разглядывая картинки в книге, называю собаку лошадью, слона— лягушкой и тому подобное. Иногда верит, что я такой бестолковый, но чаще

понимает, что я шучу.

Спрашиваю:

— Это что— слон?

— Лягушка!!!

— Лягу-ушка??!

— Правда, лягушка!

Это “правда” я услышал на днях. И почему-то обрадовался.

23.12.58.

Мама и папа 12 дней были в отлучке— ездили в Москву. Машка осталась на попечении бабушки и тети Ляли. Мы боялись, что она будет тосковать... Ничего подобного. В этом возрасте горевать не умеют.

Впрочем, кто знает...

Внешне девчонка ничем не проявляла своей “тоски по родителям”, была весела, оживлена, жила заботами текущей минуты... Звонили мы в Ленинград ежедневно, иногда по два раза, а Машка не всегда и к телефону бежала, когда ей говорили: “Иди скорей, мамсинька из Москвы говорит”. Даже, пожалуй, забыла нас немножко. Несколько минут дичилась, исподлобья разглядывала нас, когда мы рано утром 18-го явились перед ее светлые очи. Но где-то в глубине души она тосковала, конечно. И вот доказательство.

Третьего дня, то есть на пятый день нашего возвращения, Машка, уже лежа в постели, зовет маму:

— Мамсинька... ложись!.. (То есть ложись рядом.)

Когда мама, устроив постель, ложится, Машка испытующе смотрит на нее и тихо-тихо спрашивает:

— В Москву не уедешь?

* * *

Ночью Машка проснулась, плакала, кричала, звала маму.

Элико прибежала:

— Машенька, детка, что с тобой? В чем дело?

Машка (с выражением ужаса на лице). Мыло потерял а!..

Во сне увидела.

А днем она много возилась в ванной с обмылками— и один из них потерялся, упал в раковину, и она долго не могла его достать. Позже камушком, который играл роль мыла, долго мылила у меня в комнате крохотного голыша, “дитю”. Так что у мыла были основания втереться в ее сновидение.

2.1.59. Ленинград.

...О елке говорили ей давно. Когда папа с мамой уезжали в Москву, ей было объявлено, что едут они за Дедом Морозом, а Дед привезет елку и подарки.

Вообще этого Деда Мороза эксплуатировали сверх всякой

меры. Пугали: “Дед Мороз рассердится, если кушать не будешь”, “Если спать не пойдешь— Дед Мороз подарков не принесет”...

Эта дешевая домашняя мифология мне, по правде сказать, не нравилась.

Извлекать “педагогическую пользу” из такой легенды— и делать это на каждом шагу— хорошо ли? Легкий способ. И чем он лучше других способов, когда запугивают волком, трубочистом, милиционером, Бармалеем и так далее?

К счастью, Машу до конца не запугали. Деда Мороза она ждала с почтением, с излишним, быть может, волнением, но без страха.

Елки она не видела до утра 1 января. Принесли ее вечером 31-го, когда Маша уже спала, разукрасили, уложили под ее сенью подарки и тут же поставили полуметрового Деда...

Я оставил Машке послание, в котором раешником сообщалось, что, кажется, елка уже стоит в столовой и что, если не ошибаюсь, Дед Мороз прибыл и находится там же— с подарками.

К сожалению, я не видел, как Машка появилась в столовой. Но мама, прочитав Машке мое письмо, одев ее и разрешив ей войти в столовую, вышла в коридор и через другую дверь наблюдала за девочкой.

Машка ахнула, застыла, глазенки ее забегали по разукрашенным веткам дерева и наконец остановились на фигуре белобородого старика.

— Здравствуй, Дед Мороз,— сказала Маша.— С Новым годом!

* * *

Несколько анекдотов из Машкиной жизни.

— Мама, спей немножко!

— Что значит “спей”? “Спой” ты хочешь сказать? Спеть тебе?

— Да... спей.

И жмурится. Клубочком свертывается под одеялом.

— Что же тебе спеть?

— “Колотушек надавай”.

Это фраза из какой-то народной колыбельной.

* * *

Маша уже такая большая, что поправляет других, когда они говорят неправильно.

Мы втроем в ванной: Маша, мамся и я.

— Папсинька, скажи, ты любишь Машу?— спрашивает мама.

— Лублу,— отвечаю я (точно так, как еще месяц назад говорила Маша).

Маша— на руках у мамы— иронически смеется:

— “Лублу”!

— Папа неправильно сказал: лублу! А как надо сказать?

Отчетливо, четко, изысканно, как-то даже по-французски:

— Лю-блю.

...А вот уже совсем невеселый анекдот.

Перед праздником работала у нас Аня— несчастная женщина, муж которой в тюрьме. На руках трое детей, работает поденно. Дети— мал мала меньше— остаются дома одни, то и дело хворают.

Под Новый год Аня мыла у нас в столовой пол. Машка разговорилась с ней:

— Скоро к Машеньке Дед Мороз придет, подарки принесет, куклу принесет. Мячик принесет.

— А мне он что принесет?

— А тебе... тебе— камушки.

Мама и бабушка, которые работали в соседней комнате и слышали этот разговор, чуть не заплакали от огорчения.

— Правильно, Машенька,— усмехнулась Аня.— Мне только камушки и достаются в жизни.

Уверен, что Машка не только не хотела, но и не смогла бы так зло пошутить. Думаю, что она хотела сказать тете Ане приятное. Ведь камушки в ее обиходе— очень ценная валюта. Самый дорогой подарок, который она получила минувшим летом, — это красивые камушки, привезенные ей в подарок с Черного моря ее двоюродным братишкой Павликом.

2 ГОДА 5 МЕСЯЦЕВ

16.1.59.

По-прежнему любит книги, любит слушать чтение или “читать” сама. Импровизирует и стихи и прозу со скоростью пулемета.

Сегодня болтала минут пять: сочиняла заумные стихи— слова на одну рифму. Перебрала, кажется, все согласные:

Сосиська,
Баласиська,
Маласиська,
Малакиська,
Колосиська,
Тиська,
Валиська,
Палиська -
и так далее.

* * *

Капаем в нос витамин “А”. Я— Машке, Машка— своим куклам.

Для кукол у нас другая, сухая, чистая, пипетка и пустая бутылочка из-под лекарства.

Буквально и пунктуально повторяет все манипуляции, какие только что проделывал я: набирает в пипетку лекарство, капает по очереди в обе ноздри, вытирает у кукол под носиками и даже плачет за них и кричит противным “капризульным” голосом:

— Не хачччу! Не хачччу!..

Причем за каждую куклу на свой особый голос.

* * *

На ужин принесли ей глубокую тарелку манной каши.

— Не хаччу! Большая каша! Большая каша!

Понял: хотела сказать— слишком много каши!..

17.1.59.

Сегодня Маша рассказала маме сказку собственного сочинения.

“Мама пошла в ес собиять гьибы. Пьишол ежик и галавит маме:

— Мама, не собияй гьибы, они— гойкие”.

* * *

Любит рисовать и делает в этой области некоторые успехи. Успехи, конечно, самые микроскопические. Еще недавно она просто чиркала карандашом по бумаге (а еще раньше рвала и царапала карандашом бумагу), а теперь пробует выводить

кружочки, ломаную линию. “Нарисует” что-нибудь и кричит:

— Ой, зайчик, зайчик!

Или:

— Папа, смотри! Синдбад!

Иногда что-то угадываешь в этих ломаных и округлых линиях: уши, хвостик, собачью морду.

Очень хочет научиться правильно держать карандаш.

Поминутно спрашивает:

— Так? Пьявильно?

Держит карандаш очень, казалось бы, неудобно— между средним и указательным пальцами. Но ей, по-видимому, так сподручнее.

* * *

Разглядывала альбом карикатур Н.Радлова со стихами Гернет и Дилакторской. Там— звери. Многих она уже хорошо знает, но всегда кого-нибудь путает. Жирафа часто называет оленем, собак путает с лисицами.

На картинке изображена кошка, провожающая кого-то и машущая лапкой.

— Киска! Киска!— кричит Маша.— Киска “до свиданья” лапками галявит!..

30.1.59.

Завтра папа уезжает на месяц в Комарово, в писательский Дом творчества, работать. И вот накануне отъезда решил погасить задолженность перед Машкой.

* * *

У нас новая домработница— 48-летняя татарка Минзамал. По-русски говорит так скверно и так невнятно, что и я с трудом понимаю. А для Машки это и вовсе не хорошо. И без того много вокруг нее иноязычного. Но, как это ни странно, трудное имя Минзамал первая у нас в доме усвоила Машка.

Минзамал— маленькая, худенькая, как девочка. А лицо— сморщенное, как у старушки. Но коса у нее великолепная, длинная, буквально до пят. И Машка, обладательница двух крысиных хвостиков, смотрит с восторгом на эту толстую, длинную косу.

* * *

Машка пришла ко мне и канючит:

— Поиграй, папа, с Машей.

— Не могу. Папе надо работать.

Не отстает:

— Поиграй! Пожалуйста!

Я бросил перо.

— Ну что,— говорю,— мне с тобой делать?

— Играть!

— А работать кто будет?

— Мама.

* * *

Итак, до свиданья, Машенька! Завтра уезжаю. Оставляю эту тетрадку нашей дорогой мамсиньке.

Записи Элико

2.2.59.

...Нашла рубль и положила в кармашек. Ее спрашивают:

— Маша, для чего тебе рубль?

— Хочу купить много-много денег.— Потом добавила:— Килограмм денег.

...Маша “читает” из “Катауси и Мауси”:

Дженни туфлю потеряла,
Долго пьякила, искала,
Мейник туфельку нашел
И на мельнице смолол.

Дальше сочиняет сама:

И чулочки нашел
И на мельнице смолол,
И штанишки нашел
И на мельнице смолол.
Тетю Вазу нашел
И на мельнице смолол...[3]

— Нет, нет,— смеется она,— тетю не смолол!..

Или же читает:

Дети, в школу собирайтесь,
Человек пропел давно...

Смотрит на меня лукаво:

— Пьявильно, мама?

...Папа перед отъездом в Комарово читал ей чарушинский “Теремок”: мышка-норушка, лягушка-квакушка...

А Маша читает на свой лад:

Мышка-норушка,
Матрешка-картошка...

Выдумала каких-то героев: тетя Ваза и дядя Усик.

...Провели день в Комарове. Машка не отставала от папы. Только и слышно было:

— Папу хочу! Папу хочу!

...Дважды была с нею в Зоопарке. Один раз была с нами ее подруга Каринэ. К моему удивлению, Машка очень хорошо ориентируется в зоопарке, показала нам, где какие звери находятся. Маша говорила Каринэ:

— Смотри, у павлина хвост красивый. Сова глазки закрыла.

Зайчик морковку кусает. Волк бабушку и Красную Шапочку съел. Слон кушает сакир (сахар).

А Каринэ смотрела равнодушно, морщилась и говорила:

— Маса, тут воняет.

Маше слово “воняет” очень понравилось, она его не знала и стала повторять. Как только заходим в “бегемотник” или “обезьянник”, она нюхает воздух и говорит:

— И тут воняет.

Пришлось поправлять ее: плохо пахнет, а не воняет.

— Нет, воняет,— твердила она.

Пишет папа

2 ГОДА 10 МЕСЯЦЕВ

29.6.59. Разлив

Двухмесячный пропуск в Машкином дневнике!

Три недели живем на даче. Живем вчетвером: мама, папа, Маша и тетя Минзамал.

На днях переехала— к себе на набережную реки Гагарки— тетя Ляля.

Лето неважное.

Машка растет, вытянулась.

Что можно сказать о ней еще? Хорошая она? Плохая? Умная? Глупая? Не знаю. Одно могу сказать: трудная, не простая.

За последнее время (на даче, главным образом) развитие ее пошло как будто быстрее. Чаще и чаще задает вопросы. “Почему” еще не появилось, а главным образом— “что это?” и “кто там?” и “кто это?”

Любит слушать сказки и вообще все, что ей рассказывают. Рассказываю ей русские народные сказки, Андерсена, Перро, Одоевского, рассказы Житкова, Чарушина, Бианки, Тайца, Носова... Иногда упрощаю рассказ, а бывает— шпарю по книжному тексту. Машка (особенно в кроватке, перед сном) слушает вытаращив глазенки, и временами кажется, что она все понимает. А бывает, ляпнет что-нибудь такое наивное, что ясно: ничегошеньки-то она не поняла. Половины, во всяком случае.

Сегодня (полчаса назад) рассказывал ей “своими словами” “Кошкин дом”. Она знает несколько вариантов этой истории: Маршак по-русски, Маршак по-немецки (“Катценфаус”, как говорит Маша) и мой— вольный прозаический пересказ.

Сегодня сделал попытку довести до сознания Маши мораль этой сказки. Подчеркиваю, что кошка была богатая, но недобрая, а котята— сиротки, бедные, но добрые. Дошел в рассказе до того места, где тетя Кошка и Кот Василий приходят просить ночлега у котят. Маша слушает внимательно, затаив дыхание.

Я говорю:

— Котята были добрые, они не стали вспоминать, что тетя их выгнала. “Пожалуйста,— говорят,— заходите, тетя Кошка”. А тете Кошке стыдно стало...

Машка встрепенулась:

— Пипи сделала?

— Что? Какие пипи?!

— В штанишки пипи?

Слово “стыдно” Машка слышит главным образом (если не исключительно) в тех редких случаях, когда у нее оказываются

мокрыми штаны.

Вот тебе и мораль!

30.6.59.

Умеет быть трогательно ласковой. Вечером, перед сном, у меня в комнате обнимает нас с Элико, ласкается, по очереди целует и приговаривает:

— Папочка мой пригоженький! Папочка халёсый! Мамочка халёсая!.. Лапушка! Матушка ты моя красивая... богатая! Папсинька ты мой горемычный!..

Откуда это— “пригожий”, “горемычный”, “богатый”, “лапушка”? Из книг, из фольклора, а главным образом— от любимицы ее, от тети Маши.

* * *

Бедная тетя Маша! В апреле ей сделали операцию: рак. И кажется, болезнь уже в таком состоянии, что спасти ее нельзя.

После больницы она жила у нас. Не работала, конечно, только возилась в меру сил своих с Машей. Потом выхлопотала с трудом крохотную пенсию и уехала— к сыну в Новгород. Врачи говорят— поехала умирать.

Она не знает, конечно, чем она больна.

Жаль ее очень. И Машку жаль. Очень она любит свою тетю Машу. И та относится к Маше душевно, по-человечески, много ей дала— от своей сердечности, доброты, незаурядного таланта, юмора, словесного богатства.

Дай бог, чтобы врачи ошиблись и чтобы век ее продлился.

* * *

Машка— обезьянка. Подхватывает не только хорошее, но и всякую пошлость, глупость и даже охальство.

Взяла, например, моду на каждом шагу восклицать:

— Какая пьелесть!

Сначала я смеялся, а потом стал сердиться. Потому что в этом возгласе почудились мне иронические и даже цинические нотки. Гуляем с нею.

— Маша, посмотри, какой красивый кленчик!..

Вскинет голову:

— Какая пьелесть!

И в этом возгласе столько светского равнодушия и безразличия, что диву даешься: откуда?!

Теперь это реже.

* * *

...Многое мы ленимся делать. Сколько интересного, значительного пропустили, такого, что уже не вернется и не повторится.

Не проследили и не следим, как с каждым днем

выпрямляется, становится грамматически правильной ее речь, как, по всем правилам, она самостийно осваивает падежи, суффиксы и прочую премудрость, на усвоение которой иностранец, изучающий русский язык, тратит годы.

Не заметили, не уловили момент, когда она стала говорить о себе в первом лице: не “дай Машеньке”, а “дай мне”.

...Вчера вечером папа рассердился на Машку. Что-то она закапризничала, чего-то не захотела делать.

— Ах, вот как?— говорит папа.— Она не хочет? А попка у нее где?

— Нет у меня попки!— заявляет Маша.

* * *

Гостила у нас 13-летняя Алла, девочка, которую вырастила Минзамал. Попросила у меня почитать книгу, Маша, конечно, тут как тут:

— Маше тоже книгу надо дать!

— Да? А разве так говорят? Ты же слышала, как Аллочка сейчас сказала: “Алексей Иванович, дайте мне, пожалуйста, книгу”.

Маша вытянулась по-солдатски и:

— Алексей Иванович, дайте, пожалуйста, Маше книжечку!..

* * *

Машка сочиняет стихи. Пожалуй, последнее время стих этот находит на нее реже. Но все-таки почти каждый день она что-нибудь бормочет, по-прежнему выбирая самые неожиданные размеры. К сожалению, мы не записываем образцы ее творчества, а удержать в памяти эту заумь невозможно.

* * *

Это я записал еще в городе. Машка импровизировала с пулеметной быстротой:

Тут корова прибежала,
Галавит корова: “Мало!”
Прибежал и Дед Мороз,
Галавит Мороз: “Овес”.

3.7.59.

Днем вчера мама, папа и Маша ходили в Тарховку...

На обратном пути попали под проливной дождь... Вез Машку на велосипеде (она очень ловко сидит на багажнике. Машину я веду “в поводу”, потому что садиться в седло мама мне в этих случаях не разрешает).

* * *

Вечером Машка долго не засыпала. Я прилег рядом, на тахту. Она попросила:

— Расскажи сказку.

Рассказал про девочку, заблудившуюся в лесу и попавшую в домик, где живут медведи (в другом случае— волки). Вариант толстовской сказки.

Слушает, вытаращив глазенки.

— Съели?

— Что съели?

— Волки съели Танечку?

— Еще неизвестно.

Губы задрожали. Покраснела. Заплакала.

— Нет! Нет! Не съели! Мама ее где?

— Мама еще неизвестно где.

— Нет! Нет! Мама пришла!..

А позже, когда на смену мне явилась Элико, Машка сама стала пересказывать ей эту “страшную” сказку. И, по словам Элико, пугала ее:

— Волки девочку съели! Да! Да! Съели!..

Что это? По-видимому, когда слушает рассказ, ставит себя на место героини. А когда сама рассказывает, героиня “объективируется”. Впрочем, не уверен, что это именно так.

2 ГОДА И 11 МЕСЯЦЕВ

4.7.59.

Замысловатая штука— детская память. В прошлом году, здесь же, ходили мы с Машкой на озеро, кормили уток, и одна утка клюнула Машу в палец. Зимой, в городе, Машка не раз вспоминала эту историю. Мне думалось, что этот случай запомнится ей на всю жизнь. И вот приехали в Разлив, пришли на то самое место, где происходила баталия с утками, и— никаких следов, никаких ассоциаций. А вместе с тем в памяти история с утками сидит. Но это уже не “оригинал”, а “второй оттиск”.

* * *

Сегодня опять денек никудышный. Дождя, правда, нет, но— холодина, ветер, на небе— не облака, а что-то вроде грязного белья.

Машка сидит дома. Что-то она разлюбила за последнее время игры в одиночку. Все тянется к другим, ищет товарищей. Со мной любит играть. С детьми, по моим наблюдениям, меньше. Странно? Нет, не странно. С ней ведь надо умеючи играть. Надо все время составлять сценарий игры.

* * *

Кто-то сказал:

— Скоро Машенькин день рождения. Гости к ней придут. Игрушки принесут.

— А Дед Мороз придет?

— Нет, Дед Мороз только зимой может ходить, когда холодно, когда снег.

— А сейчас? Пусть сейчас придет. Игрушки пусть принесет.

— Сейчас он не может. Сейчас жарко. Сейчас он растает.

— Ничего,— сказала она, подумав.— Игрушки ведь не растают?

5.7.59.

Вчера мама купила Маше в булочной очень красивую булочку-утку, румяную, поджаристую, с глазками-изюминками. Маша ни за что не хотела ее есть (так же, как не хотела на днях мылиться мылом-слоником), навзрыд зарыдала, когда я, шутя, сунул в рот птичий клювик.

Вечером мы ходили с нею гулять. Возле булочной стояла с мамой толстая девочка, держала в руке точно такую же печеную птичку.

Маша сразу же на это заметила:

— Машина уточка! Смотри!..

И вдруг— о ужас!— толстая девочка сунула в рот птичью

голову и— половины головы нет!

— Папа! Папа! Смотри! Девочка утку зарезала!

...А сегодня утром, когда папа после гимнастики растирал Машу махровым полотенцем, пришла мама, принесла злополучную уточку и стала играть с Машей.

— Открой ротик.

Маша открыла.

— Хап!

И мама сунула булочку в Машин рот. Машка автоматически сомкнула челюсти и— порядочный кусок птичьей головы остался у нее во рту. Не сразу она сообразила, что случилось. А когда увидела надкушенную утку и поняла, что жует она утиную голову, горькие слезы хлынули из ее глаз.

Мама не поняла, в чем дело. А я знал, я ждал этих слез.

Обещали вылечить уточку. Как вылечим? А уже придумали: купим такую точно, а эту— слопаем потихоньку.

* * *

Утром сегодня сидел за маленьким столиком, кормил Машку. Повернулся к Элико.

— Мать,— говорю,— передай нам, пожалуйста, сахар.

Машка нахмурилась, метнула на меня сердитый взгляд.

— Не мать!

— Да, да,— говорю.— Совершенно верно. Мамочка, передай нам, пожалуйста, сахар.

Минут через пять, забывшись, сказал по какому-то поводу:

— Эх, мать, мать!..

Но увидел осуждающий взгляд М.А.Пантелеевой и, поперхнувшись, быстро поправился:

— Эх, мамочка, мамочка!..

6.7.59.

Машка легла поздно— в одиннадцатом часу. Мы пили чай на веранде, а она лежала в кроватке в маминой комнатушке. Сперва лежала спокойно, что-то вполголоса бормотала, а потом стала кричать:

— Не вижу маму! Маму не вижу!

Пошел к ней, прилег на тахту, рассказывал сказки...

Не желает слушать сказки с печальным концом. Вмешивается в рассказ и на ходу перестраивает сюжет:

— Нет, Танечка в лес не пошла! Нет, медведь не пришел! Нет, мама вернулась! Нет, девочка никуда не уходила, девочка в садике сидела...

Эх, Машенька! Знаешь ли ты, что метод, на который ты толкаешь отца, давно и безоговорочно осужден. Он называется у ученых людей “теорией бесконфликтности”.

* * *

А засыпает Машка (уже не первый раз) под такую “сказку”:

— Вот едем мы с Машей на машине. Ой, как качает! А за окошечком люди, козы, коровки, деревья бегут!.. А мы едем, едем, едем...

Она вспоминает поездку на машине, глазки ее слипаются, и очень скоро ее ручка, покоившаяся в моей руке, обмякает, кулачок разжимается, и через минуту я слышу легкое, нежное посапывание...

* * *

Сегодня утром говорю ей:

— Дай-ка я тебя поцелую.

— За что?— говорит.

— Ни за что. Просто я тебя люблю.

Вопрос ее меня поначалу удивил и даже огорчил. А потом я понял. Ведь ей частенько приходится слышать:

— Вот какая хорошая девочка— весь супик съела! Дай я тебя за это поцелую!..

8.7.59.

Папа вернулся вчера из города в седьмом часу вечера... Привез Маше книжек. Привез конфет и печенья. Машка так торопилась читать книжки, что не доела даже любимое свое миндальное печенье. Мама говорит, что это вышло у нее совсем “по-девчоночьи”: положила печенье, сказала “это я потом”, побежала, вернулась, отщипнула еще кусочек и уже бесповоротно ринулась в папину комнату.

Читал “Мойдодыра”, маленькие рассказы Л.Толстого, “Белый дом и черный кот”— стихи польских поэтов в очень хорошем стихотворном пересказе Б.Заходера. Конечно, ближе всего Машиному пониманию бесхитростные азбучные рассказики Толстого. В “Мойдодыре”— и в тексте, и в рисунках— много непонятного. Юмор Тувима[4] (“Труляляйчики”) еще не доходит.

А ведь я ей “Огниво” андерсеновское рассказывал!

Там она разве что одну десятую понимает, а слушает и просит: “Дальше рассказывай”, вообще это дело темное— что “рано” и что “не рано”. Всякая книга (и не только детская) опережает опыт читателя, в ней всегда больше, чем человек знает (знал до того, как прочел эту книгу).

Не хотелось Маше вчера уходить от папы. Были у него и еще книги, но их мы будем читать и разглядывать сегодня.

11.7.59.

...Машка ездила с родителями в Сестрорецк. Ей купили в игрушечном магазине железное ведерко и пластмассовые формочки.

Из магазина прошли в привокзальный садик. Маша не могла наглядеться на свои обновки. А там, в саду, в ящике с песком играла очень занятная маленькая девочка. Поначалу я думал, что это мальчишечка,— если не ошибаюсь, она была в штанах. Девочка стала играть с Машей. Отец ее, подвыпивший молодой дядя, сказал, что зовут ее Люся, что ей два годика, а потом стал жаловаться, что вот “мамки не можем ей найти”. Девочка— от рождения сирота, мать ее умерла два с половиной года назад, при Люсином появлении на свет.

— Разве трудно маму найти?— бездумно спросили мы этого маленького человечка в кепке с пуговкой.

— Трудно... Ведь надо такую, чтобы мачехой не была. И спешить надо. Потом поздно будет. Надо, чтобы Люська не знала, чтобы мамкой звала...

Стало нам очень жаль эту девочку. Отвел я Машу в сторону, объяснил, что у девочки нет мамы, и деликатно намекнул, что неплохо бы подарить Люсе формочки и ведерко. Не буду рассказывать, как происходило это. Конечно, Машке не очень-то хотелось отдавать только что приобретенные игрушки. Но ей хотелось и пожалеть девочку, и она скрепя сердце пожалела— стиснула зубы и с улыбкой (да с улыбкой) отдала ей большую часть своих сокровищ.

Эта встреча в сестрорецком городском саду оставила глубокий след и памяти Машкиной и в душе.

Конечно, она понятия не имеет, что такое “умер”, “умерла”, но то, что существуют дети, у которых может не быть мамы или папы,— с этим она уже столкнулась.

Теперь на каждом шагу она задает такие вопросы.

Увидит стреноженную лошадь, пасущуюся на опушке леса:

— А мама у лошади где?

— А у муравья мама где?

— А детки у нее где?

А на днях спросила:

— А у самолета мама есть?

* * *

Где же они, эти родители, “которых нет”?

Мама рассказала мне вчера, что был у нее с Машей такой разговор.

— Это ваша дочка (про куклу)?

— Да,— отвечает Маша,— это моя дочка.

— А вы ее мама?

— Да.

— А папа у нее есть?

— Нет, папы нет.

— Да что вы говорите?! Бедная девочка! Где же ее папа?

— Папа? Он в магазин ушел.

* * *

На вопрос, есть ли у нее дети, Машка ответила маме (со вздохом):

— Дети у меня есть. Жены нет!

* * *

Любит “Огниво” Андерсена. Правда, в моем пересказе от Андерсена остаются рожки да ножки. Особенно ей нравится то место, где солдат с набитыми золотом карманами приходит в королевский город, в столицу, заходит в ресторан, а потом— в гостиницу. Когда я вчера описал комнатку, где остановился солдат (кроватка, два стула, стол, умывальник), Машка спросила:

— Это Комарово, да?

То есть Дом творчества в Комарове, где папа живет в очень похожей комнатке.

13.7.59.

Утром я работал и слышал, как она просилась “к папе” и как мама не пускала ее. Позже я узнал, в чем дело: Машка поймала муху!.. И очень хотела мне ее показать. А когда я вышел и у Машки появилась эта возможность, муха куда-то исчезла. Надо было видеть Машкино испуганное лицо!

— Где моя мука? Мама, где мука?— бегала она по всей даче.

Сейчас без четверти час. Только что скрипнула калитка. Вихляя тугим рыжим задом, прошел Машкин ровесник, трехлетний боксер Синдбад, за ним с пестрым раскрытым зонтиком— тетя Ляля.

14.7.59.

День вчера был жаркий. Вечером, уже в девятом часу, папа и мама пошли на Разлив купаться, взяли с собой и Машутку. Шел легкий дождик, в отдалении гремела гроза, а на небе— несказанно красивое нагромождение сизых и черных туч, пышных облаков. В облаках гигантские окна, просветы, оттуда— золотые снопы солнечных лучей, ниже, над крышами домов,— малиновый шар солнца.

Родители не только сами выкупались, но и вняли мольбам дочери— взяли ее с собой в воду. Она дрожала— не то от холода, не то от волнения.

А выйдя из воды, бегала с папой по песочку, любовалась уходящим на покой солнцем, искала на южной стороне небосвода молодую луну.

Обратно все трое шли босиком.

Машка вдруг остановилась, ноздри ее зашевелились.

— Чем пак?

Этот вопрос (“чем пахнет?”) она задает на каждом шагу.

На этот раз родители не сразу уловили в вечернем воздухе чуть слышный запах дыма.

* * *

Завтракали сегодня утром, отец огорчился, услышав, как тетя Минзамал спрашивала Машу:

— Ну, что тебе на второе дать?

Папа счел долгом объяснить тете Минзамал, что девочка— это девочка, а не дама, которая пришла в ресторан и выбирает блюда по карточке. Что дадут— то и должна есть. Мама согласилась со мной. А тетя Минзамал, боюсь, меня не поняла.

* * *

Мама уехала в Сестрорецк на рынок. Машу вывели во двор, велели ей играть на солнышке и там, где нет ветра. Но разве она усидит на месте? Отложив работы, играл с нею часа полтора на веранде. Лежал в шезлонге, Машка сидела тут же. Говорили по очереди по телефону: с Дедом Морозом, с мамой, с доктором Айболитом.

Потом Машка изображала Деда Мороза, говорила басом, ходила с какой-то особенной старческой осанкой. Потом она же была Айболитом, лечила меня и Тамару. Очень смеялась, когда я сказал в телефон Деду Морозу:

— Приезжайте, пожалуйста, Дед Мороз. Все мы будем очень рады. Что? Жарко? Боитесь растаять? Знаете что? Мы вас можем в холодильник посадить!..

* * *

Все-таки это чудо— фантазия трехлетнего ребенка. Это— самое настоящие искусство, искусство высокой пробы. Ведь она знает, что я говорю не в телефон, а в собственный кулак, знает, что я говорю не с Айболитом или с Дедом Морозом, а сам с собой,— и все-таки верит, что Айболит сейчас приедет и что Дед Мороз сердится потому, что ему предлагают посидеть в холодильнике.

* * *

Ходит по белому свету и пищит:

— Что? Как? Почему? Как называется? Какой? Чей?

На днях спросила:

— Это чейный?

17.7.59.

Играли вчера с Машкой в саду в “гостей”. Я сидел в гамаке, Машка меня угощала, кормила супом, жареной рыбой, киселем, конфетами, поила чаем. Но самым приятным угощением оказалась игра на рояле, которой угостила меня на десерт хозяйка.

Трудно словами изобразить, как это было. В роли рояля выступал гамак, тот самый, на котором я сидел.

Но где и когда Машка видела это? Откуда эти размашистые движения обеими руками, этот быстрый бег пальцев по “клавиатуре”, эти “мощные аккорды”?! Видела она только на картинке— в “Katzenhaus”— там, где тетя Кошка играет и поет. Но ведь там, на картинке, запечатлен один момент.

А как она пела! Уж этого я не берусь изобразить. Откинув голову и размашисто аккомпанируя себе, она пела что-то очень серьезное, “классическое”. И, обрывая себя на полуфразе, несколько раз спрашивала, обращаясь к публике:

— Еще?

В роли публики выступали тетя Ляля и я. Тетя Ляля давилась от смеха, а я... я наслаждался. Честное слово, с наслаждением и совершенно всерьез слушал эти серьезные, торжественные рулады...

18.7.59.

...Вечером сидели в гамаке, читали немножко.

Убедился, что у Машки все-таки недостаточно большой запас слов. Мысль у нее обгоняет слово. Даже вопрос не всегда умеет задать. А любознательность у нее, как и полагается в этом возрасте, с каждым днем становится все более жадной. Вчера увидела на картинке бегемота:

— Папа! Папа! Расскажи! Что? Какой? Почему?

Что именно интересует ее? Да все, что можно узнать о бегемоте. И грех в подобных случаях не ответить, отмолчаться или отмахнуться. Надо помочь ей и вопрос как следует сформулировать.

* * *

Заметил, что Машка последнее время стала как-то отчетливее картавить. Вместо “р” произносит “л”.

— Папа, дай мне люку!..

Понял, но говорю:

— Луку? Есть хочешь?

Кричит:

— Лю-ку!

— Какого? Зеленого? Или репчатого?

— Да нет!— хохочет, показывая руку.— Лю-у-ку!

19.7.59.

Вчера провела день в очень красивом живописном и даже экзотическом месте— на взморье, при впадении Гагарки в залив. Низкий, поросший ольшаником берег, широкая в этом месте река, впадающая в море, длинная песчаная коса или дамба, в отдалении— Кронштадт, а ближе— причудливо изрезанные

очертания фортов. На том берегу Гагарки— бело-синий деревянный обелиск, памятник погибшим в Отечественную войну морякам.

Раскладушку поставили в лесочке, в этих маленьких насыщенных птичьим гомоном и пронизанных солнцем джунглях. Спала Машка долго, побила все рекорды: 2 часа 15 минут.

Мама и тетя Ляля купались. Наслаждался, бегал, нырял, приносил из воды палку Синдбад. А Машка ничего этого не видела и не слышала: спала как убитая...

* * *

Вчера вечером Машка спросила у мамы:

— У солнца мама есть?

— Есть, Машенька, да.

— А что она делает?

Машина мама растерялась:

— Я не знаю, Машенька, что она делает.

— А я знаю.

— Ну, что?

— Варенье варит.

Папе это очень понравилось: солнцева мама летним вечером варит малиновое варенье!..

* * *

Читали “Белочку и Тамарочку”. На картинке мама этих девочек выглядывает из окна. Маша хорошо знает, чья это мама. Но говорит:

— Это моя мама.

— Как твоя? У тебя же есть мамочка.

— Нет, моя!

— А что же мы будем делать с нашей мамочкой? Белочке и Тамарочке отдадим?

— Нет!

— А как же быть?

Подумала и говорит:

— У меня три мамы.

По-видимому, хотела сказать: две.

* * *

А позже, обнимая маму, сказала ей на ухо:

— Мамсиночка... дружочек мой!..

* * *

Сегодня опять чудесный летний день. Проснулся за окном Машка:

— Па-апа-а-а! Идем гимнастикой заниматься!

Вскочил, откинул занавеску— стоит, задрав головку, голенькая, простоволосая, в одних красных сандаликах.

Через пять минут вышел в сад. Машка бежит навстречу:

— Папа! Папа! Иди, посмотри! Божья коровка!

Действительно, на цветке сидит очень нарядная божья коровка.

И началось:

— А мама у нее где? Мама— корова? Большая? Да?

— Нет, Машенька.

— А где она живет? Она с муками живет? (То есть с мухами.)

20.7.59.

Занимались гимнастикой вперемежку с игрой в прятки. Между прочим, на этой несложной игре проверяется мера Машкиного ума. До сих пор она прячется по способу известной длинноногой птицы, обитательницы пустыни. Та хоть голову под крыло прячет. А Машка закроется каким-нибудь фиговым листком, станет за кустиком или, скажем, за гамаком и кричит:

— Ищи меня!

Всякий раз приходится разыгрывать пантомиму. И всякий раз, когда “находишь” ее и ахаешь, она заливается ликующим смехом.

Игры она меняет на ходу. Сегодня играла в прятки, вдруг выбегает из-за куста, протягивает руку:

— Здрасти.

Я уже понимаю, в чем дело.

— Здравствуйте, Марья Алексеевна!

— Садитесь чай пить.

Я присаживаюсь на корточки, пью понарошку чай. Говорю:

— Сахара мало.

— Нет сахара!

— Как нет?

— Не привезли магазин.

Откуда это? Кажется, это уже давно не проблема— сахар. А в Машкиной игре сахар— дефицитный товар. Говорит:

— Потом дядя привезет сахар. И картошку привезет. И огуйчики привезет. И ягоды привезет.

* * *

Ну, до новой тетрадки, Маша! Доброго тебе здоровьица!

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

21.7.59. Разлив.

В хороший солнечный день въезжаем мы в новую тетрадку. Только ветерок сегодня— выше среднего.

А вчера день был еще лучше. Ходила— с мамой и тетей Лялей— на взморье. Позже туда приехал на велосипеде и папа. Маша спала в обнимку с мамой— прямо на земле (на одеялах, конечно). Спала сравнительно недолго: минут сорок. Потом они с папой ходили собирать цветы. С наслаждением продирались сквозь пахучие заросли— в этих маленьких джунглях, где под ногами так хорошо хлюпает, где на сочной зелени деревьев и травы так ярко смотрятся цветы и цветы эти так хорошо, крепко и даже удушливо пахнут.

Машка жаловалась, что ее кто-то укусил:

— Земеля укусила!..

Но это была, к счастью, не змея, а слепни, которые, правда сильно, покусали маленькую путешественницу. А Машка путешествовала еще и босиком!

Позже играли с Синдбадом. Кидали в речку палки, и Синдбад кидался за ними в воду и приносил их. Маша тоже кидала, но она еще не умеет— палки у нее летят не вперед, а назад, в лучшем случае, падают у самых Машкиных ног.

Закопали с папой лишнюю бутылку лимонада— чтобы не нести домой. Сегодня раскопаем.

На обратном пути папа немножко вез Машу в седле.

* * *

Обедали в Сестрорецке, в ресторане.

Вела себя там Машка поначалу довольно развязно. Стала было хватать своими проказливыми ручонками большие бокалы, стоявшие на столе. Папа ей сказал: “Маша, оставь”— она не оставила. Но тут подошел старик официант с мохнатыми седыми бровями и очень строго сказал: “Девочка, фужеры трогать нельзя!..”

Она испугалась, смутилась, покраснела, опустила глаза.

Наевшись, ублаготворив себя до отказа, Машка, обнимая мать, спрашивала:

— Мама, что я еще хочу?

Этот странный вопрос она задает довольно часто.

22.7.59.

В Машкиной свите— неожиданное прибавление: мальчик Митя. Это уже совсем взрослый человек, почти старичок: ему семь с половиной лет!

И он очень свысока, снисходительно, почти презрительно обращался с Машей.

Но Машка увлеклась этим бывалым, прожженным парнем.

Только и слышно было:

— Митя! Митя! Где Митя? Митя где?

Играли в мяч. И не в какой-нибудь, а в волейбольный. Играли втроем: папа, Митя и Маша. Правда, Митя то и дело покрикивал на Машу:

— Уйди! Не мешай!

Но Машка не обижалась,— ей, кажется, даже льстило это, то есть то, что к ней обращается сам Митя.

23.7.59.

Сидели с Машей в саду, в гамаке, играли “в маму и сыночка”. Я был сыночек, Маша— мама.

Я спросил:

— А где папочка?

— Папа ляботает... писает книгу.

Потом сказала:

— Не кричи. Иди сюда, я тебе сисю дам.

Где она видела, как “сисю дают”?

* * *

На станции Курорт показал ей настурцию. Дал понюхать. Сказал, что цветок называется настурция. Через десять минут мама спрашивает:

— Маша, как называется этот цветок?

— Этот? Настанция?

* * *

Сегодня утром, ласкаясь к матери, сказала:

— Мамсиночка, какой у тебя нос молоденький.

Мама уверяет, что это высшая степень одобрения. Сейчас, в середине лета, Маша то и дело слышит: молоденькая картошка, молоденькие огурчики и так далее. Впрочем, не уверен, что это отсюда...

* * *

— Я в магазин ходила. Купила туфельки.

— Да? И сколько вы за них заплатили?

— Сколько? Три года.

* * *

А вчера Машка задала мне странный вопрос:

— Полюбить можешь?

27.7.59.

Утром сегодня во время гимнастики и после гимнастики подбирала под яблоней раннюю падалицу— крохотные, зелененькие, но уже так хорошо, по-августовски пахнущие

яблочки. При этом кричала:

— Как много яблуков на свете!..

Что это? Откуда этот ямб? Не докопался.

А вчера мама сказала, что после обеда папа даст Маше конфету.

— Не жизнь, а сметана!— воскликнула Машка.

Мама мне рассказала об этом в ее присутствии. Стали допытываться: откуда? Кто это так говорил? Ухмылялась, молчала, а потом сказала:

— Аллочка.

На Аллочку (воспитанницу Минзамал) это похоже. Но Аллочка уехала от нас месяц назад— и, значит, целый месяц эта глупая поговорка хранилась где-то на дне крепнущей Машкиной памяти.

* * *

Ездили на велосипеде к тете Ляле и на обратном пути заезжали в переулочек, где папа недавно выследил двух индюшек. Обещал показать Маше и показал индюка-папу и индюшку-маму.

* * *

Кстати... Вопрос о родственных отношениях всего окружающего— не только людей, животных, но и неодушевленных предметов— последнее время почему-то чрезвычайно занимает Машу.

— А мама у них есть? А где папа? А дити есть? А тетя Ляля?

“Тетя Ляля” (как и “тетя Гетта”)— это, конечно, не имя, а степень родства.

Спрашивает про соседских девочек:

— А папа у них есть? А мама? А тетя Гетта?

На днях гуляла с мамой и увидела трех уток.

— Эта утка— папа, эта— мама, а эта— тетя Ляля.

Дачная хозяйка— тетя Шура— тоже нечто нарицательное.

Разглядывали картинки в книге про Белочку и Тамарочку.

— А где у них тетя Шура живет?

* * *

Спрашиваю:

— Как зовут твоих дочек?

— Эту зовут— Бася.

— А эту?

— А эту... эту— Пиня.

Откуда это? Сразу два— и таких колоритных, бабелевских еврейских имени: Бася и Пиня.

И ведь ниоткуда, сама выдумала.

* * *

Об отношении Маши к лакомствам.

Даем ей только фруктовые конфеты, карамель. Или мармелад. А шоколад ей, как и многое другое, запрещен врачами.

Вообще-то она не сладкоежка. Но клянчила конфеты постоянно.

— Конфетку дашь? Конфетку можно?

Я сделал опыт. Она принесла свою кругленькую корзиночку и похвасталась:

— Смотри, сколько у Маши конфет!

Я прибавил еще несколько. И сказал:

— Давай переложим эти конфеты в коробочку. И пусть эта коробка будет у Маши. И Маша, когда захочет, будет есть конфеты и угощать других.

Переложил конфеты в коробку из-под мармелада и отдал коробку Маше. Коробка лежала на столе на веранде, и Маша, по моим наблюдениям, не злоупотребляла своей властью. А может быть, она просто не поняла, в чем дело. Но и в этом случае нет оснований огорчаться. Легкость, с какой она рассталась со своими сокровищами, делает ей честь.

29.7.59.

Ходила с папой на полувысохшее болото за цветами. Ходить было трудно и страшновато: осока растет густая, под ногами какие-то кочки и ухабы, а папа не ждет— уходит все дальше и дальше.

— Па-па! Не уходи! Иди сюда!— кричала Маша.

А папа не ждал, уходил.

Маша его наконец догнала и говорит:

— Фалактел!

Папа не сразу понял— о чем она.

— Что ты говоришь?

— Фалактел,— говорит она и качает при этом головой.

Это она мамино “характер” повторяет. Дескать, ну и характерец у родителя!

30.7.59.

В седьмом часу вечера Маша купалась. Вода, говорят, была теплая. И неудивительно. Вторую неделю стоит невыносимая жарища.

Видели сегодня нечто страшное и даже зловещее. Набежали тучи, с моря подул шквалистый ветер— и вдруг с живых, летних, зеленых деревьев посыпались листья. Это называется “засуха”. Некоторые листья— желтые, но не осенние, золотые, а лимонно-желтые. Глядишь на них, и во рту кисло делается.

Маша ходила с папой в лес по малину. Малинник кто-то уже обобрал, но все-таки минут за 30-40 набрали ее по здешним масштабам немало. Оба увлеклись и не обращали внимания на

комаров, которые увивались— особенно вокруг Машкиных сладких ножек.

Сейчас сидит за своим столиком, чистит малину (там ее больше полстакана). Мама обещала сварить из малины варенье.

31.7.59.

Напрасно позволили Маше купаться. Нельзя ей. Захворала.

Сидит у мамы на тахте, разглядывает книжки и толстую тетрадку отрывного календаря, где всякие занятные малюсенькие рисуночки.

Несколько раз заходил к ней и— уходил скрепя сердце. Вдогонку неслось:

— Папа, не уходи! Папсинька, посиди!..

* * *

Любит, когда ей читают настоящие книги. Но не меньше любит, когда я устраиваю пантомиму и читаю “понарошку”: будто бы беру воображаемую книгу, будто бы листаю, будто бы разглядываю картинки, про себя читаю, бормочу что-то, смеюсь, потом закрываю книгу и ставлю на полку.

Очень испугалась, когда за окном вдруг появилась вчерашняя докторша. Мама сидела на крылечке, чистила ягоды, и доктор, проходя, остановилась спросить, как Машкино здоровье.

А у Машки уже слезы на глазах. Смотрит на меня с мольбой и надеждой:

— Плидет? Доктор плидет? Будет меня смотреть? Не будет? Не надо!..

И сердечко бьется, как будто волк за окном, а не добрая пожилая женщина в сереньком платье.

1.8.59.

Третьего дня ездил в Сестрорецк, купил Машке к дню рождения трехколесный велосипед. Долго раздумывали и колебались— и вот купил все-таки. В минуту, когда Машке было особенно дурно, я сказал, что, кажется, ей четвертого августа подарят велосипед и что, кажется, его купили уже. Но в этом возрасте слова забываются быстро. “Мало ли что говорят!” Говорят, например, что волки в лесу, что существуют пряничные домики, что в цветочной чашечке живет Дюймовочка! Во все это ребенок и верит и не верит.

Но вчера, когда Маша “гуляла” (у мамы на руках) в саду и мама поднесла ее к моему окошку, я показал ей на одну секунду велосипедный руль. (Велосипед у меня разобран и тщательно замаскирован, прикрыт старыми газетами.) Ох, что было! Новенький руль блеснул, и глаза у Машки блеснули... И опять не знает: верить или не верить...

* * *

По утрам приношу Маше яблоки-падалицу. У нее уже целая сумка набрана этих восхитительно пахнущих яблочек. Сегодня принес полуживую, вялую, сонную гусеницу. Машка не испугалась, но и особой нежности к этой особе не проявила.

Бедная— сидит, скучает. Уходил от нее— кричала на весь дом:

— Папа! Не уходи, останься!..

Не остался. Ушел. И не только потому, что спешил к поезду, а потому, что знаю: детей, которые часто хворают и которых поэтому особенно жалеют, легче всего избаловать. Нужно всегда, постоянно помнить об этом.

* * *

Папа и мама видели сегодня сны, которые рассказывали за утренним кофеем.

Мама видела, что она— Золушка, видела себя девушкой и видела какого-то красавца Мирза-пашу...

А папа видел, что он продает букинисту книги. И очень ему горько было продавать. Потом он видел фальшивые бриллианты.

Машка сидела и слушала.

Мама посмотрела на нее, засмеялась и сказала:

— Так у человека появляется “жизненный опыт”.

* * *

Вечером перед сном пришел прощаться. Сидит в ночной рубашечке у мамы на коленях, болтает. Великолепно изображала, как убаюкивают своих детенышей разные звери.

Лев: Бау-бау. Бау-бау.

Лисичка: Бяу-бяу. Бяу-бяу.

Киска: Мяв-мяв-мяв-мяв-мяв-мяв.

Попугай: Кинув-кинув... Кинув-кинув...

И так далее. Всех диких и домашних животных перебрала. И все это— на мотив колыбельной.

3 ГОДА

4.8.59.

Спала Маша, спасаясь от жары, на веранде.

Утром у нее много радости. Подарки!

Мама подарила ей немецкую куклу Катарину и мебель: платяной шкаф, кровать, стол и прочее.

От папы Машка получила трехколесный велосипед. К сожалению, велосипед немножко велик. Но она уже пробовала кататься— на веранде.

А ей еще предстоят новые радости. По слухам, тетя Ляля приобрела в подарок любимой племяннице какой-то огромный деревянный разборный дом...

5.8.59.

Трехлетняя Маша принимала вчера гостей. Было их не так много и, к сожалению, не было никого, кто бы мог сесть с Машей за ее столик, то есть не было сверстников. Одни взрослые.

Первой приехала тетя Неля. Она привезла Маше несколько книжек, кукольный гамак и маленькую кукольную мебель.

Потом появилась тетя Нина Колышкина. От нее Маша получила металлофон с молоточком и кукольные салазки.

Затем Маша встречала тетю Лелю и дядю Петю Морозов. От них она получила мебель для столовой. Это был уже третий гарнитур, полученный ею в этот день.

Тетю Лялю мы не считаем. Она не гость, а свой человек. Но подарки ее мы заприходуем. От нее Маша получила громадный и тяжеленный бревенчатый дом, при одном взгляде на который Машины родители закачались. Утешились они, когда подумали, что могло быть хуже, что мысль подарить Маше этот кондовый сруб могла прийти в голову не одной тете Ляле.

Попозже приехала тетя Клава Бурсова. Перевязанная шпагатом коробка вызвала у всех присутствующих единодушный вопль:

— Мебель! Мебель! Еще мебель привезли.

Но в коробке оказалась не мебель, а чайный сервиз на шесть персон. Кукольный.

И наконец, под занавес появился дядя Прокофий. Под мышкой он держал перевязанную бечевкой картонку. В коробке оказалась мебель: кровать, платяной шкаф и тому подобное.

Таким образом, мебелью Маша обеспечена до совершеннолетия.

6.8.59.

Решили ехать к шалашу Ленина. Думали— автобусом, но

долго было ждать, пошли к пароходной пристани. Там тоже пришлось минут сорок дожидаться катера...

Машка впервые на воде. Не боялась, не волновалась. Сидели мы в носовой, открытой части. Несколько раз я ставил Машку на лавку, чтобы она могла смотреть и на водичку и на берега, мимо которых бежал наш катер (представляющий из себя не что иное, как трактор ХТЗ, вставленный в большую, человек на 80-100, шлюпку. Даже высокое сиденье рулевого— от трактора). Но всякий раз, как я ставил Машку, она тотчас же садилась. По-видимому, интереснее было смотреть не на водичку, а на людей, которые сидели напротив. А кроме того— и подражание. Все сидят— и она хочет сидеть. Тем более что сидит не на коленях у родителей, а, как большая, собственным задиком на лавке. А это ведь еще не так часто случается.

...У шалаша было шумно и многолюдно. Показали Машке шалаш (настоящий шалаш, а не каменный, не памятник), объяснили, что в этом домике дядя Ленин жил. Ничего не поняла:

— Где? Кто? Папа, где? Покажи! Где Ленин?

Ведь и шалаш-то для нее— новое, необычное, странное. Похоже на будочку, где собачки живут, и вдруг— дядя Ленин!

Домой ехали автобусом.

* * *

Неподалеку от нашей дачи, у автоматического шлагбаума, есть домик, постоянно привлекающий Машкино внимание. В этом домике, кроме людей, живут: два котенка, две маленькие козочки и два довольно больших розовых поросенка. Но почти всегда, когда мы проходим мимо, ни козочек, ни поросят в саду не видно. Чаще всего в поле нашего зрения попадают котята, но это хоть и милый народ, а все-таки не такой уже редкостный.

А вчера Маша едет на моем велосипеде и вдруг:

— Мама, мама, вон поросятки! Папа, гляди, поросятки!

— Да... поросятки.

Но там, за забором, не поросятки, а всего один поросенок. Маша это замечает и спрашивает:

— А где другой поросяток?

(Это как “десятки”— “десяток”.)

Поправили, сказали: “Не поросяток, а поросенок”, и этого было достаточно...

* * *

Как уже сообщалось, отец подарил Маше трехколесный велосипед. Велосипед этот был великоват Маше— ноги не дотягивали до педалей. Но все-таки она кое-как ездила на нем. И была надежда, что ножки у нее подрастут и она будет ездить как следует.

Но...

Представьте себе, да, и в Машкиной жизни уже возникают эти “но”.

Вчера папа решил дать Машке урок настоящей велосипедной езды. Взял велосипед под мышку, а Машу— за руку и потащил их на Вторую Поперечную улицу, где, по его представлениям, кататься на велосипеде гораздо удобнее, потому что там не песок, а асфальт.

Удобно или неудобно— не знаю, выяснить не удалось.

Села Маша на велосипед, пробует работать педалями, пыхтит, охает, кое-как передвигается. И вдруг навстречу нам едет довольно большой, четырехлетний, а может быть и пятилетний, мальчик на очень маленьком трехколесном велосипедике. Сидеть ему на этом велосипеде очень неловко, сидит раскорякой, но все-таки едет быстро, ножки на педалях так и мелькают. А рядом идут родители этого счастливца— папа-грузин и блондинка-мама.

Машин папа посмотрел на мальчика и говорит:

— Маловата машина.

— Да,— говорят,— а вашей великовата.

И пошли дальше. А папа им вслед:

— Давайте меняться?

Люди не поверили. Остановились:

— Вы что— серьезно?

— Почему же не серьезно? Серьезно!..

Таким образом в самом центре поселка Разлив, среди бела дня, на оживленной Второй Поперечной улице, на виду у многочисленных прохожих, произошел этот добровольный обмен-грабеж.

Не веря своему счастью, мальчик вскочил на новенькую голубую машину и заработал педалями. Родители его, поминутно оглядываясь, тоже прибавили шагу. А мы с Машей остались стоять и с волнением смотрели на облезлую, грязную, обшарпанную и перевязанную в нескольких местах электропроводом машину, счастливыми обладателями которой мы так неожиданно оказались.

Машка пробовала плакать, я прикрикнул на нее:

— Глупая! Это же вон какая удобная, маленькая машина!

— Не хочу маленькую! Хочу другую!

Шли домой в предчувствии грозы. Как и следовало ожидать, гроза разразилась. Маше не очень досталось, она еще маленькая, зато папу корили и пилили на все корки. И он чувствовал себя Иванушкой-дурачком, который променял корову на дудочку. Самое обидное, что Маша и на этом, удобном велосипеде не

может ездить.

* * *

Уже вторую неделю Машка не расстается с корзиночкой, где у нее всегда имеется изрядный запасец всяких “Тузиков”, “Петродворцов” и “Золотых ключиков”. С этой корзинкой она тащится и на рынок, и на вокзал провожать кого-нибудь, и на пляж. И не было случая, чтобы она съела конфету без разрешения и в неурочное время.

Это мы хорошо, неплохо придумали. Это лучше, чем конфеты под замком. И еще: доверие делает чудеса.

* * *

Недавно она поменяла всех нас ролями. Я стал Алешей, она— мамой...

Третьего дня, обнимая меня и целуя, сказала:

— Алешенька... любименький!

И сказала это как-то особенно нежно. Когда я выступаю в роли отца, она меня так не ласкает. А тут— честное слово— мне самому начинает казаться, что я— маленький!

* * *

Разбирали и собирали тети Лялин складной дом. Машка сама не умеет, но с удовольствием суетится и помогает.

Вообще помогать очень любит. Любит делать что-нибудь основательное, систематическое, если, конечно, это по силам ей. Например, чистит ягоды, наматывает на клубок нитки.

Впрочем, это, кажется, все дети любят.

* * *

Последнее время пристрастилась к “математике”, оперирует цифрами и числами.

На вопрос: “Сколько времени?”— отвечает неизменно:

— Четверть восьмого.

Спросишь: “Сколько стоит?”— говорит:

— Три.

Или:

— Восемь.

А последние два дня чаще говорит почему-то:

— Одиннадцать.

9.8.59.

Вчера под вечер ходили вдвоем с Машей к сараю Ленина и дальше...

Видели белых уток, которые спали, уложив на своих белоснежных спинках головы— клювиками к хвосту.

Обратно шли по Первой Поперечной— через дюны. Навстречу дул ветер, в лицо нам мело песком, шли мы согнувшись в три погибели (у отца под мышкой Машин велосипед). И Машка вдруг

сказала:

— Идем, как котята.

Это из “Кошкина дома”— племяннички-котята под дождем так идут.

* * *

Дома Маша каталась немножко на велосипеде. Он у нас стал не такой паршивенький, стал более или менее красивенький: мама вымыла его, вычистила— не узнать.

* * *

Играли с Машей в такси. Я— шофер.

— Куда ехать?— спрашиваю.— Какая улица?

— Какая улица? Правая.

* * *

Я по-прежнему Алешенька. Оказывается, у меня есть сестричка Машенька. Это— бывшая мама.

Сегодня утром Машка спрашивает у мамы:

— Машенька, ты не знаешь, где мой сын Алеша?

* * *

И вот уже полное перевоплощение. Утром же сегодня, увидев, что мать подкрашивает губы:

— Маша, ты— маленькая и губы, пожалуйста, не мажь!

* * *

Дома у нас новость. Не совсем уже свежая. Забыл записать. Еще третьего дня тетя Ляля принесла Маше крохотную живую рыбку. Что это за рыбка, какого она рода-племени, папа, к сожалению, не знает.

Минут пять рыбка Машу забавляла, а потом всякий интерес начисто иссяк. Да и что там смотреть— плавает и плавает, вертится и вертится, как спица в колесе. Но у папы прибавилось забот. Он дважды в день меняет в банке воду и— будучи человеком необразованным, не имея понятия, что такое рыба и какими запросами она живет,— тем не менее кормит эту рыбку, полагаясь на интуицию и собственный вкус: дает своей воспитаннице белый хлеб, сахар, минную и гречневую крупу. Кажется, ест, вы знаете! А двух мух, которых папа подкинул рыбешке, она пальцем не тронула. И мухи были извлечены из воды.

Между прочим, услышав из разговора взрослых, что рыбы питаются мухами, Машка во время прогулки стала приставать ко мне:

— Папа, пойдем в магазин. Купим для рыбки мук!

* * *

Вечером вчера каталась (и уже неплохо) на велосипеде, играла, подметала в папиной комнате пол.

А утром сегодня поссорились.

Когда я вышел из своей комнаты, Машка уже сидела за столом, завтракала. Рядом стояли мама и тетя Минзамал. Папа сказал всем:

— Здравствуйте!

Взрослые ответили, а Маша— как это довольно часто с ней бывает— стала глупо и растерянно улыбаться, качать ногой, крутить глазами.

Я сел и стал завтракать. Я знал, что настроение испорчено не только у меня, но и у Машки.

Позже слышал, как она ходила в сенях у дверей моей комнаты. Слышал, как громко вздыхала. Наконец решилась:

— Можна?

— Кто там?

— Папа, прости!

— Что?!

— Папа, прости!

— Ах, вот как? Думаешь, это каждый день так будет? Сначала набезобразничаешь, а потом “прости”?!

И вдруг нагнулся, подставил губы:

— Ну, здравствуй!

Она (шепотом). Здравствуй.

И помчалась к матери. Слышу радостный, почти ликующий вопль:

— Я сказала!.. Я сказала папе “пьёсти”. Мама, я сказала папе “пьёсти”!..

Это я слышал. Но не слышал, как она сказала матери на ухо:

— Папочка меня полуцевал (то есть поцеловал).

* * *

— Машенька, поспи еще! Нельзя так. Ты же спала всего пять минут.

— Нет. Я три года спала.

* * *

Утром папа обнаружил, что рыбка, которая три дня жила у нас на веранде в полулитровой консервной банке, уснула. Вчера вечером я забыл переменить воду.

Потихоньку от Маши выбросил рыбку, убрал банку. Но Маша, как и следовало ожидать, о рыбке не вспомнила.

12.8.59.

Вечером была у меня. Я читал газету. В газете— карикатура на Аденауэра: длиннющий нос, оскаленная пасть, с носа свисают ледяные сосульки.

— Это кто?

— Это дядя. Его зовут Аденауэр.

— А это что? Рыбки?

В руках у дяди, увы, не рыбки, а черные атомные бомбы. И на животе у дяди написано: “Холодная война”.

Машка разглядывает картинку и вдруг говорит:

— Я боюсь! Он меня съест. Я боюсь! Папа, боюсь!

И вижу— краснеет, глазенки слезами наполнились.

Бежит к двери.

— Открой! Папа, открой дверь!

— Глупая, что ты?!

Открыл все-таки. И вот— чудо какое! Бежит, стучит каблуками и, слышу, кричит матери:

— Мама, папа мне конфету дал!..

А конфета ей действительно была выдана— минут за пять до этого.

* * *

Вечером лежала в темноте в кроватке. Я сидел один в столовой, ужинал. Дверь приоткрыта. Слышу громкий шепот:

— Алеша!.. Алешенька! Ты что делаешь?

— Спи, Маша!

— Я не Маша.

— Спи, мамочка! А то я— знаешь?..

— Дверь закроешь?

— Может быть, и закрою.

— А может быть, не закроешь?

13.8.59.

...Давно хотел отметить такую черту Машкиного характера, как склонность к юмору.

Любит и понимает шутку, любит, когда другие острят, каламбурят, и сама не прочь попытать силы в острячестве.

Когда ей очень смешно— не хохочет, а регочет.

Как-то на днях, когда мама отправилась в очередную поездку “покупать”, я спросил у Маши:

— Машенька, куда мама уехала? В Сестрорецк?

— Нет.

— А куда?

— Домой. В Ленинград.

— А на чем она поехала? На поезде?

Маше надоело, по-видимому, держать этот скучный экзамен, она говорит:

— Нет, не на поезде.

— А на чем?

— На карусели...

И сама заливается, хохочет...

* * *

Играли в автобус. Маша очень смешно изображает кондукторшу— очень похоже “отрывает билет”. При этом она всякий раз произносит что-то вроде:

— Тррк!..

* * *

Читал вчера Маше рукопись рассказа, над которым сейчас работаю. Признаться, волновался больше, чем волнуюсь обычно, когда читаю вслух незавершенную рукопись. Рассказ— не на ее возраст, постарше. Но все-таки многое поняла. Смеялась. И смеялась там, где юмор более или менее тонкий. Впрочем, под конец устала, потребовала:

— Давай лучше “Кошкин дом” читать...

Автор немножко обиделся, но потом вспомнил, что подобное случалось не только с ним, но и с Г.-Х. Андерсеном, и с С.Я.Маршаком, и с Л.Н.Толстым... Как бы то ни было, чтение это пошло автору на пользу.

* * *

Я сказал Маше, что скоро (недели через две) приедет бабушка. Сказал, что мы поедем ее встречать.

— Хочешь?— говорю.

— Хочу. Давай сейчас!

— Что сейчас?

— Поедем встречать бабушку!

* * *

Сидели в гамаке втроем: мама, Маша и я. Маша голенькая, в одних трусах.

Пошел дождик.

Но что это за дождь? И откуда он? На небе ни тучки, ни облака,— так, какая-то легкая серая пленочка. Поплевал, побрызгал минуту-две— Машка даже не заметила.

Я говорю:

— Дождь идет!

— Где?

И тельце у нее сухое. Такие микроскопически крошечные капельки, что сразу же высыхают на ее разгоряченных ручках, ножках, животике и спинке.

* * *

Я сделал вчера Маше кондукторскую билетную катушку, чтобы она могла не только понарошку трыкать, но и отрывать билеты.

Сегодня, когда я завтракал, она подошла и говорит:

— Давай играть? Что вам угодно?

Потом говорит:

— Ты будешь гражданка.

Я не сразу понял. А потом вспомнил: когда мы играем с нею в автобус и я изображаю кондуктора, я спрашиваю:

— Что вам угодно, гражданка?

19.8.59.

...Дул довольно сильный ветер, где-то очень далеко погромыхивал гром, но дождя за весь день не пролилось ни капельки.

Маша, как всегда, когда она не выспится, была до вечера в возбужденном состоянии. Тянуло ее на всякие штучки и выходки. Была у меня в комнате, взяла зеленую гребенку и кинула на пол. Сняла туфли и забросила их куда-то под кровать.

Впрочем, бес непослушания и анархии вселился в нее еще рано утром. После завтрака мать поймала ее на том, что она ходит с набитым ртом и жует что-то. Оказалось— рот набит конфетами. Эксперимент с “коммунистическим отношением” к конфетам дает иногда осечку.

* * *

Сегодня рано утром мама и тетя Ляля уехали в город. Я сквозь полудрему слышал их голоса, хлопанье калитки. А через полчаса выхожу в большую комнату. Вижу— Машка стоит в углу за занавеской.

Спрашиваю:

— Ты что там делаешь?

— В пьятки играю.

Одна! В прятки! И опять сердце сжимается от жалости к ней.

22.8.59.

Трогательно и забавно, когда Машка ведет на поводке Синдбада. Так она немножко побаивается его, а на поводке ведет бесстрашно. И все, конечно, оглядываются, останавливаются, удивляются, улыбаются...

23.8.59.

Папа ждал вчера гостей. Маша ходила с тетей Лялей встречать их, и гости мерещились ей в каждом встречном, в каждом незнакомце. У хлебного ларька стоит группа дачников. И Машка уже спрашивает:

— Тетя Ляля, это гости?

* * *

Третьего дня, когда играли “в магазин”, я для разнообразия и для того, чтобы несколько облагородить характер игры, послал Машу не в продовольственный и не в промтоварный, а в книжный магазин. Бегала она туда несколько раз и всякий раз спрашивала:

— Какие книги купить?

И я заказывал:

— Купи “Красную Шапочку”, купи Маршака, купи

“Мойдодыра”, купи “Дюймовочку”, купи стихи Пушкина, Жуковского, Михалкова, Барто...

И она возвращалась, приносила щепочки и отчитывалась:

— Вот “Мойдодыл”. Вот “Красная Шапочка”. Вот стихи Пушкина. Вот Жуковский...

24.8.59.

Были в лесу.

Тетя Ляля и дядя Прокофий нашли несколько грибов и устроили инсценировку— “посадили” все пять или шесть подберезовиков и моховичков под одной маленькой сосенкой. А потом заставили Машку “искать” эти грибы, говорили, что “пахнет грибами”. Я был против этой инсценировки. Во мне протестовал— отец, педагог и грибник. Отец считал, что это жестоко— так издеваться и потешаться над маленьким несмышленышем. Педагогу не нравилось, что перед ребенком убираются трудности, плоды подаются, так сказать, на золотом блюде. А заядлому грибнику казалось, что у ребенка отбивается “грибной нюх”.

Позже ходили по грибы уже по-настоящему. Нашли несколько подберезовиков, причем один— совершенно самостоятельно— нашла Машка! По словам мамы, которая присутствовала при этом, Машка с азартом охотничьей собаки накинулась на этот маленький, белобрысый, наполовину съеденный улитками грибок.

Собирали еще бруснику и клюкву (ходили по высохшему болоту. В этом году все болота стали проходимыми). Мы с Машкой заблудились и довольно долго разыскивали наших.

В лесу видели лося. Совсем близко— в двадцати шагах. Лиловато-серый красавец стоял к нам в профиль и с интересом озирал нас одним глазом...

Домой вернулись в девятом часу.

Машка весь вечер возилась со своими грибами. Огорчила меня, когда не захотела отдать их тете Ляле. Пристыженная, принесла, отдала, но позже выяснилось, что сердце ее не выдержало и перед самым уходом тети Ляли она снова похитила грибы.

Грибами она, по словам матери, бредила ночью.

А перед этим мы с ней немножко поссорились, и я с ней не разговаривал.

25.8.59.

Мама считает, что отец поступает неправильно, что лучше уж, мол, побить ребенка, чем несколько часов не разговаривать с ним. Нет, согласиться с этим я не могу. Согласен с одним: нужно знать меру. Если молчание взрослых (то есть их бойкот по отношению к

ребенку) затягивается, становится мучительным для ребенка, ранит и ожесточает его— да, это не годится. Это не лучше порки. Все дело в том, что надо чувствовать, в какой момент пора идти на мировую. Если этот момент правильно выбран, провинившийся ребенок охотно и по первому зову кинется извиняться или объясняться. Самое удачное— ни на минуту раньше, ни на минуту позже.

И еще одно должен себе напомнить: ведь далеко не во всяком “конфликте” бывает виноват ребенок: очень часто и взрослые виноваты.

Нужно уметь извиниться перед ребенком, покаяться...

Не в угол себя, конечно, ставить, а так, чтобы ребенок понял твою справедливость.

Вчера у нас с Машей объяснений не было. Обошлись без них. За обедом я увидел, что она с трудом справляется с супом, подсел к ней и стал ее кормить. Она обрадовалась и, как показалось отцу, взглянула на него с признательностью...

* * *

Кажется, впервые за все лето отец выспался и встал сегодня более или менее бодрый и веселый. Занимался с Машей гимнастикой. Маша все время напоминала ему, что он не папа, а Алеша. А папа— тот у себя сидит, “ляботает”, книжки пишет. Занимались мы сегодня под его окном. При этом кричали:

— Папа, смотри! Папа, ты видишь?

26.8.59.

Мама ходила на рынок и вернулась оттуда огорченная. В связи с холодом и разъездом дачников на рынке ничего нет.

Мама говорит тете Минзамал:

— Без творога и сметаны мы погибнем.

Машка смотрит на нее, таращит глазенки, пытается что-то понять, потом спрашивает:

— Я тоже погибну?

27.8.59.

Весь день вчера просидели дома. На дворе творилось такое, чего не только Машка, но и более пожилые члены нашего семейства не видывали еще. Ураганный ветер такой силы, что на ногах трудно было держаться. Говорят, повалило много деревьев. У нас в садике лежит огромный, искореженный кусок толя,— ветер сорвал его с крыши молочного магазина. Не горит электричество. В Ленинграде, говорят, в реках и каналах поднимается вода.

И— холодно. Не верится, что еще совсем недавно мы изнывали от жары.

И все-таки мы с Машкой вчера вечером отправились на

прогулку. Оделись потеплее (Маша в зеленом своем фрицевском пальтеце, в берете, на ногах длинные чулочки) и потопали в лес. По пути зашли на почту, опустили каждый по письму.

Наслаждались безлюдьем, осенними запахами, влажной пахучей свежестью. В лесу тихо, только над головами у нас шумит и поет, а там, где просеку наискось пересекают телеграфные провода,— там уже не поет, а завывает и плачет (это Маша остановилась и спросила у меня: “Кто это плачет?”).

Бродили довольно долго, но нашли всего два гриба: подберезовик и моховичок. Утром и днем кто-то основательно прочесал лес. Впрочем, нам и некуда было бы складывать грибы— корзинок мы взять с собой не догадались. Не такой и лес, чтобы запасаться корзинами...

* * *

Спать вчера легли рано— не было электричества.

Между прочим, Машка впервые увидела свечу. Маме в магазине подарили огарок, и она принесла его и стала зажигать.

— Это что?— спросила Машка.

Ей объяснили:

— Это называется свеча.

А Машкин папа когда-то, не очень, казалось бы, давно, спросил у своей мамы:

— Это что?

И ему объяснили:

— А это, Лешенька, называется электричество.

* * *

Совсем запуталась Машка. Где мама? Кто Маша? Кто папа? Кто Алеша?

Вчера вечером заходила ко мне. Просит конфетку. Я дал.

— А теперь,— говорит,— Маше дай.

И себя пальчиком в грудку. Хитрюга!

Я говорю:

— Ах, вот как? Ты— Маша?

— Нет, нет, я— мама!

Достаю конфету. Говорю:

— Это— Машеньке.

Не берет.

— Ты что ж не берешь конфету? Я ж сказал: это Маше.

Качает головой. Стойко держится. Для нее очень существенна почему-то эта метаморфоза с именами. Не знаю, так ли уж хорошо, что мы соглашаемся участвовать в этой затянувшейся игре. Что ж, она меня так всю жизнь и будет Алешей называть?!

Впрочем, педагогический смысл в этой игре есть. Алеша и Маша должны играть роль хороших детей. А маленькой “маме”

мы имеем право в нужном случае сказать: “Какая же ты мама, если вести себя не умеешь?!”

А причина все та же: то, что Машка— единственная, что у нее нет братика и сестрички. Не хватает общества, коллектива.

Все-таки надо найти меру даже в игре.

Сегодня утром Машка завтракала. Кормит ее Минзамал. Я у нее спрашиваю:

— Куда ушла Елена Семеновна?

Минзамал не успела ответить, как ее перебивает Машка:

— Нет. Я— мама!

— А разве я сказал “мама”? Я говорю: Елена Семеновна.

Что же это, братцы, такое: значит, мы и между собой должны именовать себя “Машей” и “Алешей”? А Минзамал я должен говорить: “Где Машенька?”, подразумевая под этим: “где Элико Семеновна?”

Нет, дружочек Маша, не выйдет!

Надо утвердить правило: делу время, потехе час.

28.8.59.

Перед завтраком слышу— горько плачет. В чем дело? Оказывается, мама стригла ей ногти и нечаянно отрезала кусочек того белого пятнышка, которое, как известно, предвещает получение подарка.

Рыдает и кричит:

— Где подаик? Подаик где?

Завтракая, тоже то и дело разглядывала свои ногти.

Показывает палец:

— Алеша, это что?

— Это пальчик.

— Нет, а что в пальчике?

* * *

Погода ненастная. Ветер. Дождь.

Но все-таки уже не так мрачно, как было все эти дни. Ветер повоет, повоет и отдыхает несколько минут. Небо посветлее стало.

Сегодня наша энергичная мамсинька ездила в Сестрорецк, хлопотала, чтобы починили электричество. Оказывается, в районе больше двухсот повреждений электрической сети: ураган рвал толстые провода как паутинку.

Все-таки холодно. В большой комнате топили сегодня печку.

29.8.59.

У Машки небольшая температура. Гулять ее не выпускали. Почти весь вечер играл с нею. Ездили на поезде в Москву. С нею и с ее двумя “понарошными” дочками. С вокзала на такси проехали к тете Вере Смирновой[5] и к дяде Ване Халтурину[6]. Позже

приехал из Ленинграда папа (он тоже был воображаемый, “понарошный”, так сказать папа-невидимка). Всей компанией мы собирались ехать в Московский зоопарк, но тут— о ужас!— Машу не понарошку, а по-настоящему позвали ужинать. Конечно, ей очень не хотелось идти ужинать. Но еще больше ей не хотелось вызвать сейчас мое недовольство. Поэтому она почти без возражений направилась к своему столику.

Я постарался как-то украсить этот вынужденный антракт в нашей игре. Сказал, что Маша пошла в буфет. Но когда нужно по-настоящему запихивать в рот сухарную запеканку, жевать ее и запивать кипяченым молоком,— трудно вообразить, что это буфет в Зоопарке. Буфет— это поэзия, а тут— серая проза. Однако в предвкушении соблазнительной поездки в Московский зоопарк Маша уплетала пудинг за обе щеки, давилась, но ела. И только под конец стала шалить, стала выталкивать языком жеваные сухари (наверно, уже не в силах была есть, не лезло).

Я сказал ей:

— Не надо так делать.

Она опять. Предупредил еще раз. Нет, расшалилась и уже не может остановиться.

— Ну что ж,— говорю,— в Зоопарк не поедем. До свидания.

И пошел к себе. Она опомнилась, спохватилась.

— Алеша! Алеша!

Но— уже поздно.

Пришел к себе, взял газету, прилег. Слышу на кухне голос Элико:

— Ты куда?

— Я к Алеше!

— Нельзя к Алеше.

— Пустите! Я— к Алеше!

— Нельзя, тебе говорят! Алеша работает.

А минуту спустя слышу за стеной душераздирающее:

— Але-о-о-оша-а-а!!!

Не только пожалел ее, но понял, что был неправ, что наказание несоразмерно с “преступлением”, что ушел я скорее всего потому, что надоело играть, просто придрался к случаю.

Сменил гнев на милость. Вернулся. Поиграли еще в Зоопарк, покормили слонов сахаром, обезьянок— печеньем. Пришла мама и тоже побродила с нами по дорожкам парка.

* * *

Позже играли в магазин. По очереди были продавцами и покупателями. Мне надоело покупать шляпы, чулки, утюги и галстуки. Я пришел и говорю:

— Пинчук есть?

— Нет. Есть финчук.

Берет что-то с “полки”.

— Нате.

— Что это? Ой, что это? Я боюсь!

— Это— финчук.

— А что это такое? Что его— есть надо?

— Это же игрушка!!!

— А-а! Вроде мячика?!

И я взял финчук и стал подбрасывать его.

30.8.59.

Дождя не было. Дачи уже пустеют. Тихо. Грустноватые августовские сумерки, которые так любит Машкин отец. Редкие огни на верандах. Пронзительно чистый воздух.

Вернувшись домой, с аппетитом поужинали. Машкин столик придвинули к нашему, большому, и она принимала участие в общей трапезе. На ужин был картофель в мундире. Машка с удовольствием чистила его (пожалуй, даже с большим удовольствием, чем ела), с хрустом грызла малосольный огурец, ела сама и давала коту жареную ряпушку. Были мы втроем, тетя Минзамал в городе, сегодня суббота.

* * *

Прибежала, стучит в дверь, что-то лихорадочно говорит.

Открыл дверь:

— Что такое?

— Иди!! Скорей! Люся на кроватке лежит!

— Где? Какая Люся? На какой кроватке?

Думаю: может быть, у меня она оставила свою Люсю?

Нет, тащит к себе. Вся дрожит, вся трепещет от страстного нетерпения.

— Люся! На кроватке! Посмотри! На кроватке Люся лежит!..

Выхожу на веранду. Там в тети Лялином складном бревенчатом домике— на настоящей кроватке, покрытая настоящим одеяльцем лежит крохотная кукла Люся. А у кровати — столик и еще что-то.

На все это надо смотреть через окошко. И по возможности— Машиными глазами.

31.8.59.

Вечером ходили втроем в лес. Бродили до девяти часов, но даже ни одной сыроежки не нашли. Набрали в Машину корзинку с полстакана брусники и клюквы, вволю накричались “ау”, надышались пахучим лесным воздухом, немножко промочили ноги.

Между прочим, Машка “ау” не кричит, кричит “аву”. Поставить рядом две гласные ей, по-видимому, еще трудно.

* * *

Идем мимо туберкулезной больницы.

— Бойница! Мама, смотри, бойница!

— Не показывай пальцем, Машенька.

— Я шишкой показываю.

В руке у нее и правда маленькая еловая шишка.

* * *

Собирались в лес. Выбирали покрепче обувь. Я говорю:

— Маша, принеси мамочке ботики.

— Я— мама.

— Принеси Машеньке ботики.

Открыла шкаф, увидела банку с вареньем.

— Я возьму варенье лучше.

* * *

В саду остановились под окном моей комнаты.

— Вон папа смотрит,— объявляет Машка.

Я спрашиваю:

— Где?

— Нет, он уехал.

— Куда?

— Он в Ленинграде.

— На поезде уехал или в автобусе?

— Да, на поезде.

— А что он делает в Ленинграде?

— Ляботает. К нему Мороз в гости пришел. Они ляботают.

— Что же они делают?

— Играют. В магазинчик. Еще в прятки.

* * *

Сегодня во время гимнастики, когда Маша лежала на столе и проделывала ножками “велосипедик”, она вдруг почему-то заговорила о Деде Морозе.

— Дед Мороз придет?

— Придет.

— Подарки привезет?

— Да, детям привезет подарки.

— И мне?

— Ты же— мама?

— Нет, и мне, и мне!

— Я ж тебе говорю: взрослым Дед Мороз подарков не приносит. Ты же мама?..

— Да.

А в глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление. Может быть, впервые подумала о том, что быть взрослым— это не сплошная масленица.

1.9.59.

Кончилось лето. И кончились наши дальние прогулки. А ведь давно ли, каких-нибудь две недели назад, в знойный день блуждали мы с Машей по высохшему болоту— там, где Гагарка впадает в море.

А сейчас и тети Ляли нет, и Синдбад не лает, и солнышко нас не навещает. Хмурое небо висит над опустевшим и притихшим Разливом.

Утром и днем я работаю. Мама— тоже. Машка возится или во дворе, или на веранде.

А к вечеру, после позднего нашего обеда, отправляемся на прогулку— в ближний лесок или на асфальтовую дорожку к сараю Ленина. Вчера, возвращаясь домой, заходили на почту, звонили тете Ляле.

Маша говорила уже не стесняясь, с очень взрослыми интонациями:

— Как ты поживаешь, тетя Ляля? А Синдбад как поживает? А кот Кузьма как поживает?

Потом громким шепотом, обращаясь ко мне:

— Что еще сказать?..

* * *

Сейчас второй час. Небо серое в белых подпалинах.

Маша во дворе— играет с соседской девочкой Леночкой и с каким-то мальчиком. Люди эти старше Маши года на два, на три, но им некуда податься: большие ребята разъехались— сегодня начало учебного года,— и волей-неволей приходится играть с нашей пигалицей. Меня эта снисходительность оскорбляет.

* * *

То и дело возникают задачи, решить которые не так-то просто. Вышел во двор, вижу— у калитки, ведущей в сад, отломана деревянная вертушка-закрывалка.

— Кто это сделал? Это ты, Маша?

— Нет.

— А кто?

Глаза забегали. Так бывает, когда она фантазирует, придумывает что-нибудь.

Я говорю:

— Кто?

— Деичка.

— Какая девочка? Леночка?

— Да.

— Ах, вот как! Это правда?

— Да.

А мне почему-то кажется, что неправда.

Взял ее за руку.

— Ну, идем к Леночке.

Смеется:

— Идем!!!

— Значит, это Леночка?

— Нет, это мальчик.

А там был и мальчик— в этой компании, которая играла сегодня утром у нас во дворе.

Так и не выяснил: правду она говорит или сочиняет?

А позже пришла ко мне. Я дал ей конфету. Она просит еще. Я спрашиваю:

— А тебе уже давали после ужина конфету?

Мнется. Вздыхает. Глаза испуганно бегают. Но говорит прямо:

— Давали.

— Кто тебе дал конфету?

— Тетя Минзамал.

Иду на женскую половину выяснять и узнаю, что ничего подобного, никто никаких конфет ей не давал! Значит, сама на себя наклеветала!..

* * *

Ох, сколько ошибок делаешь! Ошибок, которые так трудно исправлять потом.

Собирались идти в лес. Но за обедом Машка плохо вела себя, капризничала, грубила, и мне пришлось заявить, что с такой девочкой ни я, ни мама в лес не пойдем. Она не поверила. Мало ли угроз в течение дня ей приходится выслушивать— угроз, которые почти никогда не сбываются. Но на этот раз мы решили, что угроза должна осуществиться. Прогулка в лес была отменена. Мы с мамой оделись, чтобы идти на почту. Я вывел велосипед. Машка безмятежно бегала, уверенная, что сейчас и ее тоже позовут одеваться. Но вот я говорю:

— Ты готова, мама? Идем!

— Я тоже! Я тоже!— засуетилась Машка.

— Нет, ты никуда не пойдешь!

— Нет, пойду!..

На своем все-таки настояли.

И все как будто правильно. Проявили настойчивость, твердость. Наказали. Проучили. А меня не оставляет ощущение сделанной ошибки.

Из-за чего, собственно, сыр-бор загорелся? Началось с того, что Машка не хотела есть суп. Вспоминались мне весь вечер ядовитые строчки Ходасевича[7]:

Отец надел котелок и пальто,

Но вернулся, бледный, как труп:

— Сейчас же высечь мальчишку— за то,
Что не любит луковый суп!..

Сегодня с утра Маша послушная, вежливая. И все-таки что то не то. Хотелось бы, чтобы это послушание, эта вежливость достигались другими мерами, другой ценой.

И еще заметил— со мной она говорит подчеркнуто вежливо и почтительно, но играть тянется к матери.

Неудивительно: ведь вчера я весь вечер отталкивал ее от себя.

3 ГОДА 1 МЕСЯЦ

4.9.59.

Сегодня совсем холодно. Утром у папы в комнате плюс десять градусов. Небо серое. Сад опустел, заглох, одичал. Все лето соседей наших мы не видели, а только слышали. А теперь все видно насквозь. Тихо. Отчетливо слышны в этой тишине железный грохот идущего поезда, детские голоса где-то на соседнем дворе, грустноватая песня петуха.

* * *

По-прежнему я— Алеша, Элико— Маша. Но появился еще один персонаж: Алешин папа. Папа этот— невидимка (хотя Маша, конечно, его отлично видит. Иногда удается увидеть его и мне).

То и дело Маша кричит:

— Алеша, папа приехал!..

— Где?

— Вот он, в саду идет.

И сразу же:

— Нет, нет, он оплять уехал.

— В Ленинград?

— Да. На поезде уехал.

Образ этого папы, надо сказать, малосимпатичный. Это какой-то папа-дурачок. Он то и дело мотается из Ленинграда в Разлив и обратно. Я спросил у Маши, что он там делает, в Ленинграде.

— Что? Куличики делает.

* * *

Говорит не “пять”, а “плять”, не “опять”, а “оплять”.

5.9.59.

Унылая холодная осень. Впрочем, сегодня чуть-чуть потеплее и повеселее.

Вчера к вечеру ходили в лес: мама, папа и Маша. Нашли несколько сыроежек и горькушек, один березовик. Сыроежки— старые, трухлявые, березовик на три четверти съеден улитками.

Вот в каких славных местах мы живем уже третий год!..

* * *

Сейчас половина двенадцатого. Машка с опозданием отправляется на прогулку. Перед уходом пришла, стучит в дверь.

— Что? Кто там?

— Полуцеваться!!!

Открываю дверь. Она уже в голубом пальтишке, в берете.

— Что?— говорю.

— Полуцеваться хочу.

“Полуцевались”. Ушла. Сейчас, в ожидании мамы, играет во дворе.

* * *

Только что получили сообщение о смерти Машиной няни— тети Маши. Я подозревал, что ее уже нет,— уезжала она в очень скверном состоянии, ни разу не написала, не поздравила Машу с днем рождения. Оказывается, именно в этот день— 4 августа— она и умерла.

Маша ее очень любила. Но останется ли она в Машкиной памяти? Боюсь, что нет. Может быть, так, что-то смутное, светлое, теплое, шумное и веселое. А может быть, и этих следов не останется в памяти, и только по нашим рассказам будет знать Машка о своей любимой няне.

Ушел из мира очень хороший, чистый и светлый человек.

7.9.59.

Села вчера за свой столик. Видит— на столе одни сухари.

— Мама, а пища где?

Откуда это? Ведь никто так прямо ей не говорит: “Вот тебе пища” и тому подобное. Могли сказать в третьем лице: “Пищи ей хватает” или: “Пища здесь вполне доброкачественная”. А ведь услыхала и запомнила.

* * *

Во время игры уронила свой голубой шелковый бантик.

Я говорю:

— Что это?

— Бантик зачем-то упал.

* * *

Спрашивает у меня:

— Будем еще Тане тимантульку делать?

— Что-о? Какую тимантульку?

Долго не мог понять, что речь идет о температуре. Увидев, что я не понимаю, сама себе перевела:

— Градусник будем Танечке ставить?

* * *

Лежала у меня и очень больно цапнула меня за глаз. Пришлось даже примочки делать. Это она, конечно, не нарочно, а играючи, в этаком игровом экстазе. Это не только с человечками, но и со щенками и с медвежатами бывает,— расшалятся, разыграются и вдруг— цап!

9.9.59.

После обеда собрались ехать в Сестрорецк— в аптеку и по другим делам. Но за обедом произошло то же самое, что было на прошлой неделе. В Машку “вселился бес”. И я выгонял его, увы, теми же способами. Запоздалых извинений не принял. И больше

того— не взял Машку в Сестрорецк, чем наказал не только ее, но и себя, так как очень хотелось с ней поехать.

Ездил один— на велосипеде.

...Когда Минзамал разоблачала ее перед сном, постучали мне в стенку. Таким образом вызывают меня на церемонию вечернего прощания.

Я вышел, ответил на Машкино “спокойной ночи”, но не поцеловал ее. Элико рассказывала мне, что Машка явилась к ней с выражением растерянности и даже ужаса на лице:

— Папа меня не полуцевал!

— Вот видишь,— сказала мама.

— Я завтра буду хорошая,— заявила Машка.

Это похоже на концовку нравоучительного рассказа. Будет ли она “хорошей” завтра— не знаю. А вообще-то очень хочу, чтобы она была по-настоящему хорошей.

И все-таки я не уверен, что поступил правильно, когда не поцеловал ее вчера вечером.

Все дело в том (хотел написать: “беда в том”, но не знаю, беда ли), что я отношусь к Машке по-настоящему всерьез. Для меня она уже давно, целых три года,— человек. И люблю ее, и жалею, и гневаюсь на нее в полную силу, со всем пылом сердца, на какой способен.

10.9.59.

После ужина играли. Ехали поездом, а потом самолетом в Москву... Папа, как выяснилось, вскочил не на тот поезд...

Впрочем, не папа, а Алеша.

Папа— это совсем другая личность. Это нечто жалкое, комичное, чудаковатое и даже загадочное. Образ его постепенно выкристаллизовывается. Сидим, играем, читаем, обедаем, просто беседуем... И вдруг Машка взглянет в окно и:

— Папа идет!

— Откуда он?

— Пришел он. Вот— уже пришел! На полу сидит.

Папа— маленький, его берут на руки, пересаживают с места на место. Исчезает он столь же молниеносно, как и появляется.

— Уже ушел!

И через полминуты:

— Опять идет!

Подбегает к окну, прижимается лобиком к стеклу, кричит:

— Папа! Ты куда? (Повернувшись.) Галявит: уеду!

И папа опять надолго пропадает.

В самолете, когда мы летим в Москву, он тоже появляется неожиданно как некий бессловесный джинн, вылезший из бутылки. Сидит на полу в уголке, есть не просит, никому не

мешает. В общем, личность безобидная. Неприятно только, что зовут его папа.

* * *

Утром, когда я завтракал, Машка нарядилась— повязалась маминым шелковым шарфиком. Подошла ко мне.

— Завяжи!

— Как надо сказать?

— Пожалуйста, завяжи.

Повязал ее, как матрешку. Спрашивает:

— У тебя тоже в Ленинграде пальток есть?

— Что-о? Пальток?

Смеется.

— Паль-ток!

— Пальто?

— Нет, вот это.

Тычет себя в темечко.

Я говорю:

— Голова?

— Вот это!

— Ах, волосы?!

— Вот это!!!

— Ах, бантик?

— Паль-то-о-о-ок!..

Подошла к зеркалу, увидела себя в платке, говорит:

— Это тетя Неля.

Потом говорит:

— И тетя Минзамал.

Еще подумала:

— И тетя Ляля. И тетя Нина...

Вспомнила всех, кто носит платки и косынки.

* * *

Из Ленинграда я привез на днях книгу “Annabella und Ladislaus”. Эта книга была одной из самых любимых у Машки, если не самой любимой. В городе, когда я вернулся из Комарова и с Машкиной помощью устанавливал книги на новых полках, эту книгу мы найти не могли. И вот теперь я нашел и привез ее. Обещаю Машке показать что-то очень интересное. Она ждет с трепетом. На другой день показываю и вижу, что Машка просто не знает этой книги. Смотрит как на что-то новое. Нет, не совсем так. Когда я, ткнув пальцем в румянощекую рожицу куклы Аннабеллы, спрашиваю:

— Кто это?

Она отвечает:

— Ладислаус.

Но в книге все узнаётся заново. Ни разу не было:

— Помню!

Или:

— Помнишь?

Не видела она книги месяцев семь-восемь. А ведь как любила! И сколько десятков раз листала— и со мной, и с мамой— эту пеструю книжицу.

Загадка! Впрочем, ведь и бабушку она тоже, вероятно, не сразу узнает. А разлучились они с бабушкой и с Аннабеллой на равный, пожалуй, срок.

Если меня не обманывают мои наблюдения, зрительная память у ребенка (у Машки, во всяком случае) несколько отстает от слуховой. Слова “Аннабелла”, “Ладислаус”, “сторож”, “Дед Мороз”, “фонарь”, “кукольный дом”, “санки” и прочие она запомнила, а изображения этих людей и предметов— хуже. (Так же, как помнит имена бабушки, Павлика, тети Гетты и так далее, говорит о них и внушает собеседнику впечатление, что она их знает и помнит, а на самом деле только слова помнит. Впрочем, все это, конечно, не абсолютно. Где-то в памяти что-то смутное хранится.)

* * *

Вчера я получил письмо от какой-то читательницы из Баку.

И в присутствии Маши сказал Элико:

— Получил письмо от твоей землячки.

— Какая моя землячка?

— Нет, Машина землячка,— вмешалась Маша-мама.

— А я и говорю— Машина.

— Нет, мамина!— запуталась Машка.

* * *

Все эти дни прихварывала, сидела на диете.

Сегодня с диеты снимаем. Утром, ласкаясь к матери, она спросила:

— Мамочка, ты мне дашь, что обещала?

— Что я тебе обещала?

— Ты дашь?

— Ну, дам. А что я тебе обещала?

— Маленький кусочек хлеба.

Изголодалась бедняга.

* * *

Нашла в песке гривенник и все утро носится, шумит вокруг этого клада. Строит планы, что она купит на эти сокровища:

— Тебе конфет, маме конфет, Маше конфет, тете Минзамал конфет...

14.09.59.

Спрашиваю:

— Ты сегодня гимнастикой занималась?

— Да,— говорит,— занималась.

И вдруг узнаю— не занималась. Огорчился, а потом понял, что так соврать для нее ничего не стоит, поскольку вся жизнь для нее— игра, то есть то же вранье.

Отучать ее сейчас от такой лжи трудно. Да и нужно ли? Добро бы не приучить к настоящей, сознательной, корыстной лжи!

* * *

После обеда была у меня. Я лежал с газетой, а она взгромоздилась в кресло у письменного стола и заявила:

— Я ляботаю.

Сидит, “пишет”. Я уже не папа, а сын ее— Алеша. Я говорю:

— Мама, не закрывай дверь!

(Это я пародирую Машины вечерние возгласы, обращенные к маме или к тому, кто находится в это время в столовой.)

— Спи, Алеша!!— говорит она очень строго.

Я начинаю хныкать:

— Открой дверь!..

— Нет! Не открою. Я ее вот так!

Захлопнула воображаемую дверь, да еще: трык!

Я говорю:

— На ключ?!!

— Да, на ключ. Я ляботаю. Чернилами пишу. Не мешай мне. Скоро книгу тебе буду читать...

Внезапно взглядывает в окно.

— Папа! Папа тоже хочет ляботать.

Я говорю:

— Ну, пусти его.

(Между прочим, в такой игре-импровизации сюжет развивается как в сновидении: в нем если и есть логика, то своя, немного сумасшедшая.)

Машка вдруг замечает в углу на полу две портативные пишущие машинки.

— Это чейные чемоданы?

— Какие чемоданы? Где?

— Папин и твой?

Я говорю:

— Ну, написала рассказ? Читай, пожалуйста.

Она берет воображаемую рукопись, держит ее на двух ладошках, очень близко от своего носика, и— “читает”. Бормочет что-то. Внезапно опускает рукопись, строго взглядывает на меня.

— Алеша, кто тебя трогает сзади? Тебя папа трогает сзади. У

папы грязные ногти.

Потом говорит:

— Алешенька, посади меня, как ты сидел.

Каким-то чудом, как бывает тоже только в сновидениях, я понимаю, о чем она говорит: просит посадить ее так, как сидел я, когда читал недавно ей и маме свой рассказ... А сидел я в кресле, лицом к кровати.

Сажаю автора лицом к читателю. Автор начинает читать:

— Одна деичка... ее звали Пусинька... один раз пошла в лесок...

Дальше начинается невнятное бормотанье, и у слушателя возникает грустное предположение: не таким ли невнятным бульканьем звучит и для Маши мое авторское чтение?!

Через две минуты заявляет:

— Я второй рассказ буду читать.

И вдруг бежит к окну и радостно вскрикивает:

— Папочка!!!

Я говорю:

— Давай его сюда!

Она подает мне— не очень бережно— маленького папу, я кладу его на кровать рядом с собой.

Она кричит:

— Еще папа!!!

Я беру второго папу.

— Еще!

— Третий папа. Четвертый папа...

Машка увлеклась. Папы летят как дрова или арбузы. Я не успеваю считать:

— Двадцатый папа... двадцать первый папа... двадцать второй папа...

Она кричит:

— А у меня еще сколько папочек!..

* * *

В десятом часу мама пошла провожать тетю Лялю. Машка еще не спала. Меня попросили покараулить ее. Я взял книгу, бумагу, вечное перо и сел в столовой за обеденный стол. Она попыталась было устроить небольшой цирк: вылезла из-под одеяла, встала, подошла к изножью, пыталась заглянуть в столовую и заговорить со мной. Я решительным образом заявил, что если она тотчас не ляжет, я закрою дверь и уйду.

Легла, только попросила:

— Покрой меня.

Я укрыл ее одеялом, поцеловал, вернулся в столовую и— жду. Знаю, что не выдержит, заговорит. Но— о чем?

— Алеша!

Я молчу.

— Алешенька!

— Ну, что?

— Ты помнишь, мы на улице потеряли листик?

— Какой листик?

— Листик на улице потеряли! Помнишь?

Я не помню, но огорчать ее не хочу. Говорю:

— Ну, помню. Ну и что?

— Мы потом пойдем и найдем этот листик?

— Хорошо, мамочка. Пойдем и найдем.

15.9.59.

Я сказал Маше, что видел индюшку, и она, захлебываясь, не договаривая, сообщила маме:

— Папа... папа... ин-дюш-ка...

А мама сострила:

— Папа— индюшка?

— Да нет! (Даже рукой взмахнула.) Папа видел индюшку!..

Неуместный смех, юмор не вовремя раздражают, вызывают досаду. Это не один раз я замечал.

* * *

А сама острит на каждом шагу, где только можно.

Обувается. Я пытаюсь объяснить ей, что такое правая и что такое левая сторона. Говорю:

— Какой рукой ты кушаешь— это правая.

Беспечно, почти не думая:

— Я ногой ем.

А может быть, и логика есть в этом ответе. Ведь речь шла о правой ноге, на которую надо было правильно надеть сандалик. Так при чем же тут правая рука?

* * *

Поздно вечером, кончив работу, предложил Машке пойти в магазин и купить арбуз.

— Настоящий?

— Да. Настоящий.

Ликование было резко пресечено мамой.

— Что? Куда?? Что вы задумали?! Фантазеры! В девятом часу!

Я, конечно, согласился:

— Да, Маша, поздно. Магазин закрыт. Завтра сходим.

Безутешные рыдания минут пять сотрясали наш старый дом. Машкину обиду подчеркивало еще то обстоятельство, что родители, несмотря на поздний час, собирались куда-то идти. Им, видите ли, понадобилось срочно опускать письма!

Машка так горько плакала, что наши сердца не выдержали. Решили потеплее одеть ее и взять с собой.

Говорим ей:

— Хорошо. Одевайся. Пойдем.

Не верит своему счастью.

— Куда? Здесь? (То есть в пределах дома.)

— Нет, на улицу.

— И ты пойдешь?

— И я пойду... И мамочка...

Ах, как расцвело ее заплаканное личико!

— А потом куда?

— А потом— спать.

— И ты?

— И я.

Подумала— и уже пытается шутить:

— Ты сторожить будешь?

Дошли до почты. Маша опустила в ящик два письма. Одно дала ей мама, другое папа. Опустив (не очень ловко), всякий раз спрашивает:

— Это кому письмо?

— Бабушке.

— А это кому?

От почты прошли к магазину. Ко всеобщей досаде, он только что закрылся (еще бродят последние покупатели, метет пол тетенька в сером халате). Но Машка огорчается меньше, чем взрослые. Ведь не в арбузах и не в пряниках счастье!

Вечер темный, беззвездный. Шли с электрическим фонариком. Бежал, стремился вперед светлый белый кружок, и Машка его догоняла, старалась наступить на него, а он все бежал и бежал по песку, по лужам, по черному асфальту...

* * *

Утро холодное. Машка встала чуть свет; весела, деятельна, полна энергии, замыслов, планов, идей. Рано утром показалось было солнышко, и Машку выпустили во двор. До сих пор она там, хотя солнце уже давно скрылось.

Готовит обеды, заготавливает— из сухих листьев клена— припасы на зиму: капусту, свеклу, картофель... Бегает, суетится, на бледном от холода личике— деловитость, озабоченность.

Приходит старый, одноглазый, шелудивый, с дрожащим, вихляющим от старости задом пес Дружок. Сидит, метет облезлым хвостом, молча выпрашивает подаяние...

Машка бежит в дом, к маме, добывает хлеба и косточек, кормит (с моей помощью) собаку. А через пять минут я слышу ее полупросительный, полутребовательный голос:

— Дружок, уходи! Я тебя боюсь.

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

20.9.59. Разлив.

Похоже, что наступает бабье лето. С утра— солнышко, листики в саду не шелохнутся, на небе— одно крохотное заблудившееся облачко. И все-таки уже осень. Воскресенье, хороший день, а на дачах стоит грустная тишина. И— холодно. В комнате у меня 8 градусов, а ночью, говорят, на дворе было плюс два.

Вчера папа и Маша бродили часа два в лесу. Набрали половину Машиной корзинки всякой разночинной грибной мелочи: моховичков, сыроежек, лисичек, горькушек. Дошли до Тарховки. Маша, конечно, устала здорово, но— молодец!— держалась, не хныкала.

В Тарховке на вокзале видели настоящего грибника— в больших сапогах, с большой корзиной. В корзине— белые, красные, подберезовики...

Машка, которая никогда не видела таких богатств, глаза разинула. Оказывается, этот дядя ходил на ту сторону озера, за шалаш Ленина. Нам с Машкой такие походы пока и не снились.

* * *

Третьего дня шли с Машей на телефон, навстречу едет парень на велосипеде.

— Похож на тебя, Алеша,— говорит Машка.

— Чем же он похож?

— В таких штанах, как у тебя.

Взглянула на меня лукавыми глазенками, улыбнулась.

— Правда, похож!..

* * *

Упала проехалась ладошками по мокрому зернистому песку и не заплакала. Она вообще редко плачет в таких случаях, то есть когда ей больно, когда упадет, ушибется, оцарапается.

Плачет, навзрыд рыдает, когда обмануты бывают ее надежды и ожидания: обещали пойти собирать опенки и не пошли, отменили; хотели кормить уток (или Дружка) и вдруг говорят: нельзя, поздно.

— Нет! Нет! Не по-о-о-оздно!— кричит она сквозь рыдания, и слезы капают— и на платье, и на передник, и на пол.

* * *

Недавно мама рассказывала Маше о чем-то, что случилось еще до Машиного рождения.

— Мы с папочкой жили тогда в Комарове.

— А я?

— А тебя тогда еще не было.

— А где я была?

— Тебя вообще не было.

— Как не было? А где я была?

Что скажешь ей и как объяснишь, когда и для меня, взрослого и даже уже очень немолодого человека, это чудо.

* * *

Вчера поздно вечером получили телеграмму от бабушки: выехала! А сегодня утром, только что, пришла от нее телеграмма из Сухуми. Ждем 24-го.

22.9.59.

Все утро Машка в своем зеленом фрицевском пальтишке играла во дворе. Пошел дождь. Машка скандалит с Минзамал, рвется в дом, а та предлагает ей играть “в колидоре”, то есть на веранде.

Сейчас выходил к ней во двор. Очень ей скучно, конечно. Вижу— идет под дождем, что-то несет в руке.

— Что это?

— Листик, еще хочу такой найти.

И показывает желтый кленовый лист.

Отвел ее на веранду, напомнил, что она давно не каталась на велосипеде. Стала кататься, увлеклась, но тут папа заявил, что ему надо идти работать.

— Не надо! Не надо работать!

И столько мольбы, столько любви и нежности в этом возгласе! А все-таки пришлось уйти.

* * *

Много говорил ей о бабушке. Сказал, что бабушка хорошая, добрая, но— строгая. Пытаемся заранее “поднять бабушкин авторитет”. Конечно, если бабушка сама не проявит усилий,— ничего не получится. Авторитет не присваивается как звание.

* * *

Утро сегодня сказочное, настоящее бабьелетнее. Делал гимнастику во дворе, на солнце. Машка тут же играла, мыла песком посуду.

Очень низко пролетел самолет ПО-2. Так низко, что даже красные звезды на крыльях видны были.

— Видела?— спрашиваю у Маши.

Стоит, задрав головенку.

— Да. А куда он полетел?

— В Ленинград.

— А где у него Ленинград?

— Что значит “где у него”? Ленинград— вот там.

— Там?! Ленинград?!! Там уборная!..

24.9.59.

Мама в городе. Уже второй день.

Вечером сижу у себя в комнате. Работаю. Слышу, Машка плачет, заливается. Прихожу:

— Что с тобой?

Показывает (из кроватки) на мамину тахту и сквозь горькие слезы говорит:

— Маша сидела вот здесь и шила Люсе красивое платье. О-о-о! Маша вот здесь Люсе красивое платье шила! Очень красивое! Вот здесь Маша сидела...

Это было повторено сто раз по меньшей мере.

Не мог понять: в чем дело?

Минзамал говорит: по матери скучает.

Неужели этот образ— “мама шьет Люсе красивое платье”— вызывает приступ тоски и безутешные слезы?!

А Люся— это всего лишь крохотная целлулоидная куколка...

* * *

Чтобы не волновать и не возбуждать Машку, мы говорили ей, что бабушка приедет завтра. А бабушка приехала вчера, около двенадцати часов ночи.

Маша, конечно, спала, а бабушка могла только поцеловать ее сонную и полюбоваться, как Машка, тоже не просыпаясь, сидит на горшке.

А сегодня утром они встретились. Говорят, Машка минуту дичилась, конфузилась, а когда я вышел к ним, она уже освоилась и не отходила от бабушки. Очень ей нравилось произносить слово “бабушка” и обращаться к ней:

— Бабушка, у меня задик чешется. Бабушка, у меня вот здесь чешется. А теперь вот здесь.

И бабушка с удовольствием чесала— и задик, и щечку, и за ушком.

* * *

Дал ей конфету “Сливовая”. Развернула ее, радостно взвизгнула:

— Ой! Ты помнишь? Я сидела на большом стуле и именно такую конфету ела!

28.9.59. Ленинград.

Уже второй день в Ленинграде.

Вчера я сказал ей, что завтра мамочкин день рождения. И мы ей подарим конфеты.

— А мне?

— Ты уже свое получила. Твой день рождения уже был.

Утром сегодня обращается к матери:

— Мама, сегодня день рождения твой?

— Да,— говорит мама.

— Я тебе много, много конфет подарю.

— Когда, Машенька?

— Когда? Когда ты в школу пойдешь.

30.9.59.

После обеда мы с Машей ходили на прогулку. Собственно, у меня была цель: нужно было отправить заказное письмо.

Сказал, что пойдем на почту.

— А где тут почта?

— Тут почта есть близко и есть подальше. Тут, в общем, много почт. И ящиков много.

И сразу посыпались вопросы: что? зачем? почему? какие ящики?

Ящиков действительно оказалось очень много. Они на каждом шагу. Так, считая ящики, мы дошли с ней до одной почты — на улице Мира и до другой— на улице Воскова. По пути, на площади у аптеки, кормили голубей.

Видели храброго кровельщика, который висел под самой крышей шестиэтажного дома. Видели, как ему на веревке подавали туда гвозди и какие-то крюки. Вешали водосточную трубу. Светлую, некрашеную, цинковую.

Конечно, целый водопад вопросов. Зачем дядя висит наверху? Что делает? Зачем труба? Почему гвоздики на веревке висят?

На почте я стоял в очереди. Машка вела себя довольно шумно. Вертелась, поминутно задавала вопросы. Пришлось одернуть, замечание сделать.

Да, вопросами (особенно во время прогулки) она одолевает нас, не давая передышки.

— Кто в этом доме живет? А тетя Ляля здесь живет? А где? А где улица Восстания? А здесь кто живет? Девочка? А как ее зовут? А почему улица Ленина? Ленин здесь жил?..

Когда выходили с почты, подкатила нарядная машина с красными крестиками на флажке и на фонарике-кокарде. Узнав, что это “скорая помощь”, Машка напала на меня с новой серией вопросов.

— Зачем она приехала, “помощь”? А где больной? А что он делает? А где доктора?

Ждали, что вынесут или выведут больного, и— не дождались.

Мимо Сытного рынка прошли на Кронверкский, к театру Ленинского комсомола.

Широкоплечие великаны разгружали грузовую машину. Снимали какие-то ящики, из щелей которых торчала мелкая белая стружка.

Ящики эти скатывали по доске в подвальное окошко. В

подвале горела электрическая лампочка. Машка туда заглянула и увидела, что там работает какая-то женщина. Новый вопрос:

— Как тетя выйдет?

Объясняю, что где-нибудь есть дверь.

— А где дверь?

На счастье, внимание Машки отвлекла новая сенсация: зоологический магазин. Говорю:

— Помнишь, мы ходили сюда и я хотел тебе купить живую мышку?

Нет, не помнит. Но просит исправить упущение и купить эту мышку сейчас.

— Магазин, Машенька, уже закрыт.

— Я— мама. Нет, не закрыт еще, пойдем!

Я поднял ее и показал, что в магазине уже и касса не работает. Заодно Машка увидела маленьких попугайчиков в клетке и еще кого-то.

Всю дальнейшую дорогу умоляла:

— Купи мишку! Купи мишек! Алеша, купи!.. Папа! Купи!

Даже папой стала называть. Соображает, что у Алеши-то, может быть, и денег нет и вообще он по возрасту не правомочен покупать что-либо, а тем более— зверей, а папа— тот всемогущий, тот все может.

— Папа, купи мне мишку!

Я думал— мишку, медведя. И объяснил, что мишек здесь не продают, да и не очень это удобно— держать дома живого медведя.

Наконец выяснилось, что Машка так (то есть на французско-грузинский манер) произносит слово “мышь”.

— Купи мишку.

— Хорошо. Может быть, куплю. Но надо у мамы разрешение спросить. Может быть, она не позволит.

— Позволит!

— Нет, Маша, мы не можем мышей дома держать.

— Зачем не можем?

(С этим “зачем” я бьюсь уже не первый день. Это— от бабушки и от тети Минзамал.)

— Не “зачем”, а “почему”.

— Почему не можем? Можем!

— А ты забыла, что у нас— кот.

— Что кот?

— Кот мышей съест.

— А мы клеточку, домик такой сделаем. Замочек повесим.

— А кормить ты мышку будешь?

— Буду. Да.

— А чем?

— Хлеб буду давать.

— А еще что?

— Крупу.

Она вся, до самых глубин сердца, захвачена этой идеей. Идем парком Ленина, а она— все о мышах.

— Купишь? Алеша, купишь?

— А почем они— мыши?

— По три рубля.

— Дорого!

— Ну, тогда купи по девять копеек.

— Вот это,— говорю, можно. Это меня устраивает. Подумаем...

* * *

Видели, как папа и сын вывели на прогулку маленького, двухмесячного вероятно, щенка-овчара, учили его приносить палку (“Апорт!”— кричали) и прочей премудрости. К стыду моему, Машка боялась этого крохотного цуцика.

А когда в парке появился человек с двумя гончими на поводке, она и совсем растерялась.

— Пойдем!.. Папа, пойдем!..

Маленькая была— собак не боялась. Впрочем, это естественно. Маленькие не боятся от неведения. А в этом возрасте страху помогают фантазия, воображение... Задача взрослого, воспитателя— направить это воображение правильно, то есть чтобы думала: “Вот какая славная, добрая собака” и: “Вот какая я храбрая”...

2.10.59.

Вечером вчера были гости: тетя Ляля, тетя Катя Пластинина и, самое главное,— тетя Нина Колышкина со своим внуком Мишей.

Правда, этот гость кроме радости доставил Маше немало хлопот. На приветливое “здравствуй” и протянутую руку этот мрачный высокомерный господин никак не ответил, рука Машина повисла в воздухе. Не пожелал он вступить в беседу и с нашим братом, взрослыми.

А Маша... Маша показала себя во всем своем репертуаре. Весь вечер она вела себя чинно и благородно. За столом сидит как большая, говорит слегка в нос, у зеркала, как большая, поправляет свои крысиные косички. Покровительственно, как взрослая, обращается к Мише (который лишь на полгода моложе ее):

— Скажи спасибо. Дай ручку. Сядь вот сюда.

Но время берет свое. Пора спать. Нервы у девчонки устали. И

вот на глазах у почтеннейшей публики— и у ошеломленного Миши тоже— Машка закатывает дикий рев. Ей не дали варенья, и она, рыдая, просит:

— Одну ягодку! А-а-а-а! Одну ягодку! Одну только ягодку! Одну ягодку дайте!..

* * *

Сегодня много думал об этом Ниночкином Мише и о Машке. О воспитанности. Об этикете. О так называемых хороших манерах.

Нужны ли они? Не глупости ли это, не предрассудок ли, как считают многие?

Думаю, что не глупости и не предрассудок.

Вспомнил сейчас историю этого вопроса в нашей семье. Отец рос в среде демократической и патриархальной, где от ребенка требовали истовости и чинности (особый вид хороших манер), но совершенно не знали всех этих ухищрений “хорошего тона”. Не представляю себе, как у отца обстояло с этим в Елисаветградском юнкерском, заведении довольно аристократическом. По-видимому, таких, как он, было там немало. Отец рассказывал, что перед самым выпуском стало известно, что на церемонию производства в училище прибудет Николай II. И вот из Петербурга был срочно выписан француз-гувернер, который в течение двух недель с утра до ночи “жучил” и “натаскивал” будущих офицеров.

Можно было ожидать, что такое форсированное насилие вызовет отпор, на всю жизнь породит неприязнь и даже отвращение. Получилось наоборот. Отец на всю свою короткую жизнь зарядился, пропитался этими хорошими манерами и требовал, чтобы и мы их соблюдали.

Нас учили:

сидеть за столом прямо;

не ставить на стол локти;

не чавкать;

держать правильно ложку, вилку и нож;

здороваясь со взрослым, не протягивать первым руку;

не размахивать вилкой;

не перебивать взрослых;

не держать руки в карманах;

не есть с ножа...

Таких правил очень много, и у каждого из них есть свой резон. За каждым стоят или требования гигиены, или эстетики, или просто удобства. (И притом не только твоего собственного удобства, но и удобства ближнего.) Этими правилами и я пропитался, многие из них не растерял даже в годы своего

бездомного детства, в годы скитаний и беспризорничества...

Вот и Машку мы тоже учим и жучим. Кое-что “критически отметаем”, но основное берем, так сказать, на вооружение.

* * *

У нас часто вспоминают чеховские слова о том, что в человеке все должно быть красиво: и мысли, и костюм, и то-то, и то-то...

Не помню, говорил ли Чехов о манерах, о красоте внешнего поведения человека. Но если мы обращаем внимание на словарь, на фразеологию человека, на его костюм, цвет галстука или сорочки, то не следует ли нам столь же требовательно следить и за тем, как мы стоим, сидим, едим, ходим и так далее.

В Малеевке, в Доме творчества, я наблюдал за одним известным нашим лингвистом. Почтенный и уже немолодой человек этот давно и с большой страстью борется за чистоту и красоту нашего русского языка. Честь и слава ему! Но надо было видеть, как он ест!.. Навалился всем туловищем на стол, голову наклонил так, что лысина видна, подбородком вот-вот нырнет в тарелку, вилкой и ножом размахивает, будто лезгинку пляшет... И при этом жует и глотает столь шумно, что, кажется, занавески на окне вот-вот начнут колыхаться.

Нет, как бы красиво, на каком бы изысканно чистом русском языке ни говорил мой уважаемый и ученый сосед, считать его по-настоящему воспитанным, культурным человеком я не могу. И я бы не хотел, чтобы наша Машка ему подражала.

Когда я смотрел на него, я, грешный человек, думал:

“Лучше уж говори “одень” вместо “надень”, только не чавкай так громко...”

* * *

После обеда гуляли с Машкой часа полтора в парке Ленина.

Шли по дорожке. Обогнал нас мальчик лет 14-15. Прошел мимо, потом вернулся, подходит к Маше, нагибается и протягивает ей что-то:

— На тебе, девочка, желудь!

И пошел дальше. Я не знал, как поблагодарить этого милого парня.

Очень громко говорю Маше:

— Ты сказала спасибо дяде?

* * *

Утром сегодня объявила бабушке:

— Я ночью с горшка трахнулась!..

Да, было такое дело. Но откуда это слово?

3 ГОДА 2 МЕСЯЦА

4.10.59. Воскресенье.

После обеда, уже в сумерках, ходили с Машей на прогулку. По Малой Посадской дошли до Мичуринской, вышли у домика Петра на набережную и по Кировскому вернулись домой.

Прогулка небольшая, а сколько у Машки впечатлений, сколько вопросов задано!

— Что такое молочная столовая? Что такое каланча? Кто живет на каланче? Кто живет в этом доме?

В домике Петра темно. Я говорю:

— Здесь жил Петр Великий, царь.

— А сейчас здесь кто живет?

— Никто не живет.

Объяснить это трудно.

Вышли на набережную.

— Это кто?

— Это лев.

— Нет, это не лев. Не похож.

— Это Шао-цзи. Вроде льва.

— Я боюсь.

Спустились по каменным ступеням почти к самой воде.

— Хочешь выкупаться?

Передернула плечами. Смеется:

— Нет, не хочу.

Действительно, страшно даже смотреть на эту черную воду...

* * *

Из автомата позвонили маме, попросили ее минут через пять подойти к окну в моей комнате. Последние дни Машку очень интересует, где наши окна. Раньше она вообще смутно представляла, что такое дом, что такое этаж, окно, сторона и так далее. Сейчас уже начинает разбираться. Начинает, но не очень, конечно, разбирается...

Все-таки это волшебство, фокус: вдруг в одном из окошек третьего этажа раздвинулась штора и показался милый знакомый силуэт...

Задрав головы, мы стояли на мостовой, махали руками. И мама нам отвечала тем же.

Очень это Машке понравилось.

5.10.59.

Вечером ходили на прогулку. Шел дождь, и мы с Машей почти всю дорогу тащились под зонтиком. Гуляли недолго— до Скороходовской и обратно. Немножко побродили по Ружейной.

Там— лари с арбузами. Лари сбиты так, что все арбузы на виду.

— Зачем ключик?

— Это замок, а не ключик.

— Зачем замок?

— Чтобы никто не залез и без спросу арбуз не съел.

* * *

Увидела водосточную трубу, из которой с шумом бежала вода.

— Пи-пи делает.

Объяснил ей, зачем труба. Не очень поняла. Продолжала у каждой трубы смеяться:

— Пи-пи делает.

7.10.59.

Легла опять поздно и долго не могла уснуть. Устраивала концерты, диким голосом звала мать, и когда та приходила и спрашивала: “В чем дело, что ты хочешь?”— она отвечала:

— Хочу всё...

— Что значит “всё”?

— Какам, пи-пи, водички, задик смазать, носик почистить...

Это— чтобы подольше побыть в обществе мамы, чтобы не спать. А мама часто клюет на эти хитрости.

В Разливе последнее время с Машкиным засыпанием дело обстояло лучше. Может быть, потому, что меньше нас было, некогда и некому было чичкаться с Машкой, и она понимала это и лежала тихо. Ей было важно, чтобы кто-нибудь из домашних находился в поле ее зрения.

— Алеша! Не вижу тебя!— кричала она.— Машенька, ты где? Не вижу тебя!

Но бывало и так, что одни голоса наши в столовой настраивали ее на спокойный лад.

По-моему, еще и кровать ее сейчас неправильно стоит. Стоит она боком к двери. Машке приходится, во-первых, лежать на одном правом боку, а во-вторых— и этого еще мало: чтобы увидеть кого-нибудь, приходится выкручивать шею. Вот вертится, вертится и не спит.

8.10.59.

Лежала под кварцем. После обеда ходила с папой гулять. Фантастическим было это короткое (55 минут) путешествие. Фантастика началась с того, что, выйдя из подъезда, папа пошел сам и повел Машу не налево, как всегда, а направо, в результате чего они оказались под какими-то другими воротами.

— Куда? Алеша! Это же не наш дом!— кричала Машка.— Куда мы идем?

И вдруг выходим на Большую Посадскую— и оказывается, что

“наш дом”— рядом.

Уже поздно, темно, накрапывает мелкий дождичек.

Дошли до парка Ленина, парком— до Сытного рынка. Там папа поднимал Машу, брал на руки, показывал живых попугайчиков в закрытом уже на ночь зоологическом магазине. Потом прошли еще немного по этой рыночной улице, заглянули в какие-то ворота... Маша говорит:

— Это наш дом?

— Да, это наш дом.

Зашли и ахнули.

Огромный дворище. Целая площадь. Окружают ее пять-шесть многоэтажных домов. И всюду окошки и в окошках огоньки. На одном окне стоит игрушечная лошадь, виден ее красивый, гордый силуэт. А посреди двора— огороженный заборчиком, вытянутый в длину сад! Настоящий сказочный сад. Во-первых, там никого нет, ни одной души. А во-вторых, сад полон всяких занятных штучек и аттракционов. Тут и скамейка-гриб, и качели, и вторые качели, и качающаяся лодка, и огромный, великанский стол, и корабль с мачтой и с флагом на мачте...

Все это мы испробовали: покачались на качелях, покатались в лодке, посидели под шапкой гриба-мухомора. И никто нам не мешал, никто даже в окошко не выглянул, хотя все окна были освещены и за ними, ясно, находились люди.

Вышли мы с этого двора тоже не совсем обычным, скорее даже сказочным, образом: вошли в какой-то подъезд, поднялись по ступенькам, свернули куда-то и оказались уже на другой, Кронверкской улице.

А на улице Мира мы стояли минут десять у огромных окон типографии. Я поднимал Машу, и она смотрела, как дяди и тети печатают книги и плакаты.

Заходили в магазин электротоваров. Купил Маше батарейку для фонаря. Еще в Разливе обещал ей приделать к ее велосипеду фонарик. Теперь приделаю.

Легла Машка сравнительно рано— в десятом часу. И сравнительно быстро заснула. Помогла этому предложенная папой перестановка кровати. Поставили ее так, как она стояла в Разливе, то есть лицом к двери, ведущей в столовую. Машке удобнее смотреть и не приходится выкручивать шею.

* * *

Разоблачал ее вчера перед “кварцем”. Снимаю чулки. Она говорит нечленораздельное что-то. Я переспросил:

— Что?

— Не будешь влать?

— Не буду врать?

— Влать! Влать ты не будешь?

— Врать?

— Влать! Да влать! Не будешь влать?

— Врать нехорошо.

— Вла-а-а-ать!

И, отчаявшись сговориться со мной, отказывается от дальнейших попыток:

— Я не можу сказать.

И все-таки делает еще одну попытку:

— Не лазолвешь?

Это все-таки здорово! Так быстро, на ходу найти другое слово, другую форму глагола.

— Что?! Не буду я рвать? С какой стати я буду рвать твои чулки?!

10.10.59.

Машка весь вечер порывалась ко мне. Мама очень смешно изображала, как она, торопливо закончив ужин, вскакивает и с безупречной вежливостью благодарит всех присутствующих:

— Спасибо, мамочка. Спасибо, бабушка. Спасибо, тетя Минзамал.— И сразу поясняет:— Иду к Алешеньке.

Вежливость и прочее— чтобы не осложнять отношений с близкими, чтобы ускорить визит к Алешеньке.

* * *

Мама уложила Машку в кроватку. Машка, обхватив маму за шею, на ухо ей:

— Мамочка, почему ты не маленькая? Со мной бы лежала в кроватке...

12.10.59.

Обезьяна она невообразимая. Мама жаловалась при ней, что у нее болит поясница.

Машка заявляет:

— У меня тоже болит поясница!

— Да? Поясница болит? А где она у тебя?

— Не знаю.

Через минуту:

— Мама, а где у меня поясница?

* * *

— Мама, ты любишь дождь?

— Да, люблю.

— Я тоже. Давай лизать?

И языком пытается слизнуть со щеки и с верхней губы дождевые капли.

* * *

Это уже не о Маше, а о Машиной бабушке. Внемля нашим

просьбам и уговорам, бабушка пытается быть строгой с Машей. Особенно в нашем присутствии.

На днях Машка грубо ответила бабушке или ослушалась ее. Кто-то сказал:

— А вы ее, бабушка, по попке.

И бедная моя тещенька, сдвинув к переносице черные свои брови, фальшиво-строгим голосом говорит:

— Да, да! Если не будешь меня слушаться, я тебя по попочке!..

15.10.59.

На Малой Монетной долго стояли у высокого забора, смотрели, как строится большой пятиэтажный дом.

— Зачем дом сломали?— спрашивала меня Машка.

Не сразу поняла, что дом не ломают, а строят.

Я рассказал, кто строит дом: каменщики, плотники, маляры, столяры, кровельщики. Объяснил, кто что делает.

* * *

Мама была у больной тети Ляли. Машка не хотела засыпать. Кричала на весь дом:

— Хочу маму! Маму хочу!

Ни бабушка, ни тетя Минзамал успокоить ее не могли.

Унес ее к себе. Все то же. Рыдания, стоны, крики:

— Хочу мамочку!

Наконец очухалась. Каким образом? А вот каким... Я взял с тарелки кусочек яблока и стал жевать. Она продолжала реветь, но глазенки ее уже насторожились, в них мелькнула заинтересованность. А плакать и одновременно чем-нибудь интересоваться— вряд ли возможно.

Я сунул ей в рот кусок яблока. Плачет и жует. Вдруг шмыгает носом и сквозь слезы говорит:

— Тетя Ляля.

Это она увидела на одной из полок книжного шкафа карандашный портрет тети Ляли работы Гриши Белых.

Истерика кончилась. Когда через двадцать минут появилась мама, Машка уже самым мирным образом щебетала.

17.10.59.

Вчера помогала маме законопачивать на зиму окна. Делала это с упоением: запихивала тупым ножом клочочки ваты в щели. Не откликнулась даже на мое приглашение в гости...

* * *

Перед сном мама распустила Машкины косы, облачила девочку в длинную ночную сорочку. И говорит:

— Если бы тетя Гетта тебя увидела такую, она бы тебя скушала.

— Как скушала? Что скушала?

— Всё. И ручки, и ножки, и попку.

Маша— кокетливо:

— Ну, мама!.. Попку стыдно кушать!

* * *

Часа в четыре утра слышу пронзительный Машкин вопль. Прибегаю— она сидит в кроватке, а мама успокаивает ее:

— Что с тобой? Машенька! Детка!..

И Машка, всхлипывая, сквозь слезы:

— Верблюд пришел.

Вот до чего дело дошло: уже верблюдов наша дочь во сне видит!

21.10.59.

Рассматривали картинки в книге Л.Вентури. На Машку сильнейшее впечатление произвела юношеская картина Дега[8] “Сцены из войны в средние века”. Там всадники топчут голых женщин. Машка долго рассматривала картинку, расспрашивала: кто? что? почему?

— Не люблю этих тетев. А ты любишь?

— Мне жалко их,— я говорю.

— Будем их чинить?

— Не чинить, а лечить.

Пробую листать дальше. Нет!

— Хочу смотреть теть убитых. Тетей голеньких давай смотреть.

Приходит мама, она и маме рассказывает, как дяди на лошадках, “нехалесые”, убили тетей.

И через двадцать минут, когда уже смотрим Клода Моне[9]:

— Найди тетей сломанных.

— Где они?

— Далеко. Вот здесь.

И показывает, в какую сторону нужно листать.

* * *

Впечатлительна. Чувствительна.

Когда мама рассказывает ей про волка и семерых козлят и доходит до того места, где волк съедает козлят, она каждый раз слышит:

— Не надо! Не надо! Мамочка, не надо!

И если мама все-таки досказывает сказку, Машка плачет горькими слезами.

Дурных концов она вообще не терпит. Об этом я уже писал.

Мама читала ей какую-то современную сказку про горошину, которая попала в детский сад к детям, а те зарыли ее в землю... В этом месте Машка начинает кричать:

— Не надо! Не надо!

Вероятно, тут (и это ошибка автора) виноват неуместный антропоморфизм. Ведь мы с Машкой “сажали” на даче и абрикос, и вишню, закапывали в землю косточки, а Машке и в голову не пришло пожалеть их. А горошина из книжки думала, говорила, бегала, она была живая, и вдруг ее— в землю!

Горошина эта не дает Маше покоя.

Вчера, когда ей так плохо засыпалось, она говорила матери:

— Мамочка, горошину не зароют? Я не хочу... не хочу, чтобы ее— в землю.

* * *

Стал шутя пороть Машку, хлопать по попке. Мама говорит:

— Пожалуйста, не делай ей перед сном такой массаж.

И стала “спасать” Машку, отбирать ее от меня. А Машка отбивается от мамы и кричит:

— Хочу массаж! Хочу массаж!..

22.10.59.

Утром я позвал ее: приделывали электрический фонарик к велосипеду. Ах, сколько радости может доставить такая пустяковина трехлетнему человеку! Бегала, ликовала:

— Бабушка! Бабушка! Посмотри!..

24.10.59.

Третьего (или четвертого) дня бабушка ходила в аптеку. Вернулась, о чем-то громко говорит Маше, и вдруг слышу радостный Машкин голос:

— Папа! Папа! Алеша! Алешенька! Там снег! Там снег был!

Ворвалась ко мне:

— Снег был! Алеша, снег был!

— Где?

— На улице снег был.

Потом убежала. Слышу— в столовой передвигает стулья. Понял, что не может не посмотреть на снег. Так и есть: вскарабкалась на стул и смотрит.

* * *

— Хочу твою книжку почитать.

— Какую книжку?

— “Амба-Хамба”.

— Какую?

— “Амба-Хамба”!

Не сразу я понял, что так трансформировалось немецкое “Bruderchen Vierbein”. Но теперь эта книга так и называется у нас: “Амба-Хамба”.

За окном зима. Белые-белые крыши, белые полоски на карнизах, на трубах, на всех выступах...

А мы сидим дома, хвораем.

* * *

Плохо это или хорошо, а надо признаться, что Машка не очень любит, когда ей читают.

Она до сих пор не знает всей истории Дюймовочки, хотя персонаж этот уже давно— года полтора, если не два— один из любимейших у нее. Я несколько раз начинал читать ей эту андерсеновскую сказку и— бросал на второй или третьей странице. То же и с “Огнивом”. А пересказ “Огнива” слушает с наслаждением.

В чем же дело? Прежде всего— в языке этих сказок. Написаны они или переведены так витиевато, вычурно, с таким количеством старомодных слов, выражений и оборотов, что, когда читаешь, приходится то и дело “переводить” на ходу эти архаизмы и непонятности. Может быть, этого делать не стоит? Ребенок должен знать язык во всем его многообразии— в старину его и новизну. Но это относится к первоклассному, неоспоримо хорошему, к прекрасному, а все ли, что мы даем детям, заслуживает такой оценки?

И еще одно: возраст! Андерсен не для трехлетних! Я впервые услышал “Огниво” (именно услышал, а не прочел, то есть получил облегченный, приспособленный к моему тогдашнему пониманию вариант), когда мне было шесть лет или около этого.

А слушать Машка готова без конца. Устный рассказ отличается от рассказа написанного и опубликованного тем, что он всегда приспосабливается к слушателю, к его возможностям, опыту, степени сообразительности и так далее. Приспособление это происходит, вероятно, даже бессознательно: рассказчик чувствует, понимают его или нет, и на ходу меняет лексику, упрощает обороты, укорачивает фразу, растолковывает непонятное...

Даже стихи Машка не очень внимательно слушает. То есть хочу сказать, что в смысл того, что ей читают, она не слишком вникает. Но от звонкого стиха, как от музыки, никогда не откажется.

Чужих стихов почти не знает, зато свои читает часто и с удовольствием. Это вообще нечто непередаваемое. Читает она с пафосом, меняет размеры. Записать, к сожалению, эти стихи невозможно, тут нужен магнитофон. Рифмы она не всегда находит, но ритма не меняет, пауз не делает, продолжает декламацию.

Мама слушает ее обычно с некоторым даже страхом.

Я говорю:

— Все дети в этом возрасте талантливы.

Мама говорит:

— Нет, не все.

Ни она, ни маленькие братья ее, ни Гетта стихов в детстве не сочиняли. Достоверный свидетель тому— моя милая теща— Любовь Ивановна. Не витийствовала, насколько мне помнится, и племянница моя Иринка.

Почему это нас беспокоит?

А потому, что— не растет ли в нашем доме еще один литератор?

* * *

Не гуляет Машка. А сегодня опять тепло. Зима, которая постояла на дворе несколько дней, кончилась, объявила себя несостоявшейся. Сегодня 6 градусов выше нуля.

Машка спит.

Мама в аптеке.

Бабушка ходит на цыпочках.

Папа работает.

29.10.59.

...Нельзя пугать ребенка. Вот она боится темноты, боится ходить вечером через коридор, боится оставаться одна в комнате. Кто-то напугал ее. Впрочем, шутя, бывало, и я нагонял на нее страх:

— Ой, медведь лезет!..

А представления о мире у нее таковы, что она под влиянием одной интонации может поверить, что под диваном у меня вдруг оказался медведь.

30.10.59.

...Новая игра. Маша— это заводная кукла. Аннабелла. Я завожу ее где-то на спине:

— Трк-трк.

И кукла начинает ходить. Делает это она изящно и в то же время скованно, движения плавные и деревянные.

Поворачиваю другой рычажок:

— Трк.

И кукла начинает танцевать и петь.

Самое смешное— когда я ее кладу на спину и кукла закрывает глаза. Она их не просто закрывает, а сжимает с силой, вся морщится при этом.

Нажимаю ей на живот, и кукла говорит:

— Ма. Ма.

Еще нажимаю:

— Па. Па.

Еще.

— Ба. Ба. Шка.

* * *

Никак не отучить ее от “можу” и “не можу” (вместо “могу” и “не могу”). Вместо “почему” то и дело говорит “зачем”.

Говорю ей:

— Я не хочу дальше играть.

— Зачем не хочешь?

Стоит взглянуть на нее осудительно, и сразу же спохватится, поправит себя:

— Почему не хочешь?

* * *

Играли в доктора. Доктором была Маша, я был больной.

С упоением лечила меня, выслушивала, выстукивала, говорила “дышите”, “не дышите”, делала уколы, капала в нос— понарошку, но из настоящей пипетки.

Я у нее спрашиваю:

— Доктор, скажите, я поправлюсь?

— Нет, не поправитесь,— заявляет доктор.

Меня это как-то по-серьезному огорчило и даже рассердило.

— Как не поправлюсь? Зачем же вы тогда ходите ко мне и лечите меня, если я не поправлюсь?

— Я потом еще приду.

— Вылечите меня? Поправлюсь я?

— Нет.

Я понял, в чем дело: боится, что, если я поправлюсь, ей нечего будет делать и игра прекратится.

Но, видя мое огорчение и возмущение, она говорит:

— Сейчас поправитесь, а потом, когда я приду, опять заболеете.

* * *

Только что бабушка водила Машку в ванную мыться перед дневным сном. Вытирала ей физиономию. Машка спрашивает:

— Губки сухие?

— Сухие.

— Непохоже.

Мы все смеемся и умиляемся, и вот уже даже в тетрадь это событие попадает, но по существу это совсем не то, что должно попадать в эту тетрадь.

Случаи, когда Маша взросличает, не самые интересные. Ведь это— прямое подражание маме, обезьянство чистой воды и самодеятельности, творчества здесь— ни на копейку.

* * *

Стучит в дверь:

— Тук-тук.

— Кто там?

Басом:

— У-го-мон. Кто у вас здесь не спит?

— Я не сплю.

Входит:

— Я сейчас буду вас угоманивать. Я вас угомоню.

* * *

А вчера пришла, просит дать какую-нибудь книгу.

— Папа, дай книжку. Пожалуйста. Я без спросу не хочу брать.

5.11.59.

...Склонность к юмору, к острячеству не оставляет ее. Вчера взяла бумажку от тянучки, бумажка свернулась в трубочку. Машка сунула ее в рот и говорит:

— Папироска.

Я говорю:

— Не папироска, а мамироска.

Каламбур до нее не дошел.

— Нет,— говорит,— папироска.

Потом вдруг осенило. Засмеялась и говорит:

— Маширoска.

* * *

Это еще на даче было. Обращаюсь к Машке:

— Пожалуйста, дай очки!

А она:

— Где кабачки?

Позже я ставлю на живот грелку и говорю:

— Брюхо болит.

Она хохочет:

— Брюки болят?

И острить любит, и к рифме ее тянет.

7.11.59.

Праздники. А мы с Машкой на больничном положении.

Температура у нее все эти дни прыгает. Кашляет. Жалуется на горло.

И другие вещи огорчают меня. Например, те страхи, которые вдруг напали на Машку. Уходишь из столовой, а она:

— Не уходи! Я боюсь! Я боюсь одна!

— Кого ты боишься? Чего ты боишься?

— Боюсь!

И не знаешь что делать, как разогнать эту нечисть, эти призраки, мешающие Машке засыпать, спать, играть.

Вот еще один минус единственного ребенка! Боятся, конечно, и в больших семьях, но там ребята или не дают друг другу пугаться, или пугаются скопом, все вместе, а в этом не только ужас, но и радость и даже блаженство.

* * *

Вчера мама подарила Маше к празднику два больших надувных шара. Маша принесла их показать мне. Я говорю:

— Кому это? Маше и Алеше?

— Нет, это мне.

— Ты же большая. Ты же— мама.

Нет, жалко ей шариков. В конце концов Маше (то есть маме Элико) она согласилась подарить один шарик, а мне— нет.

Сегодня, когда я завтракал в столовой, пытался возобновить этот разговор.

— Так как же? Подаришь Алеше один шарик?

— Нет, я что-нибудь другое подарю.

— Какая же ты мама?!

— Мне они нравятся, эти шарики.

Объяснил, что именно то, что нравится, и надо отдавать другим.

Слушала внимательно, но поняла ли— бог ведает.

Говорит:

— Я тебе одну тряпочку подарю, у меня есть.

— Не надо мне тряпочек.

— Алеша, я сейчас принесу тряпочку.

— Не хочу я быть Алешей. Не хочу быть твоим сыном. Я— папа.

Для нее это большое огорчение.

Говорит:

— Папа... На тебе шарик... понарошку. Алеша, на, возьми!

И подает мне что-то воображаемое в щепотке.

— Нет,— говорю,— такого шара мне не надо. Вот тебе Алеша! На! Играй!

И понарошку даю ей маленького Алешу.

Она расстроена.

Однако шарик мне так и не подарила.

Я тоже огорчен. Но, поразмыслив, нахожу утешение.

Глупая Маша не научилась еще (и дай бог не научится) лицемерить. Она не догадывается, что шарик этот мне не нужен, что я все равно его не взял бы, что она могла сделать этот великодушный жест, ничем не рискуя и ничем не жертвуя.

И это меня радует. Ведь даже Машкин эгоизм— проявление чистой младенческой души.

9.11.59.

Почти весь день Маша провела с бабушкой. Вечером прибегает ко мне, а за ней— мама:

— Слушай свою дочку!

И Маша с уморительным пафосом декламирует:

Вечей бый. Свейкали звезды.

На двое моёз тъещал...

Это она с бабушкиной помощью вызубрила. И читает с удовольствием— без конца. Первое стихотворение на четвертом году жизни! И, к сожалению, далеко не из самых лучших.

* * *

Вечером я, после долгого перерыва, устроил “кино”. Вынес диаскоп в коридор, там до сих пор висит на стене маленькая Машина простынка. Принесли из кухни табуретки. Зрителей было четверо: бабушка, мама, тетя Минзамал и Маша.

Показал два диафильма.

— Еще! Еще фильму!— умоляет Машка.

Ее поправляют: “Фильм!”— не ведая или позабыв о том, что прежде чем в русском языке появился “фильм”, была “фильма”.

10.11.59.

Я лежал. Машка сидела рядом. Мы что-то делали, кажется— бусы из серебряной бумаги. Я тяжело вздохнул.

— Алеша, зачем ты так делаешь?

— Как?

Показывает:

— Вот так.

— Это я вздохнул.

— Я не умею вздыхать. А бабушка умеет. Я люблю, когда вздыхают.

12.11.59.

Воображение у Машки болезненное. Вчера я высунул из-под одеяла свою ногу в клетчатом носке. Говорю:

— Крокодил.

Машка сначала понарошку, а потом и по-настоящему испугалась:

— Боюсь!

Я откинул одеяло, показал всю ногу.

— Видишь?

— Да.

Но тут я зашевелил пальцами и направил крокодилью морду в сторону Машки. А на носке у меня еще крохотная дырочка— вылитый глаз.

И Машка опять: “Бригадир! Бригадир! Боюсь!”

“Бригадирами”, говорят, покойная тетя Маша крокодилов называла.

А у Машки слезы на глазах.

Потом говорила бабушке и маме:

— Я к папе не пойду, там бригадир.

13.11.59.

Освоение ребенком грамматических форм не такое простое дело, как на первый взгляд кажется. Слушаешь Машкину речь, выдуманные, изобретенные ею слова и обороты, и начинаешь понимать, как складывался язык и диалекты его. Язык у тебя на глазах, так сказать, кроится, шьется, примеряется и обтачивается.

Играли в доктора. И Машка вдруг в разгаре игры спрашивает:

— В каких домах лечится?

Тогда я понял, а сейчас (когда переписываю с листочка эту фразу) уже и не помню, что это значило и к чему относилось.

14.11.59.

Утром прибежала меня будить:

— Алеша! Алешенька! Вставай!

Ворвались, шумная, чистенькая, нарядная (готовились с мамой идти в поликлинику).

Забыла сказать “здравствуй”.

— Где твои бригадирчики? Ой, а почему они голые? А где у них рубашечки ночные?

Мама принесла мне завтрак, увела Машку. И тут же, в дверях, Машка спохватилась:

— Доброе утро, Алеша!..

* * *

Третьего дня выучила четверостишье, которому еще в далеком детстве научила нас нянька:

Завтра праздник, воскресенье,
Нам лепешек напекут,
И помажут, и покажут,
А поесть-то не дадут!

Стишки звучные, энергичные. Когда-то они очень понравились С.Я.Маршаку. Машка читает их с удовольствием. А над бабушкиной “Сироткой” проделывает всякие эксперименты. Например, так ломает стих:

Вечер был, сверка. Лизвезды,
На дворе сидел— Мороз.

Или:

На дворе малютка шел...

А мне приходится дописывать строфу, придумывать рифму. Эта игра Машке нравится.

20.11.59.

Вчера Машку смотрел врач-физиотерапевт. Горло у Маши красное.

— Что нам с тобой делать, Машенька?— говорит доктор.

— Ничего. Я сама меня буду лечить,— заявляет Машка.

* * *

Огорчительно, что не проходят ее страхи. Стоит ей остаться

одной в комнате, как уже слышишь:

— Боюсь! Я боюсь!

Мама говорит, что Машка ей не один раз жаловалась, будто ей мерещатся какие-то глаза. И бабушке она говорила:

— Бабушка, ты видишь? ОН смотрит!

А сегодня под утро проснулась и разбудила мать:

— Мама, я боюсь. ОН там стоит... с глазами вот такими.

Как с этим бороться, не понимаю. Одно знаю: в этом случае ни кричать, ни высмеивать ее нельзя.

21.11.59.

Вечером зашла ко мне:

— Давай книгу читать.

— Какую?

— Много-много разных.

— Ну все-таки, какую? “Амба-Хамба” хочешь?

— Нет.

— Почему?

— Я боюсь там хозяина, которого собака укусила.

— Какую же тогда?

— И “Волшебника” не хочу.

Открыла шкаф и выбрала три книги: “Мойдодыра”, “Белочку и Тамарочку” и немецкую— про Би-Ба-Бутцимана. Эти книги волнуют, но не пугают.

* * *

Обнимает маму:

— Мамочка, я тебя люблю больше всех.

Потом подумала и говорит:

— И больше всех люблю папу. И больше всех люблю бабушку.

* * *

Очень любит колдовать, “превращать” меня— чаще всего— в “девочку Люсю”.

— Тук-тук-тук. Будь девочка Люся.

И я тоненьким голоском отвечаю:

— Здравствуйте. Я— девочка Люся.

Ей очень нравится, когда я так говорю. Вероятно, и я неплохо вхожу в роль...

— Пойдем в Зоопарк,— говорит она девочке Люсе.

И девочка Люся отвечает:

— Я не могу. Мне мама не позволила.

— Я тоже твоя мама.

— Нет, у меня одна мама. Ее зовут Анна Семеновна.

Машке очень хочется оказаться в родственных отношениях с девочкой Люсей. Она говорит:

— Я твой папа.

— Папа? А где твои штаны?

Задрала юбку:

— Вот!

— А где твои усы?

Задумалась. Глазенки забегали. Придумала наконец:

— Нет, я бабушка просто!..

* * *

Наконец она нашла себе амплуа. Она— тетя. Тетя Оля.

Девочка Люся больна. Они живут на даче. Люся лежит в гамаке и скучает. Тут вот и появляется тетя Оля. По просьбе Люси она заваривает кофе, потом молочница приносит молоко— и Люся угощает молоком гостью.

Люся (то есть я). Тетя Оля, если вам не трудно, налейте мне, пожалуйста, тоже молока!

— Трудно!

— Что трудно?

— Трудно мне.

Это— отклик на “если вам не трудно”. Буквалистка, как и все маленькие.

23.11.59.

Вечером сегодня играли. Я превращал Машу в разных животных.

— Тук-тук-тук. Будь корова!

— Му-у-уу!..

— Коровушка, дай мне, пожалуйста, молочка.

— На! (Лезет рукой за спину.) У меня там сися есть.

* * *

У нас в гостях тетя Ляля. Пьют чай в столовой. И Машка там. А я все еще лежу. Скоро Машку приведут или притащат прощаться.

Мама купила ей длинную, до пят ночную рубашку. Машка не нарадуется. Приходит сейчас, придерживает рукой подол.

— Видишь, какая я большая!..

Только что опять заходила— с тетей Лялей.

— Цыганский ребенок!— очень точно определила тетя Ляля.

И шумит как цыганка.

25.11.59.

Вчера до половины двенадцатого не могла заснуть. Все кричала:

— Боюсь! Хочу маму! Мама, иди сюда, боюсь!

Не знаешь, как тут быть. Конечно, Алена права: одной строгостью тут ничего не добьешься. Но вместе с тем и потакать, откликаться на каждую просьбу и на каждое требование (а просьба очень быстро перерастает в требование) нельзя. Надо,

конечно, искоренять страх, развивать храбрость, приучать к темноте. Но все это требует очень тонкой работы. Ни грозными окриками, ни мягкими уговорами здесь ничего не сделаешь.

А ждать нельзя.

Элико читала вчера соответствующее место в книжке американской педагогессы Септ. В книге этой много дельного, но много и чепухи. Слишком часто автор выступает в роли утешителя: “Не надо волноваться, годам к пяти, семи, десяти это может само собой пройти”— и тому подобное.

* * *

Уверяла, что в комнате, где она спит, в темноте на нее “глаз смотрит”.

Говорили: “чепуха”, “глупости”, “выдумываешь”, а один раз Алена проснулась ночью и сама испугалась. Действительно— из черного мрака алькова смотрит на нее огромный зеленоватый глаз. Не сразу она поняла, что это фосфоресцирует циферблат будильника, который стоит на полке с Машиными игрушками.

На другой день Маше объяснили, в чем дело, показали светящийся циферблат, часы спрятали. Страхи эти исчезли. Но на смену им пришли новые. Вероятно, детская душа сама ищет их.

* * *

Плохо усваивает цвета, краски. Одно время боялся— не дальтонистка ли она?

Показываю на дверь, обитую черной клеенкой. Спрашиваю:

— А дверь какого цвета?

— Гм... Я что-то молчу.

Так и сказала: “Я что-то молчу!”

А подумав еще, сказала:

— Я что-то молчу крепко.

28.11.59.

Опять Машка плохо засыпала. И может быть, опять я виноват. Перед сном тискали пластилин, и я лепил всякую нечисть.

Впрочем, чтобы напугать Машку, вовсе не требуется что-нибудь очень уж страшное. Вылепишь что-нибудь бесформенное, не похожее ни на человека, ни на животное, и вдруг Машка:

— Ой, боюсь! Боюсь! Я его, кажется, боюсь!

Думаю, что может и сама что-нибудь вылепить— и тоже испугается.

Еще К.И.Чуковский заметил эту способность ребенка пугаться порождений собственного вымысла:

Дали Мурочке тетрадь,
Стала Мура рисовать...

* * *

Ест сливочную помадку, наслаждается, жмурится,

причмокивает:

— Ой, как вкусно мне!..

30.11.59.

...Ей сказали, что если будешь есть— вырастешь большая.

Часто прибегает ко мне и очень смешно показывает, как она выросла: вытягивается на цыпочках, при этом выпячивает живот, таращит глаза; шейные сухожилия напрягаются, рот почему-то тоже участвует в этой демонстрации роста— растягивается чуть ли не до ушей.

* * *

Врач назначил мне инъекции витаминов. Вчера у меня была сестра, делала уколы. Пришла Машка, взяла из пепельницы ватку, понюхала:

— Ой, уколом пахнет!

Нюхает с удовольствием. Я тоже люблю этот запах. Мама смеется над нами, говорит: одного поля ягода.

А Машка с наслаждением втягивает в себя резкий запах медицинского спирта:

— Нет, правда, укольчиком пахнет!..

* * *

Подарил ей пустой флакон из-под духов “Шипр”. Флакон в коробочке с зеленой кисточкой. В бутылочке несколько капель зеленых духов.

— Кому это?!

— Тебе.

Не может поверить своему счастью.

Спрашивает у меня:

— Откуда у тебя духи?

— Мне бабушка подарила.

— А почему ты мне даришь?

— Потому, говорит мама,— что папа тебя любит.

Сияет.

— Я буду Аннабеллу душить.

— Вот скоро Новый год,— говорит мама,— ты всех своих кукол на Новый год и надуши.

— Дай я тебя на Новый год надушу,— говорит Машка и тянется к матери и мажет ее пробочкой от флакона.

ТЕТРАДЬ СЕДЬМАЯ

3 ГОДА 4 МЕСЯЦА

4.12.59. Ленинград.

Я все еще лежу. Но много работаю. С Машкой мы видимся только по вечерам— перед ужином и после ужина.

Сегодня немножко читали (Чарушина, Сладкова), разглядывали картинки в “Мурзилке”, играли в “лепешки”. Еще раз убедился в том, что игрушки-импровизации доставляют ребенку (во всяком случае, ребенку этого возраста) гораздо больше радости, чем игрушки магазинные, готовые, то есть уменьшенные копии настоящих людей, зверей и предметов: куклы, собаки, мишки, посуда, автомашины и тому подобное.

“Лепешки”— это разноцветные пирамиды. Их у меня четыре. Самая маленькая— это Маша, маленькая потолще— Павлик, тоненькая высокая— мама, а самая высокая— папа.

Маша играет с этими куклами-абстракциями с большим удовольствием, чем с куклами-натуралистками, всеми этими Сонями, Тамарами, Аннабеллами. Она раздевает пирамидки и одевает, купает их, делает с ними гимнастику.

Почему же играть с этими пирамидками интереснее? Вероятно, только потому, что тут больше простора для творчества.

* * *

Я поставил на голову “папе” самую маленькую пирамидку— “Машу”.

Машка придумала молниеносно. Схватила толстого “Павлика” и говорит:

— Это не Павлик, это тетя Ляля.

И густым трагическим голосом тети Ляли, обращаясь к “папе”, восклицает:

— Алексей, не нужно! Алексей!!!

Именно так, в этих выражениях и с теми же трагическими интонациями, взывает ко мне моя сестрица, когда я проделываю с Машкой какие-нибудь акробатические трюки, сажаю ее на плечи, на багажник велосипеда и тому подобное.

Какое же воображение у трехлетнего ребенка! И какое острое художническое зрение! Увидеть за этими деревяшками живых, конкретных людей и тут же придумать им роли, целую сценку!..

* * *

Вчера вечером, вызывая к себе маму, я кричал грубым голосом:

— Люди! Звери! Птицы! Рыбы! Насекомые!

— Не кричи!— умоляла меня Машка.— Не кричи, а то меня

возьмут.

То есть заберут спать.

* * *

— Насекомые!

Машка удивилась:

— Какие босикомые?

7.12.59.

Вчера была у меня недолго. Читали, потом играли в превращения.

Я говорю:

— Будь волк!

— Вау... Вау.

— Будь муха!

— Ж-ж-ж. Ж-ж-ж.

— Будь корова.

— Му-у-у-уу... Я вам м-м-м-молочко несу-у-у...

— Будь стул!

Подумала секунду— и скорчилась, приняла какую-то замысловатую позу, в которой она кажется себе похожей на стул.

* * *

Обещал ей как-то показать настоящий шприц для уколов.

Показал. Она увидела и испугалась.

— Не надо! Боюсь! Больно будет.

— Давай я тебе покажу, как укол делают.

— Боюсь!

— Я тебе больно не сделаю. Я без иголки.

— Боюсь!

— Папа говорит, что больно не будет...

— Будет!

— Иди сюда!

— Боюсь.

— Если папа говорит, что больно не будет, надо папе верить.

Не верит. И это меня, конечно, огорчает. А потом я подумал, что где же им верить, детям, если их на каждом шагу обманывают, объегоривают, обмишуривают.

— Иди, девочка, иди, дай ручку, больно не будет.

Девочка доверчиво протягивает руку, а ей: р-раз!

— Ничего, ничего, не плачь, сейчас пройдет.

Трудно, но надо воспитывать так, что:

— Будет немножко больно, но потерпи...

И всегда надо правду!

* * *

И вот— кстати— о правде.

Вчера мама возвращается из своего очередного похода, в

прихожей ее встречает Машка и с места в карьер объявляет ей:

— Мамочка, я плохо себя вела, я была нехорошая.

Похвальна ли такая самокритика? Нет, в данном случае нисколько не похвальна.

Машка совершила поступок действительно очень дурной. После дневного сна она не захотела одеваться, раскидала всю свою одежду, а когда бабушка попыталась взять ее на руки, толкнула бабушку и несколько раз ударила ее по лицу.

Бабушка плакала.

И тут раздались три звонка, означавшие, что пришла мама.

— Сейчас я расскажу мамочке, как ты себя вела,— сказала бабушка.

— Не надо, можешь не говорить, я сама расскажу.

Расчет бы простой. Уже не один раз Машка признавалась в своих грехах, и чаще всего ее не только прощали, но и хвалили за правдивость.

На этот раз не вышло.

Мама накричала на Машку и велела ей немедленно извиниться перед бабушкой.

— Ты сама знаешь, что нужно сделать,— сказала она.

— Не помню,— нахмурилась Машка.

Извиняться она ни за что не хотела. Это уже второй случай, когда она отказывается извиняться перед бабушкой.

Когда я узнал о случившемся, я настоял, чтобы этот случай не был оставлен без последствий. Одних извинений тут мало. Нужно, чтобы девчонка поняла, как плохо она поступила. А индульгенция, которая покупается за бездушное, холодное “прости”, ничего не стоит.

От моего имени Маше было объявлено, что папа не хочет ее видеть.

Мама не разговаривала с ней.

И даже бабушке было рекомендовано, чтобы она не таяла от первого слова раскаяния, от первого поцелуя внучки.

Когда Машка наконец сказала:

— Прости, бабушка.

Та ответила:

— Я еще подумаю, стоит ли тебя прощать.

Все это было и для бабушки и для Машки потрясением. Между нами говоря, кто из них больше виноват— я судить не берусь. Знаю только, что если бы моя милая, добрая и мягкая тещенька так не распустила девчонку, нам не пришлось бы всем домом устраивать этот педагогический аврал.

Машку было жалко. Весь вечер она сидела в столовой на тахте и негромко подвывала:

— Ма-а-а-а-ма-а-а...

* * *

Была ли в этом случае перегнута палка? Думаю, что нет, не была.

Одними внушениями, проповедью, разговорами о том, что дурно бить по лицу любимого и любящего тебя человека, тут обойтись нельзя было. Нужна была строгость. И нужно было потрясение.

А сегодня— новая беда.

Нашла на полу или в корзине для бумаг ломаную немецкую “архитекторскую” кнопку— красивую, блестящую, золотую...

— Денежка,— сказал я.

Она засмеялась: дескать, шутишь!

Такая взрослая ирония меня обманула. Я позволил Машке взять эту понарошную денежку.

А через двадцать минут из комнаты Элико вопли и крики. Оказывается, Машка запихала “денежку” в ноздрю... И забыла об этом. Потом пришла к матери и говорит:

— У меня козявка в носу.

Мама, не посмотрев, стала запихивать в нос вату.

А дышать Машке еще труднее.

Тогда мама подвела ее к окну, к свету, заглянула в нос и увидела, что там что-то блестит...

Заставила Машку сморкаться, и, слава богу, кнопка была извлечена.

А бабушке опять было худо.

* * *

Вчерашняя история сказалась на Машкином поведении. Слушается всех, даже бабушку и тетю Минзамал. Сейчас (три часа дня) мама и бабушка отправились по делам. Машку готовит к дневному сну Минзамал. И Машка беспрекословно дает себя разоблачать.

* * *

После происшествия с архитекторской кнопкой извожу Машку насмешками. Думаю, что в данном случае этот способ верный.

Говорю ей:

— Я ничего тебе теперь не буду давать— ни карандаша, ни ложки...

Мрачно усмехнулась...

— Ложку можно. Ложку мне сюда не засунуть.

— Дырка мала?

— Да. Мала...

И пытается пальцем растянуть ноздрю.

* * *

Донял ее. Убирает посуду у меня “со стола”, то есть с табуретки, которая заменяет мне во время болезни и письменный и обеденный стол.

Унесла тарелку с хлебом, кружку из-под киселя. Прибегает:

— А еще что?

— Вот тарелка и вилка. Только, смотри, в нос вилку не запихай.

Со вздохом:

— Халясо...

И совершенно серьезно, даже мрачно:

— Я не умею вилку в нос запихивать.

* * *

Полушутя я хотел шлепнуть Машку по попке. Она понимает, что делается это играючи, и, охотно подставив попку, сказала:

— Один маленький попопчик!

* * *

Вернулась с прогулки, очень просила почитать ей старую “Мурзилку”— номер за 1948 год,— где напечатана “Повесть о Галиной маме” Георгиевской. Там на картинке девочка Галя получает за маму орден, потому что у мамы забинтованы руки. Эта картинка произвела на Машу большое впечатление. Говорит:

— Я даже ночью сегодня думала об этой тете без рук.

Чтение отложили до вечера. Постараюсь вообще отложить. Чтение не по возрасту.

10.12.59.

— Пустите, пустите...

— Ты куда?

— Тете Минзамал хочу спасибо сказать!

* * *

Не пересаливаем ли мы с этими “спасибо” и “пожалуйста”? Может быть, и пересаливаем. Но в этом случае лучше, пожалуй, немного пересолить, чем недосолить.

Говорят: “Не в этом счастье”. Вообще-то верно— не в этом. Но отчасти и в этом. Смотря как понимать это счастье. Если грубость окружающих ранит тебя, обижает, мешает тебе жить, то любезность, отзывчивость, дружелюбие— наоборот, жизнь украшают. Мудрость, казалось бы, не велика, а как мало считаются у нас с этим добрым законом, как не хватает нашей молодежи этих “внешних форм”!

Телефонный звонок. Снимаю трубку:

— Я вас слушаю.

Молодой повелительный голос:

— Галю!

Отвечаю как можно мягче и любезнее:

— Простите, вы не туда попали.

И чаще всего слышу в ответ:

— А, черт!..

И скрежет брошенной на рычаг трубки.

Через день, через два или в тот же день попозже— уже другой голос, но опять молодой и опять повелительный:

— Марину позовите!

— Такой у нас, простите, нет.

— Как нет? А, ч-черт!..

Зато как приятно бывает услышать в ответ:

— Ах, простите!..

Или:

— Извините, пожалуйста!..

Редко, но бывает.

Между прочим, заметил, что после этих любезных слов человек никогда не бросает трубки.

11.12.59.

Ездил вчера по делам в “город”, на обратном пути зашел в Гостиный двор, купил много всяких игрушек Павлику и немного — Маше.

В числе прочего купил маску— собачью, бульдожью морду, очень похожую на морду Синдбада...

Когда я надел эту маску и заглянул через застекленную дверь в столовую, Машка дико заорала. Конечно, я не ожидал такого эффекта и маску тут же сорвал. Потом по очереди при ней надевали маску мама и бабушка— она и тут орала.

Когда же я предложил ей самой попробовать надеть маску, она сделала это не задумываясь и охотно. Долго с любопытством смотрела на себя в зеркало. Бегала на кухню, пугала тетю Минзамал. Позже пугала шварцевскую тетю Нюру.

* * *

Показала мне туфли, которые мама и бабушка купили вчера в подарок Павлику.

— Это моему братишке Павлику.

— Вот он какой большой,— я говорю.

— А когда он жил в Разливе— в прошлом году,— он был маленький. И я была маленькая. Мы вместе были маленькие.

* * *

Ведет себя довольно прилично. Правда, с бабушкой у нее казусы бывают.

Проветривается мамина комната. Чтобы дверь в столовую не открылась, к ней приставили стул.

Машка влезает на этот стул.

— Машенька, слезь,— говорит бабушка.— Из той комнаты дует.

Машка сидит.

— Слышишь?

Слышит, конечно, но продолжает восседать на стуле.

Если бы в эту минуту не появился я, Машка оказалась бы победительницей в этой борьбе характеров. Я сказал:

— В чем дело?

И Машка слезла со стула.

Увы, поражение и тут засчитывается бабушке...

* * *

Вечером, перед сном, Машка была у меня. Я лежал.

— Маша,— сказал я.

— Я не Маша.

— А кто ты?

— Я девочка Мотя.

— Где ты живешь?

— Я одна живу. У меня мамы нет, и папы нет, и тети Гетты, и Павлика нет.

— Кто же тебе готовит?

— Я сама готовлю. И сама в магазин хожу. И сама в школу хожу.

— Что же ты готовишь на обед?

— Щи, каклетки, потом— компот. И в булочную сама хожу.

— Никого у тебя нет?

— Нет.

— Значит, ты— сиротка?

— Нет, я Мотя.

Пришла мама. Я говорю:

— Ты знаешь, эту девочку зовут Мотя. У нее нет ни папы, ни мамы.

— Да,— говорит девочка Мотя.— И тети Ляли нет. И Синдбада нет.

— А где же твоя мама?

— Она в магазин пошла. И папа тоже ушел.

Это уже не первый случай, когда таким неожиданным образом завершается трагедия одинокой девочки.

12.12.59.

Повесив трубку, я говорю Маше:

— Просят меня для детей рассказ написать.

— Напиши.

— О чем бы написать, как ты думаешь? О Белочке и Тамарочке, что ли?

— Напиши, знаешь, как они белье стирали.

— Об этом я уже писал. Что же я— второй раз буду писать?

— Тогда напиши знаешь о чем? Напиши о “Бемби”. У меня есть книжка “Бемби” и есть “Утенок Тим”. Напиши о них.

* * *

Указательный палец называет показательный.

И объясняет почему: ведь им показывают. И говорят: “Не показывай пальцем”.

* * *

Пришла ко мне, посмотрела на полку, где еще накануне лежал пакет с бульдожьей маской, радостно засмеялась:

— Павлику послали Синдбада! Я теперь не боюсь сюда ходить.

14.12.59.

Читал ей вечером: Чуковского, Чарушина, Е.Ильину[10], Одоевского[11]— “Мороз Иванович”. Самое, казалось бы, интересное— сказку про прилежницу и ленивицу— слушала невнимательно и даже не дослушала. Зато с восторгом, разинув рот, выслушала стихи Ильиной— о девочке, которая учится ходить. Стихи пришлись, что называется, в самый раз.

* * *

Огорчает нас (особенно меня) скверная привычка, которая, кажется, уже овладела Машкой: кусает ногти.

Я знаю, что это такое: сам чуть ли не до тридцати лет не мог отучить себя от этой пагубной страсти. Да, это— страсть, почти наркомания!

Не странно ли, что такие вещи передаются по наследству?

По-видимому, это свойственно определенному темпераменту (до сих пор, до 72 лет, грызет ногти С.Я.). Так же как алкоголизм — не сам же по себе передается!

Как бы то ни было, надо отучать Машку от этой гадости. И чем раньше, тем лучше. Не отучишь в три года— и в пятнадцать будет ходить с обкусанными ногтями.

15.12.59.

Гуляла с бабушкой. Перед тем как укладываться спать, мама принесла ее ко мне. Ах, какая она была славненькая: румяная, ясноглазая, переполненная радостью жизни.

— Там подвале баба Яга живет!— сообщила она мне.

— Под какой Валей?

— Подвале!

Предлогами она, по своей грузинской манере, до сих пор пользуется не часто.

— Под Валей? Может быть, под Люсей?

— Да нет. Под-ва-ле!!!

— Ах, в подвале?

— Да, да, подвале!

* * *

— Ты с кем гуляла?

— Куда?

— Не куда, а с кем. С бабушкой, с мамой или с папой?

— С каком папой?

— Что значит “с каком”? “С каким” надо говорить.

— С каким папой? С твоём?

И эти своеобразные “диалектизмы” сочетаются с самыми изысканными “интеллигентскими” оборотами:

— Я спать не хочу, во-первых...

* * *

— Ну, довольно,— сказал я.— Иди спатеньки.

— Нет, нет! Лежатеньки!

Спать днем не любит. Предпочитает лежать.

* * *

Зашел сегодня в столовую, где Машка в одиночестве играла— переставляла что-то на своей кухне.

— Ты знаешь?— объявила она мне.— Тамара у меня ногти кусает.

— Да что ты говоришь? Какая дрянная девчонка!

Усмехнулась.

— Она потому кусает, что у нее подарочков нет.

16.12.59.

Вечером пришла ко мне:

— Алеша, ты обещал музыку и кино показать.

Время было позднее, кино мы отменили. А музыку (“Рондо каприччиозо” Сен-Санса) слушали. Поначалу слушала как будто с удовольствием, но быстро утомилась.

18.12.59.

— Ты что, Маша, спишь?— спрашивает мама.

— Нет.

— А что ты делаешь?

— Я думаю.

— О чем же ты думаешь?

— Я все хочу сказку тебе придумать.

* * *

На днях лежали с нею с грелками на животах. Машка уверяла, что у нее болит живот.

Потом говорит:

— А тете Маше как больно было!

Я даже вздрогнул. Что такое? Откуда она знает?

Но тут Машка застонала, закряхтела:

— Охтеньки! Ох, не могу! Ох, как больно!

И я понял: она слышала, как стонала и охала тетя Маша, и вот— запомнила и представляет тетю Машу.

Талантливо? Да, очень. Но говорят, что в этом возрасте так талантливы все дети.

19.12.59.

У меня в комнате стоит новая, очень красивая, алюминиевая лестница-стремянка. Она высокая— в семь ступенек. Машка влезает на лестницу, и каждая ступенька у нас— этаж.

— Это,— я говорю,— второй этаж. Это под нами. А здесь— третий этаж. Здесь мы живем. И здесь рядом Олечка Розен живет. А здесь четвертый этаж. Здесь Алеша Григорьев.

Машке эта игра очень нравится. Спрашивает все время:

— Где Алеша? Где Оля? Алеша над нами? А тетя Нюра тоже над нами?

— Она под нами, а Алеша над нами.

— А где... знаешь... Леночка Журба живет? Не под нами она живет?

— Нет. Она над нами.

— Высоко?

* * *

Объяснил ей, что такое имя и что такое фамилия. Не очень-то поняла, конечно.

Играем в доктора.

— Как вас зовут?

— Оля.

— А фамилия?

— Фамилия? Финуля.

Или:

— Кули-бали.

* * *

Очень ей понравилась фамилия Журба. Леночку она давно знает, но что она “Леночка Журба”— для Машки открытие.

Весь вечер:

— Журба! Журба! Леночка Журба!..

20.12.59.

Все утро помогает матери убирать квартиру. Правда, в ту же тряпку, которой вытирает с туалета пыль, пытается и сморкаться. Но все-таки.

Спрашиваю у нее:

— Ты что делаешь?

— Помогаю.

— Кому помогаешь?

— По-мо-га-ю!!!

Помогать для нее— это работать.

* * *

Скрывать что-нибудь, лгать она не умеет (или почти не умеет). Всегда (почти всегда) признается в содеянном. Очень хотим, чтобы правдивость эта не была утрачена. Всячески поощряем ее, когда она говорит правду, не наказываем, если она сама пришла и сказала. Но и тут нельзя перегибать палку. Все зависит от размеров проступка, от степени вины и злой воли. За нечаянно никогда наказывать нельзя— можно пожурить, посердиться, посетовать, но не наказывать.

23.12.59.

Мама и бабушка с утра отправились “в город”. Я ночью работал, проснулся в первом часу, думал, что и Машки нет дома. Так тихо было в квартире.

Оказывается, дома, с тетей Минзамал.

Зашел в столовую. Вскочила, обрадовалась.

— Алешенька! На! На, подержи, пожалуйста!— и протягивает мне красный флажок. Отдать насовсем флажок— жалко, но, чтобы задержать меня хотя бы на несколько минут, дает подержать мне это сокровище.

25.12.59.

Бабушка и мама говорят, что Машка исключительно хорошо вела себя все утро. Объясняется это тем, что папа оставил ей с вечера записку такого содержания:

“Тук-тук-тук. Маша, превращаю тебя в очень хорошую девочку”.

Надо было видеть, как чинно сидела она за столом.

* * *

Играем. Маша— тетя Оля, она же— Ольга Крокодиловна. Я— девочка Люся, любимый Машкин персонаж. Тетя Оля идет в магазин, чтобы купить что-нибудь для больной Люси. Возвращается, кричит:

— Ой, в магазине дома никого нет.

* * *

...Не может очистить банан.

— Папа, открой банан!

26.12.59.

...С удовольствием пьет рыбий жир! Странно.

Унаследовать даже такой редкий дар. Неужто это у нас от наших архангелогородских предков, трескоедов?!!

27.12.59.

Гуляла часа полтора с бабушкой.

Спрашиваю:

— Где была, что делала?

— В садике была. Деда Мороза не видела. И подрлуг моих не

было.

— А у тебя сколько подруг?

— У меня много подрлуг.

Желаемое выдает за сущее.

* * *

Ее единственность, то, что она одна у нас, и то, что у нее нет подруг, сказывается на ее играх. Если она не играет с нами (со мной или с бабушкой, главным образом), она играет одна, выступая сразу в нескольких ролях. Говорит при этом на разные голоса:

— Ваши дети дома?

Басом:

— Нет, их нету. Они в лес ушли. Вот они идут! “Кокоша, ты где был? И Тотоша!.. Где вы были?”

И тоненьким голоском:

— Мы в лес ходили. Глибы собиляли.

Подруги (или хотя бы подруга) ей нужны до зарезу.

28.12.59.

Расковыряла из озорства покрывало на маминой тахте. Сначала тянула ниточку, а потом и пальцем стала помогать. Мама увидела и в ужас пришла. Стала на Машу сердиться и говорить, что она не любит и любить не хочет таких девочек, которые дырки на покрывалах делают.

Машка слушала, слушала и заплакала. Потом сквозь слезы говорит:

— Когда я большая буду, я всё тебе заштопаю...

* * *

Мама и бабушка пекут к Новому году всякую сдобу. Дали и Машке теста, она слепила крохотные булочки и крендельки и уложила их на свои игрушечные листы (из кукольной плиты). Мама поставила эти листы в настоящую духовку— и вот в руках у счастливой Машки настоящие крохотные булочки! Бежит ко мне, хочет угостить. Я обедал, сказал, что сейчас не хочу, после. А когда Машка вышла зачем-то из комнаты, я пошутил: спрятал все булочки, кроме одной, самой большой, под кусок хлеба.

Машка приходит:

— Ах! Где мои булочки?

— А я съел их. Вкусные!..

Лицо исказилось от ужаса. Брызнули слезы. И— главное— рука судорожно вцепилась в мою грудь и трясет, трясет меня.

Я вскочил, накричал на нее, выставил в коридор.

А ведь она была так хорошо настроена, готовилась играть со мной, хотела кормить меня булочками!..

Эх, папа, папа! Далеко ли ты ушел от своей Машки?..

* * *

Еще вчера вечером, обнимая нас с мамой, она сказала:

— Давайте, друзья, жить дружно!

Да, так и сказала, обезьянка!

30.12.59.

Утром мама принесла ее ко мне.

Голос у Машки хриплый, как у пропойцы или у старого курильщика.

— Доброе утро! Доброе утро!— захрипела она.

Ответив на ее приветствие,— я почему-то (совесть нечиста, что ли?) напомнил ей о вчерашнем:

— Жадина ты! Маленькую булочку для папы пожалела!..

— А помнишь,— говорит,— я еще в Разливе конфету тебе не дала. Тете Минзамал тоже не дала, а потом дала.

Что-то было такое, когда я стыдил ее и называл жадиной. Значит, она обернула все в мою пользу. Считает, что наказали ее справедливо— за жадность, за то, что булочек пожалела!..

31.12.59.

Вчера мы с Машей гуляли! Да, наконец-то и я вырвался из четырех стен.

Гуляли недолго, не больше часа. Кормили голубей на улице Мира, заходили в электротехнический магазин, в Дивенском садике катались на санках с Леночкой и Сашей Журба и с их мамой.

На улице все время находили елочные ветки— маленькие и совсем крохотные. Набрали очень много. Дома я устроил из них кукольную елочку. И сделал игрушки, снег из ваты, звезду из серебряной бумаги. Даже свечку зажгли.

Вечером хотели Машу купать, но у нее поднялась температура, и я предложил купанье отложить до будущего года.

Машка огорчилась.

— Ну, мамочка, ну, милая, хорошая, ну хоть одну ножку вымой!..

А давно ли она поднимала рев, стоило лишь слово “ванна” в ее присутствии произнести?!

1.1.60.

Вчера я умывался в ванной. В ванне лежала принесенная со двора елка. Следом за мной сунулась Машка. Надо было видеть ее лицо.

— Ах! Это что такое? Что? Что это? Елка?!!

Я стал выпроваживать ее:

— Иди! Иди! Что ты! Нельзя! Там Дед Мороз лежит.

Нервы у нее весь вечер были напряжены. Я не помню, чтобы в моем детстве Дед Мороз играл такую роль, чтобы я так свято

верил в его всамделишность...

Купила мама, как всегда, кроме большой и совсем крохотную — сантиметров на двадцать пять— елочку. Эту малютку она с вечера украсила игрушками и спрятала на окне за шторой. Но Машка тотчас же заметила:

— Что там такое? Почему так выпирает?

А утром... Утром увидела маленькую елочку и затрепетала:

— Я знала! Я знала, что елка будет! Ее Дед Мороз в ванне мыл. Мне Алешенька сказал.

Но впереди была еще столовая и там— большая, до потолка елка!

Позже Машка говорила мне:

— Алеша, ты посмотри! Ты видишь? Ах, какое хорошее утро!

Да, именно эти, как будто выдуманные, недетские слова были ею сказаны:

— Ах, какое хорошее утро!..

* * *

Часто употребляет слово “крепко”, которое заменяет у нее и “сильно”, и “громко”, и “тяжело”.

Сегодня играли. Она говорит:

— Кричит крепко собака.

* * *

Говорит мне:

— На, неси папе своему.

Откуда это?

Вряд ли слышала. А ведь есть такая диалектная форма.

3.1.60.

Вчера были у Маши гости. Ждала она их с трепетом, выглядывала в коридор, прислушивалась к шагам на лестнице, кусала ногти...

Первой пришла армяночка Каринэ.

Затем появилась обожаемая Машкой Леночка Журба с младшим братом. Затем во главе двух бабушек (Екатерины Васильевны и Зинаиды Васильевны) явились молодые (и довольно-таки шумные) Филиппенки— Аленка и Андрюша.

И наконец вкатилась колобком Оленька Розен, очень милая, румяная, нарядная, с двумя белыми бантами в косичках.

Конечно, было очень весело— и детям и взрослым. Мне-то, во всяком случае, было очень хорошо.

Играли, возились, зажигали свечи на елке, кружили хоровод, пили чай с пирогами, конфетами, чуртчхелой и другими восточными и европейскими лакомствами.

Большие девочки пели.

Пела маленькая Оля Розен.

И вдруг выскакивает Машка:

— Я тоже буду петь.

И, повернувшись ко мне:

— Что петь?

— “Средь шумного бала”,— говорю я, зная, что петь она не умеет.

Машка не поет, а декламирует, читает нараспев какой-то монолог-импровизацию, иногда в рифму, иногда без рифмы. Читает развязно, почти в экстазе. Никого не видит, не слышит, не смущается ни взрослых, ни детей... И— без конца.

Наступает минута, когда мне приходится осторожно взять ее за руку и вывести в соседнюю комнату:

— Успокойся. Довольно.

* * *

Не обошлось и тут, конечно, без огорчений.

Растущая в одиночестве Машка еще не знает основного закона коллектива (то есть хорошего коллектива): что мое— то и твое.

Каринэ берет куклу. Машка бежит из другого угла комнаты:

— Дай! Это моя кукла!

Пытаюсь полушутя объяснить ей, что это негостеприимно. Но через минуту то же самое:

— Дай мячик!

— Маша! Маша! Разве можно так?!

— Дай мячик! Это мой мячик.

Опять беру за руку, увожу к себе.

— Как это нехорошо, Маша! Разве ты можешь представить, что мама или я, когда наш гость потянется за яблоком, хлопнем его по руке и скажем: “Оставьте! Не берите! Это наши яблоки!” Гостей надо угощать, все им давать и радоваться, когда они едят или берут у тебя что-нибудь.

— А я не буду.

Стоит бычком, смотрит исподлобья, глазенки нехорошо сверкают.

Я рассердился, расшумелся, накричал на нее. Она заревела.

Распахнулась дверь— на пороге все Машкины гости. Испуганные мордочки, вытаращенные глазенки.

Самое интересное, что Каринэ, из-за которой весь сыр-бор загорелся, первая вступилась за Машу, кинулась ко мне чуть ли не с кулаками:

— Ты что тут делаешь с ней?

Стали всем колхозом утешать Машку. Оленька Розен своими толстыми ручками вытирала слезы у нее на лице. Каринэ работала тут же грязным носовым платком. Позже, когда мы

дружно играли с ней, эта Каринэ мне сказала:

— Я тебя сначала испугалась и даже рассердилась.

Эта Каринэ на четыре месяце старше Машки, то есть ей уже почти четыре года.

4.1.60.

Ходили гулять. У Сытного рынка кормили сухарями очень славную рыжую лошадку.

Покормив лошадь, обнаружили, что потеряли Машину маленькую метелку. Пошли искать по тем местам, где только что гуляли. Метелки не было.

Маша стала уже беспокоиться. До этого она была уверена, что папа найдет метелку. Если сказал,— значит, найдет. И вдруг— нет.

— Где метелка? Давай будем искать!

— Нет, Маша. Теперь уж не найдешь. Наверно, кто-нибудь поднял нашу метелку.

— Давай попросим у него нашу метелку.

— У кого?

— У кого-нибудь.

Подумав, я отверг и этот способ.

* * *

Шутим.

— Маша,— говорю,— зайди потом ко мне, я тебя выпорю.

— Хорошенькое дело,— смеется мама.— “Зайди, я тебя выпорю!”

— Нет,— говорит Машка.— Не хорошенькое дело.

* * *

Весь день вчера икала.

— Ты что икаешь?

— Я не икаю. Это называется отрыжка.

— Ах, вот как? Да? Отрыжка?— говорю я с таким видом, как будто сию минуту буду ставить ей клизму или делать уколы.

— Нет!— кричит она.— Икаю, икаю, икаю!..

* * *

Опять кусает ногти. Как я заметил,— с Нового года. Вероятно, воздержание ее до Нового года объяснялось тем, что боялась Деда Мороза: не принесет подарков. А тут, когда подарки получены, можно вернуться к этому увлекательному занятию...

Надо бороться с этой пагубной страстью. Но как? Вот на какие вещи приходится тратить время и силы! А надо. Говорю это с убеждением, так как хорошо помню свои обкусанные ногти.

* * *

После елки была какая-то не похожая на себя. И опять я уловил чужие интонации. И опять угадал: Леночка Журба.

Девочкам это в очень большой мере свойственно: подражать подругам, старшим по возрасту. Та же Леночка тоже кому-нибудь подражает, вероятно. А та, кому она подражает, подражает, в свою очередь, еще кому-нибудь...

Вот и получается, что человек действительно произошел от обезьяны.

7.1.60.

Мама занята, готовится к отъезду: 11-го мы с ней должны быть в Малеевке, в санатории.

Мама испытывает Машку, спрашивает: будет ли она скучать без нас?

Машка не понимает— да, до сих пор не понимает,— что такое месяц и что такое разлука на месяц. Ее интересует, привезем ли мы ей из “Малевки” подарки.

— Скучать обо мне будешь?— спрашивает мама.

— Буду.

— А о папе?

Подумала и сказала:

— Буду скучать вместе.

9.1.60.

Мама сказала, что мы будем жить в лесу. Дом творчества, куда мы едем, действительно стоит в лесу. А в лесу, как известно, — волки.

Машка этим очень встревожена. Дает мне совет:

— Вы домик постройте. И спрячьтесь. И заключите себя.

* * *

Ходит по комнате, ищет что-то, держится за щеку.

— Ты что держишься за щеку? У тебя что— зуб болит?

— Да.

— Покажи.

— Нет, нет, не болит!

— А почему же ты за это место держишься?

— Я просто огорчаюсь, что ваты нет.

(Вата нужна для игры.)

* * *

Собираемся в путь. Машка понимает, что мы уезжаем, но как-то не прочувствовала этого. А нам очень хочется, чтобы прочувствовала. Мама ее разжигает:

— Скучать будешь? Проснешься ночью: “Мама!” А мамы и нет.

Я маму осуждаю, а сам тоже интересуюсь: будет ли дочка скучать без нас? И даже, по совести говоря, хочу, чтобы скучала.

3 ГОДА 6 МЕСЯЦЕВ

8.2.60.

Вчера папа с мамой вернулись из своей Малеевки. Целый долгий месяц скучали без Машки. Звонить по телефону было трудно. Но почти ежедневно получали письма от бабушки и от тетя Ляли. Писали нам, что Маша здорова, ведет себя хорошо и о папе с мамой не вспоминает. Думали нас, вероятно, этим порадовать, успокоить.

Встретила нас Машка молча, стояла в конце коридора (ближе, к входной двери, бабушка подходить не разрешила). Была радостно смущена. Выросла, побледнела, огрубела как-то. Говорит хриплым голосом и с заметным восточным акцентом. Весь день и вечер был с нею.

Москвичи прислали Машке много книг— Вера Васильевна Смирнова, К.И.Чуковский, С.Я.Маршак... Разглядывали эти книжки. Машка читала на память стихи, которым ее научила бабушка.

С бабушкой Машка за этот месяц подружилась, полюбила ее. А бабушка стала с ней построже, потребовательнее...

9.2.60.

Вечером в день нашего приезда ее уложили спать. Она долго не засыпает, вертится, поднимает над подушкой голову.

— Мама где? Мама скоро?

— Спи, спи,— говорит бабушка.— Мама скоро придет.

Опять поднимает голову.

— Ты что там?— спрашивает бабушка.

— Я просто хочу посмотреть, как она ляжет.

Соскучилась по маме. И боится, как бы опять мы не уехали в свою противную Малеевку.

10.2.60.

Вторую половину дня вчера провела у меня и со мной: бабушка и мама ездили в Кировский театр, смотрели какие-то хореографические миниатюры.

Машка этим заинтересовалась. Все спрашивает: как танцуют балерины? Мама и я пробовали показывать. Маша пробовала нам подражать. Что получилось— можно себе представить.

* * *

Читает маршаковскую “Сказку о глупом мышонке”. Грустный конец, как всегда, ее не устраивает. Вместо:

...Ищет глупого мышонка,

А мышонка не видать -

она всякий раз скороговоркой, с победоносным видом читает:

А мышонок ушел гулять!..

11.2.60.

Только теперь, осмотревшись, замечаю, что Машка за месяц очень изменилась. Имею в виду не только ее развитие, а и то, что она стала гораздо спокойнее, дисциплинированнее. Капризов, хныканья, упрямства почти не замечаем.

А боялись, что бабушка избалует девочку! И сама бабушка, по ее словам, этого боялась.

В чем же дело? Думаю, что очень много значит ровная, спокойная атмосфера. И еще одно: единоначалие.

14.2.60.

Днем вчера не спала. Ждала вечера, когда я обещал ей "сшить маленькую тетрадочку и научить читать и писать буквы".

Очень ждала. Но урок этот не состоялся: папе некогда было.

Насчет букв и учения я, конечно, не серьезно. Пока только аппетит надо у девчонки разбудить. А учиться читать— рано.

Впрочем, мне, кажется, было как раз четыре года, когда я пришел к отцу, подал ему медную трехкопеечную монетку и сказал:

— Папаша, купите мне буквы...

Но об этом я писал в своей автобиографической повести. И не обо мне сейчас речь.

* * *

Вчера на кухне:

— Бабушка, смотри— чашки в очереди стоят!..

Чайные чашки действительно стояли на столе гуськом.

16.2.60.

...Засыпалось Маше плохо. Настроение было самое паршивое: бабушка, мама и папа ушли в цирк и оставили ее на попечение тети Минзамал.

Папе, сказать по правде, стыдно было сидеть в цирке. Понимаю, что Машка еще мала, чтобы смотреть всю программу: поздно, да и не осилить трехчасового представления трехлетнему ребенку! И все-таки стыдно. Тем более что кое-что Машка могла бы с интересом и пользой или себя посмотреть. Например— львы на лошадях! Или манипуляторы. Женщина на глазах у публики— и незаметно для публики— трижды меняла платье: черное, белое, красное... А клоуны! А воздушные гимнасты!

Впрочем, все было бы Маше интересно. Только слишком много всего.

* * *

Бабушка ходит грустная, плачет. И мы тоже горюем. Одна только Машка ничего не понимает. Да ей горевать и некогда. День у нее насыщен— заботами, открытиями, радостями и

волнениями минуты. А кроме того— всегда у нее впереди хорошее! Да, уезжает бабушка, но зато папа обещал сделать бусы из зеленой и лиловой конфетной бумаги. Обещал почитать смирновских “Девочек”. Обещал позвать, когда будет устанавливать книги...

Провожали бабушку мама, тетя Ляля и папа.

Утром Машка пришла меня будить и сразу же объявила, как о главной сенсации:

— Ты знаешь? Бабушка уехала!!!

* * *

Завтра Машкин отец собирается в Москву. На несколько дней. Машка просит, чтобы он взял ее с собой. Было такое искушение— взять обеих малюток своих, но— еду по делу, надо работать, готовиться к выступлению.

20.2.60.

Сегодня вернулся из Москвы.

Разглядывали с ней книгу, которую подарил папе дядя Ваня Халтурин.

Картина Писсарро[12]— “Музыка в Тюильри”, кажется.

Машка разглядывает людей, детей и прочих и спрашивает:

— А где они находятся?

Откуда, когда, как заскочило в ее словарь это “находятся”?

* * *

И наряду с этим масса неправильностей.

— Олечкина мама разговаривает с моёй мамой.

— Я это для моих куклов готовлю. Etc.

* * *

Были вчера втроем у тети Ляли.

Ехали на такси. Маша взглянула на шофера и, подарив его доверием, сообщила:

— Едем к тете Ляле.

— К тете Ляле? Очень хорошо! А это у тебя кто?

— Это— новая Люся.

— А где же старая Люся?

— Старая голову сломала.

* * *

Часто, когда ест что-нибудь сладкое:

— Мне вкусно как!..

А сегодня новое.

Рассказывает о пожаре, который видела осенью в Разливе:

— Мне красиво как было!

21.2.60.

Ждет, когда я покажу привезенный из Москвы диафильм “Большая стирка”. Сегодня мама напомнила ей сюжет: девочки

скатертью пол мыли, а потом мама научила их стирать по-настоящему.

Машка. А если я скатертью пол вытру, ты меня научишь по-настоящему белье стирать?

* * *

Я привез маме из Москвы какую-то кунжутную халву. Машка сидит за своим столиком, ест это странное лакомство и говорит:

— Папа, понюхай.

— Что? Зачем я буду нюхать?

— Что-то Зоопарком пахнет.

Понюхал— и верно: так пахнет в вольерах, где обитают павлины, фазаны и прочие. Может быть, этих птиц подкармливают кунжутным семечком?

8.3.60.

По случаю Женского дня получила от меня куклу “Андрюша в пальто” (так печатными буквами обозначено в графе “наименование изделия” на ярлыке, пришитом к этому самому Андрюшиному пальто).

Вообще-то я купил этого Андрюшу с намерением приберечь его к 4 августа, но имел глупость раньше времени рассказать о нем Маше, и она днем и ночью грезила этой необыкновенной куклой. И вот в довершение к платью, шарам, флажкам и прочим женским подаркам она получила этого парня в кепке, в клетчатом пальто и в огромных коричневых бутсах. Как всегда, когда долго и страстно ждешь чего-нибудь, достижению цели сопутствует некоторое разочарование. Радуется, но— со многими “но”. Почему не сидит, почему глаза не закрываются, почему волос на голове нет, почему не стоит?!

10.3.60.

Пришла будить меня. Я хорошо вижу ее, а она, попав из светлой комнаты в затемненную, еле пробирается к моей постели.

— Папа! Доброе утро! Доброе утро! Вставай! Папа! Вставай!

Рассказала мне:

— Я во сне видела, что мы с бабушкой купались.

— Где вы купались?

— В море. Мы плавали с бабушкой. А тебя не было. Ты, наверно, дома остался. А ты тоже этот сон видел?

* * *

Минзамал в присутствии Маши рассказывала о мальчике Вене, которому она принесла в интернат гостинец. Там вечером не позволяют сладкое есть, так он потихоньку съел яблоко и две конфеты...

И тут Машка не удержалась, чтобы не вставить свое швейковское “я тоже”.

— Я тоже один раз без спросу конфету взяла.

— Что ты выдумываешь! Когда это было?

— Когда вы кошку лечили. Доктор у нее был. Клизму ей ставили.

Действительно— было такое. Был ветеринар. Ставил коту клизму. Было это месяца четыре назад.

— Я пришла, дверь закрыла, чтобы вы не услышали, и взяла из шкафика одну конфету...

— А почему же ты потихоньку?

— А потому, что вы не разрешаете. Вы бы рассердились, если бы увидели...

Было время— и еще совсем недавно,— когда Машка пользовалась у нас полным доверием и конфеты были в ее полном и бесконтрольном распоряжении. И никогда она не брала лишнего.

Когда же это стали запрещать и прятать и— почему?

Вот вам, пожалуйста, живой пример! Что делают подозрительность и недоверие!..

* * *

Про меня вчера сказала:

— Вот он какой хитричек!

Про маму сказала:

— Хитричка!

А сегодня сама что-то схитрила, мама говорит ей:

— Папа хитричек, я хитричка, а ты кто?

— Я— хитрюшонок.

* * *

Завтра уезжаю в Комарово— работать.

Из записок мамы

...Вчера подошла ко мне и говорит:

— Мама, ты лучше не смотри... Я нехорошую вещь придумала.

— Какую ты вещь придумала?

— Тихонько ногти грызу.

...Днем я уходила в булочную, прихожу— Маша сидит в кровати, но на полу: дно кровати провалилось. Это она в мое отсутствие так раскачала кровать, что та сломалась. Или, вернее всего, кровать рассохлась. Пришлось ее собирать.

Я спросила у Маши, зачем она так сделала.

— Мне нравится красная кроватка; купи мне, пожалуйста, красную.

Я рассердилась: не люблю, когда она говорит “купи”. Объяснять ей, что такое деньги и как они даются, еще рано, пожалуй. Но все-таки мы внушаем ей, что нужно

довольствоваться тем, что есть, и что если кровать испортилась, можно ее починить, а не покупать новую. Но у Маши с утра температура— и настроение от этого плохое. Хочется капризничать. Стала просить:

— Купи красную!

Я сказала, что если она сейчас же не прекратит свой хнык, я уложу ее в кухне на подстилке, где спит кот. Эти слова на нее так подействовали, что она стала горько рыдать. И так разнервничалась, что лоб у нее покрылся красными пятнами. И я пожалела, что сказала про кота и про подстилку.

23.3.60.

Почти целый день провели вместе, сидели на тахте, я штопала папины носки, а Маша порола старые варежки и шерстяную шапочку и наматывала нитки на клубок. Мама ее научила, раньше она этого не умела. Научилась быстро и работала с удовольствием. Быстро-быстро перебирала клубок своими крохотными пальчиками.

Вдруг я вижу— она что-то надулась, настроение у нее испортилось.

— Что с тобой, Маша? Что случилось?

— Где шапка?— спрашивает она меня.

— Ты же ее размотала.

— Я так не хочу! Так мне не нравится.

И— в слезы.

Очень она не любит, когда что-нибудь портится, ломается, теряется... Ей очень жалко было, что вот была какая ни на есть шапка, рваная и драная, но все-таки шапка, и вдруг ее в одно мгновение не стало. Пришлось объяснить ей, что из этих ниток мама свяжет что-нибудь другое: варежки, носки или новую шапочку. Она успокоилась немного, но желание крутить и наматывать нитки у нее пропало.

Я работала, а она стала рассказывать мне сказку:

— Жил-был Андрюша в пальто. И вот он захотел что-то написать, взял без спросу чернила и вдруг пролил чернила на скатерть. “Дзинь-дзинь!” Входит Чиполлино. “Ну, что ты такое сделал, Андрюша в пальто? Мама же твоя рассердится. Давай я сейчас постираю скатерть”. Принес газик и воду, и они вместе стирали белье...

— Маша, по-моему, этот рассказ все-таки папа написал.

— Нет, папа написал про Белочку и Тамарочку, а я— про Чиполлино и про Андрюшу в пальто.

26.3.60.

Помогала тете Минзамал убирать квартиру.

Потом мы вместе ремонтировали книжки, подклеивали

оборванные уголки, приводили в порядок переплеты. Машка занималась этим с удовольствием. Я дала ей кисточку, и она самостоятельно привела в порядок книжку Прокофьева “Шел кот-скороход”.

Вечером мы были одни. Папа два раза звонил из Комарова. Скучно ему, бедному. Нас двое, а он— один.

Вечером, когда я раздевала Машу и мерила ей температуру, я спросила, хочет ли она на горшок.

— Раньше хотела, а сейчас не хочу,— сказала она и добавила: — Как Настенька.

Я не сразу сообразила:

— Какая Настенька?

— Настенька говорила: “Раньше я хотела суп, а сейчас не хочу...”

Тут я вспомнила, что у папы есть такой рассказик— про капризную девочку, печатался в “Огоньке”, кажется. Рассказ для взрослых.

— И молнии не было,— сказала Маша.

Это тоже оттуда. Там кто-то говорил: “Я ждал грома и молнии, но молнии не последовало...”

Как она все впитывает! Ведь ей никто не читал этот рассказ, читали при ней.

Это и радует и огорчает. Огорчает потому, что мы то и дело забываем всякую осторожность и говорим при ней все что придется.

И еще раз вспоминаю Макаренко: “Если хотите воспитывать, воспитайте прежде всего себя!”

27.3.60.

Вечером, когда мерили температуру, сидела у меня на коленях и рассказывала сказку собственного сочинения:

— Жил-был маленький утенок, у него были мама-утка, папа-утка, бабушка-утка, тетя Ляля-утка, а Синдбад остался собакой, и Кузьма тоже остался кошкой. Папа-утка работал, мама-утка ходила в магазин; бабушка-утка приехала из Тбилиси, а тетя Ляля-утка жила на улице Восстания. Тетя Ляля с улицы Восстания пришла с Синдбадом, а утенок испугался и спрятался под ванну. Потом он утонул в ванне. Там было много воды.

— Ой, Маша, а тебе не жалко, что утенок утонул?

— Жалко...

Потом подумала и говорит:

— Но ты знаешь, это ведь было во сне!

Неплохо выкручивается наша писательница!..

30.3.60.

Перед сном показала мне свои руки.

— Мама, посмотри мои пальчики. Как колбаски, можно кожицу снять. Какие страшные.

Действительно, на нескольких пальцах сходит кожица. Авитаминоз или диатез?

— Ну,— говорю,— Маша, это что! Вот когда тебе было всего дней семь, мне тебя показали— у тебя по всему телу кожица сходила. А потом— ничего, все прошло. Кожица что пустяки, что не страшно. А вот грызть ногти— это страшно, это ужасно.

Подумала и говорит:

— Когда тихо грызу, тогда не страшно.

— Почему?

— Потому что ты не видишь.

* * *

Завтра еду с папой в Зеленогорск— смотреть дачу.

Узнав об этом, Машка очень расстроилась, но оживилась и обрадовалась, когда я сказала, что обратно, может быть, приеду с папой.

За ужином несколько раз повторяла:

— Хочу папу. Хочу папу.

Пишет папа

3.4.60. Ленинград.

Уже четвертый день я здесь, в Машкином распоряжении. И останусь на завтра, так как расхворалась после очередной поездки в Зеленогорск наша мамочка.

* * *

Вчера и сегодня я гулял с Машей. Погода отличная— солнечная, ясная, весенняя. Правда, за Машкой надо смотреть в оба— чтобы в лужу не угодила.

Вчера и сегодня были на Сытном рынке. Там— под открытым небом— идет какая-то очень аппетитная торговля: метлами, вербами, матрешками, деревянными крашеными яйцами и прочей кустарной стариной.

Я купил Маше пучок вербы, лопатку и метелку, двух игрушечных маленьких цыплят и прочее. И все это на рубль с копейками.

Вчера и сегодня часа по полтора сидели в парке Ленина у театра Ленинского комсомола.

Дома Машка тоже ни на минуту не отставала от меня.

— Хочу к папе! Папа, к тебе можно? Ляботаешь? Я тебе не буду мешать...

Конечно, мешает. Но я не могу выгнать ее. Мне самому становится невесело, как только закрывается за нею дверь...

* * *

Вчера мама читала ей книжку Сладкова про воробья, гнездо

которого разорил злодей маляр. Машка расплакалась.

Спрашиваю:

— Ты чего плачешь?

— Пти-и-ичек жалко!..

— Каких птичек?

— Которые в книжке.

* * *

Купил ей сегодня леденцовых петушков на палочке. Вижу, не ест, не сосет.

— Ты что?

— Другие дети едят петушков, а мне жалко.

Объяснил ей, что этот петушок понарошный, что ему не больно.

Вздохнула и стала потихоньку сосать.

Пишет мама

Вчера, еще при папе, у нас был гомеопат. Перед отъездом папа смазал Манюсе горлышко календулой. А сегодня с утра я стала давать ей гомеопатические шарики. Маша их принимает с удовольствием, называет “маленькие атаминчики, детики”.

Гораздо труднее смазывать горло календулой. Я попробовала: отвратительная, ядовитая, обжигающая жидкость. А надо кисточкой проникнуть в самую глубину гортани и там все основательно смазать.

* * *

После того как уехал папа, Маша все утро ныла:

— Ой, скучно мне!..

А сегодня, когда я смазывала ей горло календулой, она отбивалась руками и ногами и кричала:

— Кисло мне!..

7.4.60. Зеленогорск.

Чтобы быть поближе к нам и чтобы Маша дышала воздухом, папа снял для нас комнату в зеленогорской гостинице “Ривьера”.

Ехали мы сюда на машине Союза писателей.

Машка всю дорогу сидела у меня на коленях и смотрела на дорогу. И все время волновалась и спрашивала, где ее чемоданчик.

Я говорила с шофером Василием Ильичом и просила Машу не мешать нам.

Она долго молчала, смотрела на дорогу. Но где-то между Лахтой и Лисьим Носом вдруг заволновалась, заерзала. Вижу— хочет что-то спросить. И правда:

— Простите, я вас перебью... Вы не знаете, куда улетели вороны?

8.4.60.

Легли вчера очень поздно, но Маша проснулась в 7.30 и заснуть уже не могла. Приближаются белые ночи, рано светает, а спать при свете она не умеет. Свет действует на нее раздражающе, как щекотка: стоит выйти на солнце— и она сразу же чихает.

Я включила репродуктор, и Маша самостоятельно и с большой охотой проделала все упражнения.

* * *

Перед завтраком долго смотрела в саду на летающих птичек. Пыталась узнать, которые из них папы, которые мамы.

— Вижу! Вижу! Папа летит! Усы вижу.

Папа без усов для нее не папа.

* * *

Вечером, уложив Машу, я спустилась вниз расплатиться за номер. Маша в это время проснулась, испугалась и стала кричать и звать меня. Сосед проходил мимо, услышал плач, приоткрыл дверь и спросил:

— Мальчик, ты что плачешь?

Продолжая реветь, она ответила:

— Да, я плачу, но я девочка.

В эту минуту появилась я. Голос у Машки сегодня хриплый, не трудно было принять ее за мальчика.

10.4.60.

Очень много значит для нее пример родительский, а еще больше пример других детей. Например, она обожает (и уважает) Леночку Журба. Стоит сказать: “А Леночка Журба так не делает”— как Маша одергивает себя. Стоило мне сказать, будто Леночка Журба сказала своей бабушке, что Маша не умеет одеваться, как Маша быстро хватает одежку и начинает одеваться.

12.4.60.

Искали дачу. На Хвойной улице нашли одну совсем для нас не подходящую, но Маше дача понравилась. Почему? А потому, что там много ребят. Три маленьких девочки и один мальчик. Маша быстро расспросила всех, как кого зовут и сколько им лет, а потом, слышу, спрашивает у девочек:

— Можно, я тоже с вами поиграю?

Потом говорит им:

— Я летом тоже буду здесь жить.

— Мама,— говорит,— мне здесь очень нравится.

— Да, Маша, здесь хорошо, много детей, но ведь папе надо работать, а вы будете весь день кричать.

— Нет, мы не будем кричать. Мы будем тихо играть.

Вижу, в руках у нее уже чья-то тряпичная кукла.

А девчонки одна другой лучше. Маленькая Соня с челкой и с

огромными серыми глазками с нее глаз не сводит.

А Маша уже забыла, что пришла со мной, не слышит, что я ее зову.

— Ой, как мне здесь нравится, мама!..

И куклу не выпускает из рук.

Пришлось все-таки увести. Идет расстроенная, вижу— просто ноги у нее не идут.

Как ее тянет к детям и как хорошо играет она с ними!

По дороге она упрашивала меня:

— Мамочка, милая, давай будем жить летом с этими девочками!..

6.5.60.

Два праздничных первомайских дня мы жили у папы. Маше с папой было хорошо. Папа эти дни не работал, и они целые дни скитались в лесу, собирали подснежники и анемоны на склоне горы.

3 мая мы провели в Зеленогорске, а 4-го во второй половине дня позвонил дядя Леня Радищев[13] и сказал, что папа наш болен, у него высокая температура. Мы с Машей сразу же поехали к нему. По дороге Маша мне говорила:

— Я вылечу папу вот этой конфеткой.

И показала мне зажатую в руке, замусоленную конфету.

* * *

В парке устроен пруд и водопад. Несколько женщин ловили удочками с мостика рыбу. Одна из них поймала маленькую рыбку и подарила ее Маше.

До этого Маша вся трепетала, бегала с пустой кружкой в руках от одной женщины к другой и все ждала, когда же ей дадут обещанную рыбку. Наконец рыбка очутилась в кружке. Оттуда ее пересадили в стеклянную банку, чтобы виднее было. Накрошили булки и зеленой травки.

Маша не выпускала банку из рук.

Но к вечеру рыбка погибла. Воду мы меняли часто, но чем ее кормить— не знали, и никто из соседей не знал.

Увидев, что рыбка не плавает, Маша спрашивает меня:

— Почему она не плавает?

— Наверно, она заболела.

— А что у нее болит? Надо позвонить доктору Айболиту, ведь он лечит всех птиц и зверей. Наверно, он и рыбок лечит тоже?

— Не надо было ее мучить, Маша. Жила бы она у себя спокойно в речке— и не заболела бы.

Надо было видеть огорченное Машино личико.

— Мама, наверно, у рыбки мама и папа есть?

— Да, конечно.

— И, наверно, брат Павлик тоже есть?

— Не знаю, как его зовут, может быть, и не Павлик, но брат у нее, наверно, есть.

— А сестра, как у Каринэ, тоже есть?

— Может быть, и сестричка маленькая есть.

— Ой, мама, зачем ты так говоришь? Не говори так, не надо!

— Что не надо, Маша?

Губы у нее запрыгали.

— Мне жалко ее. Наверно, мама ищет ее?!

— Да, наверно, ищет.

— Давай понесем ее поскорей и бросим обратно в речку.

— Хорошо, Маша. Ты добрая девочка. Молодец. Пойдем и отпустим ее.

Кажется, я впервые видела ее в момент таких серьезных переживаний. Говорила она быстро, глаза у нее загорелись, щеки пылали. Захлебываясь, она объявила мне, что никогда-никогда не будет ловить и мучить бабочек и птиц, и рыбок тоже никогда больше не будет держать в банках.

С банкой в руках мы спустились вниз с намерением выпустить рыбку в ручей. Но у подъезда сидели на скамеечке те самые женщины, которые ловили утром рыбу. Увидели Машу с банкой в руках и спрашивают:

— Машенька, ты куда это с банкой идешь?

— Мы рыбку идем отпускать. Пусть она плавает в речке.

— Рыбка? Да рыбка твоя, милая, померла.

— Нет,— твердо и громко сказала Маша.

— Ну как же нет? Смотри— лежит на боку и не шевелится. Нет, она уж теперь ни есть, ни пить больше не будет.

— Нет, будет,— сердито сказала Маша.— Мы ее вылечим. Ее доктор Айболит вылечит.

— Нет, уж теперь никакой доктор не поможет,— не унималась эта неумная тетя,— кстати сказать, та самая, которая подарила Маше утром рыбку.

Пришлось мне вмешаться и мягко объяснить тете, что Маша очень огорчена и непременно хочет полечить рыбку.

Рыбка была брошена в воду, плавала на спинке, а Маша долго стояла и смотрела, как плавает она поверх воды, и все ждала, когда появится наконец рыбкина мама и заберет дочку к себе.

10.5.60.

На море почему-то вместо чаек прилетели вороны. Маша впервые видела их вблизи.

— Вот они какие чернущие!— сказала она.

Потом, разглядывая ворону, спросила:

— А где ее дети?

— Чьи дети?

— Воронины. Которым она кашку варила?

— Наверно, дома.

— Вот видишь, мама! Ты меня никогда одну не оставляешь, а ворона оставляет!

* * *

В парке какая-то тетя спросила у Маши, что она делает в Зеленогорске.

— Ищем дачу,— ответила Маша.

Она теперь всем говорит, что “мы ищем дачу”. Это у нас стало чем-то вроде профессии.

* * *

Сегодня утром она у меня спросила:

— Мамочка, а как это вы придумали назвать меня Маша?

— Да так вот... Думали, думали и придумали.

— А кто придумал, ты или папа?

— Мы вместе придумали. А тебе нравится твое имя?

— Да, нравится.

Потом помолчала и говорит:

— И долго вы думали?

Пишет папа

3 ГОДА 10 МЕСЯЦЕВ

2.6.60. Ленинград.

Весна в этом году рано уступила дорогу лету. Давно уже отцвела черемуха, цветет сирень. На рынке (куда мы вчера ходили с Машей) полно ландышей, тюльпанов, белой и сиреневой сирени, маргариток и прочей свежей и пахучей радости. А Маша — в городе, и неизвестно, когда и куда выедет отсюда. Дачу для нее бестолковым родителям до сих пор снять не удалось.

* * *

Сказал ей:

— Завтра мы с тобой пораньше встанем, тихонько оденемся и пойдем на рынок за цветами... Только ты маме не говори.

— Почему?

— Потому что это— секрет.

— А что это такое?

— Ну, это— тайна.

Утром она проснулась и говорит матери:

— Мы сегодня с папой тихонько пойдем тебе цветы покупать. Ты только гляди, хитричка, в окошко не смотри!..

7.6.60.

Третьего дня, в воскресенье, ездили втроем в Пушкин— к тете Ляле и Прокофию Никитичу. Заодно поискали дачу. Были у какого-то фельетонного чудовища-стяжателя, который весь сад засадил клубникой, огурцами, салатом и прочим, а для дачников выделил участочек размерами (буквально) полтора метра на полтора. Клумбочка с цветами. Вместо скамейки— старая железная кровать. Для полного сходства с могилой ограда покрашена в ядовитый попугайный цвет.

Дачи не сняли. Пожалели и себя и Машу.

* * *

Последнее время я довольно часто рассказывал Маше о своем детстве, о тех временах, когда ее на свете не было. И не было случая, чтобы она не сделала попытки выяснить этот загадочный вопрос:

— А где я была? Нет, правда, где я была тогда?

На днях ни с того ни с сего начинает рассказывать мне:

— Жила девочка Маша. Это я. У нее тогда папы и мамы не было и бабушки не было. И вдруг... (короткая пауза) и вдруг у меня родилась тетя Ляля. Потом у нас родился Синдбад. И Кузьма родился.

Как известно, Кузьма— это тети Лялин кот.

* * *

Смотрели в Пушкине дачу. Мама рассказывает Маше:

— Там садик. Там два домика. Там есть собака Бобик. У хозяев есть дочки.

Вся засияла.

— Да?! А как ее зовут?

— Кажется, Вивиана.

— А сколько ей лет?

— Лет двадцать восемь, кажется.

С возмущением:

— И это называется дочка?!

* * *

Вчера вернулась с Каменного острова переполненная восторгом.

— Ах, как там красиво!..

Видела петровский дуб, спрашивала у мамы, почему он за решеткой. Привезла маленькую черную ракушку.

* * *

Перечитал сейчас (и с волнением перечитал) мамины зеленогорские записи. То место, где она рассказывает об уснувшей рыбке.

Всей душой я на стороне Машки и вместе с тем понимаю, как трудно ей будет с этими донкихотскими взглядами на жизнь, как часто ей придется сталкиваться с бездумной жестокостью, с такими вот тетками, как эти (“интеллигентные”, по словам Элико) рыболовы...

Не делаем ли мы ошибку, что поддерживаем в Машке ее страстную, убежденную любовь ко всему живому? Нет, не делаем!.. Пусть ей будет временами нелегко, но так, и только так надо воспитывать человека!..

Вегетарианство? Толстовство? Нет, мы едим— и Машка ест— и мясо, и рыбу. И все-таки... Маленький мучитель, убийца бабочек или муравьев не может вырасти хорошим, добрым, великодушным человеком. Убежден в этом.

Но, к сожалению, убеждены в этом далеко не все.

В том же Зеленогорске (или нет, пожалуй, еще в Ленинграде, в Дивенском саду) был такой случай. Девочка намного старше Маши поймала бабочку и на глазах у других детей отрывала ей крылья.

— Оставь! Что ты делаешь?— сказал я девочке.

Она простодушно удивилась:

— А что?

— Как что?! Разве можно мучить бабочек!— дрожащим от негодования голосом накинулась на нее Машка.

И тут в наш разговор вмешалась мать этой девочки. До этого

она спокойно беседовала с приятельницами, а тут резко оглянулась и говорит:

— Бабочек? Не убивать?! Что за странные речи! И даже какие-то, простите, несовременные речи. Разве вам, товарищ, неизвестно, что бабочки— вредители?

Да, знаю, слышал: бабочки вредны. Хотя, признаться, не очень верю, что в природе хоть одно звено может оказаться лишним, ненужным, вредным...

Но если и правда есть в природе вредители, если их действительно нужно уничтожать,— пусть этим занимаются взрослые. Так же как пусть взрослые, а не дети, ведут войны, ловят преступников, судят их и наказывают. А в ребенке нужно буквально с пеленок воспитывать отношение к природе и ко всему живому самое человечное, самое уважительное. Воспитывать защитников жизни, а не врагов ее.

Если ребенок в четыре года терзает своих крылатых и четвероногих земляков, он потом и людей будет обижать походя.

* * *

Сегодня я работал. Слышу— стук в дверь. Машин голос:

— Папа! Папа!

Значит, что-то случилось. Без дела она меня в рабочие часы, как правило, не тревожит.

Врывается:

— Тебя— к телефону! Бабушка с тобой говорить хочет. По телефону.

Бегу в коридор. Трубка лежит на рычаге.

— Нет,— говорит Маша,— сюда, сюда!..

И ведет меня в кухню, где на белой табуретке стоит ее маленький игрушечный телефончик.

Придумала, вообразила и уверовала, что бабушка и в самом деле звонила с Кавказа и звала меня.

Пришлось взять трубку и несколько минут “поговорить с бабушкой”. Конечно, сердиться я и не подумал.

13.6.60.

Десятого мы с мамой ездили в Лугу, смотрели дачу. Понравилась. Это не в самой Луге, а за городом, на Лангиной горе. Выйдешь из калитки— и уже лес. Через другую калитку пройдешь— река Луга, за ней густые леса, а по эту сторону— заливные луга. Дом отдельный, хозяева— ленинградцы, приезжать будут не часто, маленьких детей у них нет. Зато есть дети у соседей. Так что Машке там будет, надеюсь, и весело, и удобно...

* * *

Сегодня утром вижу— натирает в столовой паркет маленькой

платяной щеткой.

Спрашиваю: откуда щетка?

— Мне мама дала. С самого начала.

— С какого начала? Как ты родилась?

— Нет, не когда родилась.

— А когда?

Вопросы “когда” и “сколько” по-прежнему очень трудные для нее.

Я повторяю вопрос:

— А когда?

Отвечает:

— Сначала первое, потом во вторник, потом шестое, потом— число, потом— праздник.

Набор слов? Да, но все они, эти слова, из одного, календарного ряда.

17.6.60.

Машка мало гуляет. Родители и тетя Минзамал поглощены предотъездными делами. Собираемся в Лугу.

* * *

Третьего дня вечером мы всем семейством гуляли, ужинали в “Вечернем кафе” возле Ленфильма. Перед этим часа полтора сидели в Дивенском садике. Машка писала на песке буквы и самостоятельно нацарапала слово:

ПАПА

* * *

С упоением слушает стихи Саши Черного[14]. И вообще всякие хорошие, крепкие, энергичные стихи.

Но сама наизусть почти ничего не знает. Даже то, что знала, забыла. А “Поезд” Саши Черного может слушать пятьдесят раз подряд.

— Еще! Еще! Еще!

* * *

Рассматривали книгу Ревалда...

Отец Сезанна[15] читает газету “L'Evenement”.

— Что это?

Говорю:

— Дядя читает газету.

— Это грузинский дядя?

А Сезанн-pere действительно похож на грузина.

* * *

В мире дела идут своим чередом. Эйзенхауэр под напором народного гнева отказался от поездки в Японию. В газете карикатура: премьер Киси сидит в луже.

Машка:

— Это кто?

— Это Киси.

— Кто?!!

— Киси. Так его зовут. Хочешь с ним дружить?

— Гм... Он что-то немножко сердитый.

* * *

Интересуется вопросами жизни и смерти. “А где я, а где она, он были тогда?”

“Что такое умер?”

Что ей сказать и как сказать?

Сегодня читали Сашу Черного. Я говорю:

— Саша Черный очень любил детей.

Это “любил” настораживает ее.

— А где он теперь?

— Далеко.

— Где?

— Очень далеко, Маша.

Подумала и:

— В красненьком домике али в зелененьком живет?

Между прочим, упорно вместо “или” говорит “али”.

22.6.60.

Вчера мама и Маша уехали в Лугу. А папу дела задерживают числа до 1 июля в Ленинграде.

Сегодня Элико звонила по телефону. Говорит, дачей довольна. А Машка— та в полном восторге. Ест клубнику, которую хозяйка при ней, на ее глазах снимает с грядки!

* * *

О жизни и смерти. Хотя не говорим, но понимает, что умереть— это очень плохо. И боится, что это слово будет произнесено.

Рассказывал ей на днях о нашем детстве. Говорю:

— Тетя Ляля была тогда совсем маленькая. У нее еще косичек не было. Вася был побольше, а я— самый старший...

Перебивает:

— А где теперь Вася?

Я говорил ей— и не один раз,— что он умер.

На этот раз говорю:

— Далеко.

— Живет далеко?

Это “живет” так многозначительно, что не остается сомнений, что именно она имеет в виду.

Говорю:

— Да, живет.

И опять:

— В розовом домике али в голубеньком?

Что за домики— не понимаю. Но если есть домик, тогда святая ложь становится правдоподобнее.

* * *

На улице. Крохотная собачка бежит у ног хозяйки.

— Маша! Смотри!..

— Ой, что это за собачка? Может быть, это наша родилась уже?

23.6.60.

Забыл давеча записать. После долгих споров и колебаний накануне отъезда свели Машку в дамскую парикмахерскую, и там тетя в белом халате отчикала Машину косу. Машка— ничего, не плакала, не горевала, только просила все время, “чтобы было как у мамы”.

Подстригли ее в кружок. Стрижка ей не идет, а главное— волосы по бокам болтаются и лезут все время в глаза. Лучше бы уж со своим конским хвостом бегала.

* * *

Утром сидит за столом, изнемогает. На маленькой тарелочке — приправленная повидлом манная каша. Машка не ест, вертится на своем стульчике.

— Ты что?

Вздохнула:

— Не знаю... что-то кашу не хочется.

Этим “что-то” она как бы смягчает (и довольно часто) недозволенную формулу “не хочу”.

24.6.60.

От наших лужанок ни слуху ни духу. Обещали писать и не пишут.

Переписываю— в день по чайной ложке— те записи, которые делал на бумажных клочках...

* * *

Сидела за своим столиком, обедала. Рядом на оттоманке развалился наш котище.

Маша:

— Кот, уйди! Ты что не уходишь? Папа, кот на скатерть лег! У него же муравьи и глисты.

— Что у него?!!

Поправилась:

— У него комары и глисты.

Это она комаров и муравьев с блохами спутала. Знает, что и первые, и вторые, и третьи кусаются.

27.6.60.

Первое письмо из Луги. Мама устала, измучилась

устройством быта, но при этом не нахвалится тамошней природой, ее красотой, целительностью воздуха и так далее.

Маша блаженствует.

Целый день в саду. Только есть домой приходит.

Подружилась, по словам мамы, с хозяином, отставным полковником, поливает из маленькой лейки грядки, получила “надел”— собственную маленькую грядку, с огурцами, кажется...

* * *

Недели две назад— голос за дверью моей комнаты:

— Можна?

Говорю:

— Да, мамочка.

Появляется Машка:

— Ты думал— мама?

— Да, я думал— мама.

Страшно ей понравилось, что ее за маму могут принять.

— Давай еще подумай. Хорошо?— говорит она и быстро выходит из комнаты, чтобы еще раз постучаться и спросить:

— Мож-на?

* * *

Скучаю без тебя, Машка. Скоро, надеюсь, увидимся. До свиданья, дружочек. Маруська моя курносая!..

3.7.60. Луга.

Уже четвертый день папа в Луге. Ехал сюда автобусом. После двух с половиной часов качки и тряски вышел, пошатываясь, на привокзальную площадь, огляделся: никого нет, никто не встречает.

И вдруг— где-то далеко-далеко— разглядел голубую мамину кофточку, а рядом с мамой— человечка в белой панамке. Еще издали увидел, как покраснела, залилась румянцем Машутка, когда мама сказала ей:

— Смотри, папа приехал!

Бежала со всех ног. В протянутой ручонке букетик полевых колокольчиков.

Все эти дни не отходила от меня.

К сожалению, погода с моим приездом испортилась— холодно, льет проливной дождь.

Вчера выдался небольшой просвет, и мы с Машей пошли на прогулку, знакомиться с окрестностями. Тут, на берегах Луги, довольно красиво, а местами и очень красиво, но не так дико, безлюдно и пустынно, как нам казалось, когда мы снимали дачу.

Нашли одну большую сыроежину. Машка ликовала, все время заглядывала в свою новую корзиночку и любовалась грибом.

На берегу Луги встретили пятерку больших (лет по восемь-

десять) девочек. Все они с кружками и бидончиками в руках. Идут по ягоды. Девочки местные, я разговорился с ними. Они только что видели очень большие желтые лилии (кувшинки), но не могли дотянуться до них. Я отговорил их охотиться за лилиями в глубоких местах. Машка слушала нас, смотрела на девочек, ноздри у нее раздувались. И вдруг она обращается к девочке, которая стоит рядом с ней:

— Тебя как зовут?

— Оля.

Делает шаг к следующей:

— А тебя как зовут?

— Вера.

— А тебя?

— Галя.

Перебегает полянку:

— А тебя? А тебя?

— Наташа.

— Ира. А тебя как?

— Маша.

Одна из девочек показывает мне крохотный грибок с круглой, плотно натянутой шапочкой.

— Дядя! Правда, это белый гриб?

— Нет,— говорю.— Это не белый гриб. Это горькушка.

Другая девочка:

— Ну вот! Я говорила!..

— Тогда я брошу его,— говорит первая.

— Зачем же бросать?— говорю.— Ты лучше его моей дочке отдай.

— На!

Машка замирает от счастья.

Потом поворачивается ко мне, сует руку в корзинку, где лежит большая сыроежка, и говорит:

— Можно, я им гриб отдам?

— Конечно, можно.

— На!— говорит Маша и протягивает сыроежку большой девочке.

Девочки ошарашены.

— Она не жадная,— говорит кто-то из них.

Маша сияет. И папа тоже.

* * *

Обратно шли мимо еврейского кладбища. Кладбище маленькое, 30-40 могил, два-три стандартных дачных участка.

— Вот кладбище,— говорю.— Отсюда, говорят, близко наш дом.

— А что такое кладбище?— спрашивает Маша.

Я увожу ее— и от этой темы и от этого места.

Тема эта (смерть) по-прежнему занимает и волнует ее.

Часто вспоминает тетю Машу.

Сегодня сказала мне:

— Знаешь, когда мы пойдем встречать мамочку, ты напиши письмо тете Маше... Она больная, у нее Вася... брат, что ли... Она к нему уехала.

Уже год прошел с тех пор, как тетя Маша уехала в Новгород к сыну Васе и умерла там, у этого непутевого сына.

Я молчу.

* * *

Вчера, перед тем как идти на прогулку, показал ей компас. Объяснил, зачем он и что он показывает. После этого отбоя не было.

— Папа, а где Тбилиси? А где Комарово? Юг там? Когда я в Тбилиси к бабушке поеду, ты мне эту стрелочку дашь?

— Дам, конечно.

— И ты поедешь! Хорошо?

3 ГОДА 11 МЕСЯЦЕВ

4.7.60.

Погода как будто разгуливается. Дождит помаленьку, но все-таки и просветы бывают: нет-нет и солнышко выглянет.

* * *

Вечером ходили втроем на прогулку, в места, которые показала нам мама. Нашли 5-6 маслят, один моховичок. Земляника не в счет, ее тут очень много.

Маша превращается в обжору. Все время просит “добавочки”. Только утром, за завтраком, ест похуже.

Когда собирали грибы, она заранее смаковала и предвкушала удовольствие:

— Ох, как вкусно будет! Грибы— их знаешь как надо? С картошечкой зажарить, сметанки туда положить... еще огурчика, лука зеленого, укропчика... хлебца...

Это она мне подражает. А я— каким-то чеховским героям.

5.7.60.

Вчера вечером после проливного дождя ходил с Машей в лесок. Нашли 7-8 маленьких белячков. Правда, наша мама, весьма опытная грибница, не всех их признала за белые. Тут много ложных. А хозяева наши их едят, разницы не видят.

Машка наша пошла в родителей. Человек она азартный, за грибами охотится страстно. Может быть, поэтому с трех часов дня до половины седьмого вечера не могла уснуть. А вечером опять, уже с мамой, пошли в лес.

* * *

Сегодня меня разбудил ее голос за окном. Отдернул занавеску, вижу— голенькая бегает спортивным шагом по саду.

В двенадцатом часу мама и тетя Минзамал уехали в Лугу на рынок. Машку оставили на моем попечении. Я работал, а она лепила куличики под моим окном. Для этого мы натаскали с нею с берега Луги ведерок сорок хорошего желтого песка.

* * *

Приходит давеча к мамочке голая, с растопыренными руками и с выражением крайнего ужаса на лице.

— Мама! Мама!

— Что?

— Сними!

— Что снять?

— По мне комар ходит!

— Где? Маша! Это же не комар.

— А кто?

— Это маленький паучок. Это дочка паука.

Почти рыдая:

— А чего ж она ко мне ходит, чего она к своей маме не идет?

6.7.60.

Ходили вчера встречать маму. Впрочем, “ходили”— это не очень честно по отношению к Маше. Я ехал на велосипеде, стараясь ехать как можно медленнее, а она бежала по тропинке сзади и кричала:

— Папа! Папычка! Не уезжай! Боюсь! Петуха боюсь.

Маму и тетю Минзамал мы встретили на полпути к автобусной остановке. Я погрузил корзину с продуктами на велосипед, отвез ее быстро домой, вернулся и посадил на багажник Машу.

Вечером вчетвером ходили на прогулку. Спускались вниз, к роднику, где необыкновенно вкусная вода. Собирали какие-то небывалые, огромные колокольчики.

* * *

Сегодня ночью я несколько раз просыпался: за окном стоял тот самый туман, что называется молочным. А утром— яркое солнце.

Нашли в саду два гриба: моховик и белый!

День летний, солнечный. Обидно уезжать. А в 13. 10 должны — все трое— автобусом выехать в Ленинград.

9.7.60.

Вечером вчера вместо прогулки в лес ходили в соседнюю деревню, к медицинской сестре, которая уже несколько дней делает папе уколы.

В деревне много детей и очень почему-то много маленьких, двух-трехлетних, очень разбитных, очень живых и самостоятельных. Девочки пяти и шести лет везли нарядную немецкую кукольную коляску, в которой спала большая и нарядная немецкая кукла. Не успели мы к ним приблизиться, Маша— с очень серьезным и даже деловым видом— к девочкам:

— Тебя как зовут? А сколько тебе лет? А тебя как зовут? А сколько тебе лет?

Девочки дали ей покатать коляску, и Машка ее катала, пока папа не сказал “довольно”.

* * *

Перед сном ходили ненадолго за калитку и в соснячке у дороги нашли два моховичка и одну горькушу.

Машке очень понравилось, как я потом рассказывал об этом событии, и она заставила меня много раз повторять этот рассказ:

— Идем мы с Машей, она говорит: “Папа, смотри— грибы!” Я говорю: “Нет, это поганки”.— “Да нет, ты посмотри!”— “Нет же,

Маша, я же тебе говорю: это поганки!”— “Да ты посмотри!”— “Оставь, пожалуйста! Я ж говорю тебе— это поганки”.— “Ты посмотри, пожалуйста”.— “Ну хорошо, ну пожалуйста... Посмотрю. Я ж говорил тебе... я ж говорил, что это пог... гм... гм... да нет, это не поганки!”

Приблизительно так и было. Машка действительно лучше меня разглядела, что моховики.

Заливалась, покатывалась, когда я “в лицах” изображал эту сценку.

* * *

На днях— чрезвычайное происшествие. Машка сорвала с хозяйской грядки маленький огурец. После она объяснила мне, что нечаянно наступила на огурец, когда прогоняла с грядки кошку. Но тут, не разобравшись в чем дело, на нее все накинулись: укоряли, стыдили, ахали и охали. И она не успела слова сказать в оправдание. И как раз в эту минуту в саду появился старик с седой щетиной на щеках, с пьяными мутными глазами и в защитной солдатской пилотке на голове. Старик пришел к хозяину подряжаться— насчет колодца, кажется. Но Машка страшно перепугалась, уверенная, что старик пришел за ней.

Вечером она мне рассказывала:

— Сегодня дядя с мешком приходил, который непослушных детей забирает. Такой страшный... настоящий страшный.

А вчера, возвращаясь из леса, мы проходили мимо еврейского кладбища, где всегда отчаянно лает мохнатая рыжая собачка. Сейчас эта собака лежала на стоге сена, а рядом с ней стоял тот страшный старик. Машка узнала его, и ей стало еще страшнее. Страшный старик стоял рядом со страшной собакой.

* * *

Луна вчера вечером была золотисто-красная, большая.

Машу раздевали, готовили ко сну, когда она увидела в окошко это чудо природы.

— Ой, мама? Что это? Солнце?

— Нет, Машенька, это луна.

— А почему она такого цвета?

— Не знаю, Маша.

— Наверно, она гуляла много и потому румяная стала?

Пришла в долгополой ночной рубашке ко мне:

— Папа, ты видел, луна какая толстая?!

А часа через два проснулась, лежит в своей кроватке и думает.

— Ты что, Маша?

— Я все думаю, почему луна такого цвета.

* * *

Идем домой— полем по узкой тропинке.

— Ой, я крапивой укусилась!..

* * *

Жгучая тайна жизни и еще более страшная, волнующая тайна смерти.

— Папа, что такое “марка”?

— А это вот такая картинка, которую наклеивают на конверт, на письмо.

— А зачем?

— А затем, чтобы письмо дошло по адресу.

— Кому?

— Кому мы напишем. Вот я напишу, например, бабушке, или Павлику, или тете Ляле...

— А Васе?

— Что Васе?

— А где он?

— Кто?

— Вася?

— Какой Вася?

— Маленький который... когда ты маленький был.

— Мой брат?

— Да.

— Он умер... погиб на войне.

Пауза. Маша напряженно думает. Потом говорит:

— Ты знаешь, у меня была книжка. Там было написано: птичка умерла. Ей не давали пить и есть, и она умерла.

10.7.60.

Кто-то при Маше сказал, что в Луге она спит гораздо лучше, чем спала в Ленинграде.

Она мне объяснила, почему это так:

— В Ленинграде я один раз очень страшный сон видела... А в Лугу он не может приехать— у него денег нет.

— У кого денег нет? Кто не может приехать?

— У сна. Он билет не может купить.

11.7.60.

На днях ей сказали, что у ее троюродной сестры Иры будет ребеночек и что Маша после этого станет тетей.

Не хочет быть тетей. Чуть не плачет.

— Нет, нет! Я хочу быть девочкой.

Думает, что если тетя,— значит, будет мазать губы, ходить на каблуках и поддерживать скучные разговоры с другими тетями. И в куклы нельзя играть, и на одной ножке прыгать.

* * *

Огорчают меня ее необъяснимые и непобедимые страхи. Боится, например, насекомых: мух, комаров, пауков. Пять минут назад я обнаружил на веранде полураздавленного жука. Взял его в руки. Что было с Машкой! Воет так, что губы дрожат:

— Бою-у-у-усь!!

И в рев:

— Хочу ма-аму! Ма-аму хочу!

Объяснил ей, что плакать следовало бы не ей, а жуку. Ведь он теперь или умрет, или хромать будет.

Перестает плакать.

— А дети у него есть?

— Есть, наверное. Вот они ждут папу, а папа не идет.

Слезы почти уже высохли. Только одна слезинка, расплываясь, ползет по щеке к губам.

— Знаешь что? Надо его смазать йодом.

— Да,— говорю,— пожалуй.

Пошел искать жука. Но ей уже опять страшно. Кричит вдогонку:

— Не надо! Не надо йодом!

12.7.60.

Забыл вчера записать окончание истории с жуком.

Я пришел посмотреть, как поживает раненый жук, и обнаружил, что он уже мертв. Закопал его. Сказал об этом Маше.

— Не бойся. Он уже умер.

— А что он делает?

— Он ничего не делает. Он не может ничего делать. Он уже не двигается.

— А как люди умирают?

— Так же.

— Как?

— Перестают дышать, руками и ногами не двигают и глаз не открывают.

Сам испугался, что позволил себе коснуться этой темы.

Но Машка— и тут играет. Я ей сказал:

— Жалко маленьких жучков. Они одни остались.

Машка:

— У них и мама умерла. И братик умер. Ему укол делали, грязь попала, разрезали живот— и он умер.

* * *

Позже возвращается к той же теме...

Мы играли в девочку Люсю и в Марью Алексеевну. Марья Алексеевна говорит Люсе про тетю Олю:

— Тетя Оля попала под трамвай! Ее всю разрезали. И живот разрезали, и глаза! Она теперь никогда больше не будет жить.

Спрашиваю:

— Когда это, недавно случилось?

— Нет, она еще маленькая попала под трамвай.

13.7.60.

Вчера мама купила в Луге томик грузинских сказок— для Маши. Чтобы “приобщить девочку к родной грузинской культуре”. Позже мама должна была признаться, что купила эту книгу себе и мне на голову.

Книгу иллюстрировал народный художник Грузии Гудиашвили. Фронтиспис сделан в манере, которая отвечает вкусу таких читателей, как, скажем, наш племянник Павлик: огромная трехглазая голова страшенного дэва. Из оскаленной пасти его выскочил мальчик, одна его нога осталась в зубах чудовища.

Маша посмотрела, посмотрела: “А это что? А это кто?” И вдруг расчухала, что к чему, и заявляет:

— Я боюсь! Я дэва боюсь!

Потом как будто забыла о нем. А вечером мы ходили втроем в лес. Возвращались домой в девятом часу. До этого Машка была веселая, шумная. А тут вдруг подошла, взяла меня за руку и говорит:

— Боюсь дэва.

И дома весь вечер плакала и в отчаянии восклицала:

— Боюсь дэва! Он во сне придет ко мне. Не уходите! Мама! Не уходи. Я боюсь его.

Пришлось прибегнуть к заклинаниям.

— Тук-тук-тук. Дэв, улетай в Тбилиси!

— Нет, далеко-далеко пусть улетит.

— Лети дальше, лети в Ереван и дальше— в Иран, в город Тегеран.

— Такого нет.

— Нет, есть. Ну вот, улетел дэв. Не бойся теперь.

— А книга?

— И книга улетела (пришлось попросить маму надежно спрятать этот симпатичный подарок).

— Скажи, чтобы он в сон ко мне не приходил...

— Хорошо. Тук-тук-тук. Дэв, не приходи к Машеньке в сон!

Проделал все, что требуется. Все-таки засыпала неспокойно.

* * *

А утром, в восьмом часу, прибежала ко мне в одной ночной сорочке— веселая, тепленькая, румяная.

— Добрым утром!

— Ну, что ты во сне видела?

— Цветочки видела.

* * *

В восемь часов утра занимались гимнастикой. Было уже порядочно жарко. Ушли гимнастировать далеко в лес...

На обратном пути собирали землянику. Машка собирала ее в потную пригоршню. Придя домой, одаривала земляникой маму и тетю Минзамал.

* * *

Из старых заметок.

Ей дали ломтик мяса. Она видела, как я только что ел бутерброд с мясом, и говорит:

— Не так! Постели его на хлеб!

14.7.60.

Дни идут своей чередой, каждый день похож на предыдущий.

Нет, простите, это— беллетристика. Машкины дни не похожи один на другой, каждый день и каждый новый час ее жизни приносят с собой что-нибудь новое.

Вчера, например, она научилась прыгать на одной ножке. Для нее это— значительнейшее событие. Прежде всего ей это нужно, конечно, для игры в “классы”.

Прыгает она, правда, не совсем ловко, придерживает согнутую левую ногу правой рукой. Вчера делала 2-3-4 прыжка, сегодня во время гимнастики сделала уже двенадцать. Ликует:

— Еще! Еще! Мама, посмотри! Тетя Минзамал, смотри! Я прыгать научилась!

* * *

Недавно вспоминали с ней стишки, которым научила ее когда-то бабушка: “Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал”. Машка знает эти стихи года полтора, и только сейчас, сегодня, я понял, догадался, что мороз для нее— это мороз с большой буквы, Дед Мороз.

Вчера она сказала мне:

— Мороз трещал, трещал... Когда он вытрещался, он принес всем детям елки...

* * *

Выдумает какую-нибудь нечисть и боится ее.

Вчера сидела у меня в комнате на кровати.

И вдруг:

— Ой, кто это?

Пока еще с лукавой улыбкой.

— Кто?— я говорю.— Где?

— Талафик!

— Какой Талафик? Где Талафик?

И через полминуты она уже объята страхом.

— Па-пыч-ка-а-а-а-а! Бою-у-у-усь!

Опять совсем как Мурочка у Чуковского.

15.7.60.

С увлечением прыгает на одной ножке. Вчера проскакала на правой ноге 24 раза подряд. Надо было видеть счастье, написанное на ее лице. На левой прыгать не могла совсем. Но я посоветовал попробовать, и она, после недолгой тренировки, прыгнула четыре раза!

* * *

Ходила с тетей Минзамал за керосином. Его раз или два в неделю привозят в соседнюю деревню. Позже я куда-то уходил. Машка догоняет меня у калитки.

— Папа! Я забыла тебе сказать... Я сейчас видела твою сестру.

— Как сестру? Тетю Лялю?

— Нет. Другую сестру. Которая тебя колет.

* * *

Вчера вечером Машка несколько раз:

— Мама, мне скучно что-то.

И за ужином, когда мы все были вместе, вдруг со слезами на глазах:

— Мне скучно. Мама, мне очень скучно почему-то...

Тоскливо? Грустно?

Что такое? Меня это огорчило, испугало даже...

18.7.60.

Сделал не очень приятное открытие. Не всегда мое общество полезно Маше. Вчера мы с ней немножко поссорились, она была почти весь день с матерью, и это благотворно сказалось на ее самочувствии. И спала хорошо, и с аппетитом ела. По-видимому, я ее взвинчиваю. С нею мы все время живем воображением; оба мы, по выражению мамы, фантазеры, а это, как видно, не всегда хорошо, иногда и плохо.

Примирение произошло вечером. Ходили втроем в деревню, где у Машки буквально глаза разбегаются— так много там детей, и особенно почему-то девочек...

* * *

Вчера и сегодня стоит изнуряющая жара. Папа отправился сегодня на велосипеде на ту сторону реки Луги и чуть не сгорел— такой испепеляющий зной, такое жгучее солнце.

* * *

Много и о многом спрашивает. Но “почему” очень редко, чаще— “что такое”. Примерный диалог:

— Папа, а что такое “офицерский дом”?

— По-видимому, это дом, где живут офицеры.

— А что такое “офицеры”?

— Это военные, начальники.

— А что такое “военные”?

— Военные— это люди, которые...

Перебивает:

— А что такое “люди”?

И уже лукавинка в глазах. Узнать интересно, но, пожалуй, еще интересное запутать, заговорить, загнать.

* * *

Поминутно бегает на хозяйскую половину. Мы ей запрещаем, но тем чаще она бегает, ибо сладок запретный плод.

19.7.60.

Играл с нею. Она была почтальоном. Приходит и говорит:

— Вы знаете, у меня пожар был. Я теперь у вас буду жить.

— Да что вы говорите? У вас был пожар? И что— много сгорело?

— Все сгорело. И стены, и пол, и кровать сгорели. И труба сгорела. И плита сгорела. И дети мои сгорели.

— Да что вы говорите?! Какой ужас.

— Да! Я им говорила: не трогайте печку. А они трогали. И все сгорели.

— Сколько же их у вас было?

— Пять.

— И все сгорели?

— Все.

— Как же их звали?

— Таня, Оля и Вера.

— Это три. А еще как?

— Еще— не помню. Еще Наташа и Манюся. И все продукты сгорели. И кошка сгорела. И вся посуда сгорела.

— А пожарные были?

— Пожарные не были.

20.7.60.

Вчера мама и тетя Минзамал ездили в город. Перед этим слышал Машкин разговор с мамой.

— Мы уезжаем. Ты останешься с папой.

— Я боюсь.

— Чего ты боишься?

— Я его боюсь. Он опять заставит меня бежать за велосипедом.

То, что мне казалось шутками и баловством, со стороны выглядело совсем по-другому. Учел это и не только не заставил ее бежать, а полчаса возил на велосипеде новым способом: я— в седле, она— на багажнике. Конечно, с таким ценным грузом за спиной надо ездить очень осторожно.

21.7.60.

Третьего дня мама куда-то уходила, Машка провожала ее до калитки. Слышу— рев. Выбегаю в сад, вижу— в руках у Машки альбом для рисования. Идет и плачет:

— Что с тобой?

Думал— жалеет, что мать ушла.

— Я... я... кофточку синенькую рисовала и нечаянно лицо девочке закрасила!..

В таких случаях говорят: “Мне бы ваши заботы, господин учитель”.

22.7.60.

Днем лежала у себя в кроватке. Не спит, думает о чем-то.

Пришла мама, спрашивает:

— Машенька, ты о чем думаешь?

— Я думаю: есть ли в Ереване грибы?

* * *

Словарь и синтаксис ее “взрослеют” быстрее, чем следует. Это потому, что она с одними взрослыми проводит время.

Приходит ко мне и сообщает:

— Тетя Оля в больницу попала.

(Тетя Оля— вымышленный персонаж, родственница девочки Люси.)

Спрашиваю:

— Что с ней?

— Ей живот разрезали. Она на войну попала.

— Как мне ее жаль. Она такая славная.

— Да,— говорит Маша.— Она добрая. И вообще— очень хороший человек.

* * *

Перед сном, уже лежала в кроватке:

— Мне очень нравится почему-то, когда тебя мама “счастливчик” называет. Это когда ты белые грибы находишь.

И, помолчав, добавила:

— Не ложные белые.

23.7.60.

Период беззаветной храбрости опять сменился периодом глупой трусости. Боится петухов, кур, муравьев, мух, автомашин, коров, лошадей, бабочек, стрекоз...

Вчера, когда я был в маленьком нашем продуктовом магазинчике, а она стояла за дверью и караулила велосипед, вдруг дикий рев:

— А-а-а-а! Боюсь! Машина!!! Бою-у-у-усь!..

А машина— в ста метрах от нее, по шоссе идет.

Боится взять на руки крохотного котеночка. Тянет ее к нему, очень хочется погладить, взять на руки, а не берет ни за что.

Меня это все огорчает. Откуда это? И где лекарство от этой беды? Опять же— детское общество, добрый пример. Другие не боятся,— значит, и мне зазорно бояться. А взрослые в этом случае не в счет. Они— большие, они другой породы, чего ж им бояться?!

* * *

Вышел во двор. Она одна— играет у ящика, который заменяет ей и стол, и стул, и плиту, и шкаф. Жалко ее, как всегда, когда она одна.

— Что ты делаешь?

— Я знаешь в кого? Я в бабушку играю.

24.7.60.

Вчера папа в лесу потерял свой старый, любимый, еще холостых времен, перочинный нож. Ходили с Машкой искать его и не нашли.

Машка меня утешала:

— Я тебе другой нож куплю. Еще лучше. Красный.

— Да? А где ты деньги возьмешь?

— У мамы возьму.

— А если у мамы нет?

— Тогда я в магазине денег куплю.

Девчонке через десять дней четыре года!!!

Часто она производит впечатление глуповатой. Особенно когда дело касается чего-нибудь практического.

Не умеет играть в прятки. Прячется на глазах у других. Смысла игры понять не может.

Не понимает, что такое деньги, сдача, килограмм, километр...

Сегодня играли с нею в “тепло-холодно”. Тоже ничего не поняла. Но процесс игры ей нравится.

— Ище! Ище!— кричала она.

А в других случаях про нее говорят: умненькая, остренькая.

* * *

Мама уехала в Лугу на рынок. Мы ее должны будем пойти встречать. Машка немножко побаивается этого. Боится, что я заставлю ее бежать за велосипедом. Не бойся, дочка, не заставлю. Буду развивать твою храбрость и твои мышцы другими способами.

* * *

День очень жаркий. Рано утром в комнате с открытым окном за жалюзи +23°.

27.7.60.

Сегодня еще крепче, по Машиному выражению. Утром в тени +25°.

Мы с Машкой ходили на реку. Я мылся, Машка рыла настоящий колодец. Огорчала и даже сердила меня:

— Боюсь стрекозы! Боюсь рыбок!!!

Да, очень скверно, что нет рядом с ней ребят. Пример взрослых— совсем все-таки не то. “Ты не боишься— но ты эвона какая дылда!” И другое дело, когда двухлетний карапуз гладит при ней собаку или котенка.

30.7.60.

Вчера у Машки— событие: познакомилась с девочкой. За забором у нас, на соседнем участке, живет полковник в отставке. У него дети— мальчики и девочки. Мы их редко видим, дом в глубине участка, а участок густо зарос сосняком и елочками.

Вчера одна из девочек подошла к забору и заговорила с Машей. Через полчаса они уже играли— через забор. А еще через полчаса девочка оказалась в нашем саду и играла там до тех пор, пока ее обедать не позвали. Девочку зовут Таня, ей семь лет, она уже умеет читать (прочла: “санорин” на маленькой бутылочке, которую я ей подарил). Белобрысая, скромная, застенчивая. Но я ее быстро разговорил, рассмешил, растормошил.

Машка была в восторге, смотрела на Таню влюбленными глазами...

А сегодня она не находит себе места. Таня почему-то не появляется, так же как не появлялась и вчера вечером.

Признаться, и я волнуюсь. Очень хочется, чтобы у Машки появилась подруга, добрая, хорошая, чуть-чуть постарше и чуть-чуть поумнее ее.

* * *

Ходили на Лангину гору. Шли окольным путем, через лесок. По дороге кидали друг в друга репеем, и Машка была в диком восторге, покатывалась от смеха, когда ей удавалось залепить мне хорошую блямбу— куда-нибудь пониже спины.

* * *

А за ужином опять:

— Мне что-то скучно.

— Грустно тебе?

— Да... грустно.

Не безотчетная же это грусть. Мама говорит: ей грустно от сознания, что день кончается и скоро погонят спать.

* * *

Ждем Таню. Очень волнуемся. Оба. Машка идет мимо моего окна. Спрашиваю:

— Ну что? Не пришла Таня?

— Нет. Я с ее бабушкой сейчас говорила.

— Ну, и что она?

— Говорит: “Придет, придет...” У них две комнаты и кухня. И две бабушки.

* * *

Иногда фантазия разыгрывается самым прихотливым образом.

Нашел и подарил ей воронье перо.

Через минуту она говорит:

— Прости его.

— За что?

— Он на песочек сделал.

— Да? Какое безобразие! А как его зовут?

— Эм! Эм его зовут. Эм-счастливчик.

31.7.60.

Ездили на велосипеде встречать маму. На пути нашем, совсем близко от тропинки, по которой мы ехали, паслась стреноженная лошадь. Машка ее почти не испугалась. Похвалил ее. И она вся засияла. Это тоже очень важный момент— похвала, поощрение.

* * *

После ужина, перед тем как идти спать, зашла ко мне сказать “спокойной ночи”. Я читал книгу Хинтера “Охотник”. Книга эта ее уже несколько дней очень интересует. Спрашивает:

— Что это за книга? Кто ее написал?

— Это— про охоту на диких зверей в Африке.

Расспрашивает с жадным интересом:

— А лев? А тигр?

Слушает с волнением. И вдруг— зажмурилась. Понимаю, что ее охватил сладкий ужас.

— Ой, папа, нет, лучше не рассказывай!..

* * *

Встретили вчера на автобусной остановке маму; шли через лесок, нашли большой ложный белый гриб. Машка безошибочно определяет: ложный или не ложный, сыроежка или поганка.

Все время таскала этот гриб в руке.

Я говорю:

— Отдай его дяде Паше (хозяину).

— Его нет.

— Тогда— знаешь что? Положим на стол на кухне. А потом, когда увидишь дядю Пашу, скажи: “У вас волшебник был, гриб вам оставил”.

Машка подумала и говорит:

— Больших нельзя обманывать.

— А маленьких можно?

— Маленьких можно.

— Ну, погоди, тогда я тебя сейчас обману.

Радостно:

— Обмани!!!

* * *

Вчера под вечер мы ходили втроем, делали запасы топлива к 4-му. Плита у нас есть, а дров нету.

Конечно, Машка занимается этим делом с восторгом.

1.8.60.

Уже совсем большая наша Машута. Вечером вчера, перед тем как укладывать ее спать, гуляли в сгущающихся потемках.

— Смотри,— сказал я,— какой красивый закат!

— Да. Лиловенький. Очень красиво.

Бродили в потемках, взявшись за руки, говорили о всякой всячине.

* * *

А утром сегодня Машка часа полтора прилежно сидела в саду, чистила (одна!) красную смородину на кисель.

* * *

Ходили на Лугу, я мылся, а Машка... Машка должна была копать колодец, а вместо этого полтора часа ревела и хныкала, боялась: рыбок, собаки, стрекоз, крапивы... Конечно, явление это болезненное, и бороться с ним надо средствами тонкими и хорошо обдуманными. А я пока что ничего, кроме гнева и насмешек, не придумал.

Насмешки хороши, полезны— до поры до времени и в меру. А перегнешь палку— и можешь утвердить ребенка в том мнении, что он действительно личность неполноценная, неисправимый трус.

* * *

Очень меня огорчает (по-настоящему переживаю это событие) исчезновение девочки Тани. Смотрю на этот факт глазами Машки, и мне очень больно: почему вдруг она перестала ходить? Не понравилось? Большая уж, чтобы играть с четырехлетком? Родители запретили? Как ни поверни— обидно.

Думаю, что и Маша обижена, оскорблена, хотя анализировать и находить мотивы она, конечно, с такой дотошностью не может.

2.8.60.

Вчера вечером ходили втроем к тете Нине, у которой мама покупает картошку. Живет эта тетя Нина далеко— за Лангиной горой.

Идем и вдруг— неожиданная встреча. Две девочки. Одна из них— соседская Таня, коварная Таня, изменившая Машке ради очень милой особы своего возраста.

Машка смотрела на Таню и на свою “соперницу”, и я сердцем чувствовал, как она, не понимая, переживает измену.

Слабым вознаграждением за эти переживания был подарок, полученный Машкой от сына тети Нины, тринадцатилетнего

парня, ремесленника. Это— сплетенный (и очень ловко, художественно сплетенный) из травы “петух-курица”— головной убор, напоминающий не то шапку Мономаха, не то убор вождя индейского племени.

Обратно одну остановку ехали автобусом.

* * *

На днях услышала поздно вечером гудок паровоза.

— Ой! Поезд?! Почему он не спит?

— Поезда не спят, Маша.

— Как не спят? Ты же говорил в Ленинграде, что трамваи в парке Ленина спят.

Не сразу понял, что она спутала трамвайный парк с парком Ленина.

— А как они спят? Рубашечки надевают? Или совсем раздеваются?

* * *

Вечером вчера событие: в гости к Маше пришли две девочки: уже известная нам соседская Таня и другая офицерская дочка— Оля. Обеим по семи лет, но они охотно играли с Машей. Может быть, тут помогало и то, что в роли связующего звена, в роли “коверного”, выступал я. Играли в магазин, по очереди исполняли роль продавца, а остальные стояли в очереди и ждали открытия магазина. Потом покупали рыбу, мясо, картофель, лимонад, конфеты, капусту и прочее и прочее.

На четвертое эти девочки и некоторые другие, а также один мальчик— Саша с Малой Посадской— приглашены к Маше в гости.

Одна из девочек, перед тем как уйти, сказала Элико:

— Я не знаю, что Маше подарить. Хотела цветов ей в нашем саду нарвать, а она говорит: мне цветов не надо.

Мама стала стыдить Машку:

— Ах, Машенька, как это нехорошо! Разве так говорят? В таких случаях надо сказать: “Да что вы! Мне ничего не надо, приходите так”.

Я сказал маме, что это— урок лицемерия.

Но Маша этим советом все равно не воспользовалась. Она, говорят, вспыхнула, потом подумала немножко и говорит:

— Хорошо. Принесите мне цветов. Фиалки и тюльпаны.

А ведь завтра нашей дочери исполняется четыре года!..

ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ

4 ГОДА

4.8.60.

Проснулась около восьми часов утра. На дворе было прохладно, даже холодно, но откуда-то из-за ближнего леса уже выглядывало солнце. Папа через окошко поздравил Машу, предложил ей делать гимнастику. Машка вышла, позевывая, в соседнюю комнату и— глаза вытаращила: на трех раскладушках спят три лохматые тети (тетя Ляля, тетя Ира и тетя Нина Колышкина), а в придачу к ним на полу развалился наш старый друг Синдбад.

Гимнастикой занимались недолго. Ходили с гостями к роднику, умывались там, принесли воды для чая.

Маша была свидетелем малоприятного происшествия: видела, как Синдбад подрался с овчаркой нашей молочницы.

Вообще этот гость многим доставляет неприятности. Еще ночью наш кот, узрев это чудовище, в ужасе метнулся по дереву на крышу, и Элико не знала, как его оттуда достать. Пришлось лезть на крышу автору этих строк.

Побаивается Синьку и Маша. Только что она заявила тете Ляле:

— Тетя Лялечка, Синдбаду надо дышать воздухом, прогони его.

Получила несколько поздравительных телеграмм. Получила много подарков: от папы— пятнадцать маленьких куколок (по числу советских республик), от мамы— платье, от тети Ляли— тоже платье, от других гостей— утюг, мясорубку, мячик, магазинные весы. Приняла (вчера еще) повестку на посылку из Ленинграда. Ниночка Васильевна Пластинина прислала очень интересную и полезную книгу— “Памятка грибника”.

5.8.60.

Вчера после обеда я задремал и пропустил торжественный момент появления Машиных гостей. Мама уверяет, что зрелище было бесподобное. Девочки (две Тани, Оля и Лариса) шли гуськом, торжественные, благостные, нарядные, с бантами на головах, и у каждой в руке— букет.

Позже появился и ленинградский Машин приятель Саша Хагемейстер. Недолго гостил у нас маленький Сережа, внук “тети Нины”, лужанки, о которой говорилось выше.

Ребята долго сидели за столом, угощались. Потом играли в саду— со мной и с Сашиной мамой.

Маша никогда еще не выступала в роли хозяйки. И не привыкла к такому большому обществу своих сверстников. Это

сказалось на ее поведении. За столом то и дело слышался ее голос:

— А мне?

Впрочем, среди гостей (если не считать промелькнувшего как метеор трехлетнего Сережи) она была самая маленькая.

К концу вечера немного развинтилась, куролесила свыше меры, но, в общем, была счастлива, весела и вела себя на пятерку с минусом.

7.8.60.

Мама и тетя Ляля ездили в город и получили на почте посылку— подарок от дяди Пети и тети Лели Морозов. Этот довольно объемистый ящик папа привез от автобусной остановки на велосипеде.

Ящик вскрыли. В нем оказался медицинский набор “Доктор Айболит”. Таких наборов у Маши скопилось уже пять или шесть комплектов. Всё дарят и дарят. Странные подарки. Мне в детстве такого не дарили. Но этот комплект оказался всем комплектам комплект. Над ним поработали золотые руки дяди Пети. В парусиновой сумке с красным крестом— кроме положенных предметов— Машка обнаружила: поильник, мисочку, косынку медсестры с красным крестиком, миниатюрную клизмочку, набор медицинских “банок”...

В косынке медсестры и с повязкой на рукаве Машка ходила со мной в деревню, где Любовь Ивановна сделала мне последний укол.

* * *

Когда возвращались домой, на небе уже сияла огромная, полная луна, появлялись одна за другой звездочки. Я рассказал Маше о звездах, то есть сказал, что их много и у каждой есть свое имя. Обещал позже, когда стемнеет, выйти с ней еще раз и рассмотреть как следует звездное небо.

Очень огорчилась, когда узнала, что звезды ночью не спят. Ей казалось, что, когда она спит, и все должны спать.

9.8.60.

Вечером была у Маши соседская девочка Таня. Машка почему-то не хочет называть ее по имени. Говорит просто:

— Ко мне девочка пришла. Ой, это моя девочка! Девочка, давай, ты будешь мама, а я буду дочка...

Я спросил у нее:

— Ты разве не знаешь, как зовут эту девочку?

Сначала сказала:

— Забыла.

Потом подумала и говорит:

— Знаю.

— Как?

— Таня.

— Так почему ж ты ее по имени не зовешь?

Не ответила. И я не мог понять (и сейчас не могу), чем ей эта “девочка” приятнее “Тани”.

Впрочем, нет, кажется, понял. Таня, Люся, Катя, Оля, Тамара — так зовут Машкиных кукол. Все это уже было. А тут— моя девочка! Не “моя кукла”, а “моя девочка”, живая, всамделишняя, говорящая, бегающая, по-настоящему радующая и по-настоящему обижающая тебя.

Вот именно: не “Таня”, а “девочка”.

* * *

Играли “в поездки”. Ездили из Луги в Ленинград, в Разлив, в Сибирь, во Владивосток.

Тане семь лет, она в сентябре пойдет в школу. Жизненный опыт ее богаче, отец ее— полковник, девочка много где побывала... Машка в ее четыре года сильно отстает, многого не знает, но все-таки и у нее есть кое-что за плечами...

Таня. Я— в Сибирь на самолете!

Машка в Сибири не бывала, на самолете не летала. Она пользуется своим опытом и своими познаниями:

— А я— в Разлив на лодке!..

И плывет на лодке, вовсю гребет понарошными веслами.

В Луге у обеих девочек “квартиры”. Приехав, они обстраивают их. Машкино воображение и тут не отстает от Таниного. Работает, пожалуй, даже активнее. Но, может быть, это как раз свойство возраста. Ведь от двух до пяти— это самый расцвет таланта. Может быть, потом это гаснет, человек становится серьезнее, стесняется играть, выдумывать, упиваться фантазией?

Я тоже принимал посильное участие в игре. Играю до тех пор, пока чувствую, что не мешаю...

Потом Машу позвали ужинать.

— Девочка, идем со мной ужинать,— говорит она Тане, которая все еще летит на самолете во Владивосток.

* * *

Во время игры Таня вдруг спрашивает Машу:

— Тебе кто больше нравится: я или Оля?

Машка, святая душа, отвечает не задумываясь:

— Оля.

Пришлось вмешаться в этот разговор мне:

— Таких вопросов, Таня, не задают.

— Почему?

Давать семилетней девочке урок лицемерия мне тоже не

захотелось, я не ответил ей, а сказал:

— Маша тебя и Олю любит одинаково.

А через минуту слышу опять:

— Нет, правда, Машенька, кого ты больше любишь?

— Я же тебе сказала: Олю!

* * *

До появления Тани мы с тетей Лялей ходили на колодец за водой, поливали хозяйские огурцы, свеклу, малину, яблони... Машка работала ловчее и охотнее других.

11.8.60.

Вчера проводили тетю Лялю и тетю Иру. Гости шли пешком, а провожающие ехали в автобусе. Такая невежливость объясняется тем, что с гостями был Синдбад, которого в автобус не пускают; а с провожатыми была Маша, которая не очень-то может спешить, а спешить надо было...

Впечатлений у Машки много. Она была в настоящем железнодорожном вагоне, видела настоящий паровоз, была на вокзале и видела колокол, о существовании которого знает из стихов Саши Черного.

Тут же на вокзальной площади купили билеты на ленинградский автобус. Сегодня в 14. 20 мама и Маша едут делать Машке очередной укол. Папа собирается провожать их.

Маше со мной расставаться не хочется. Она уговаривает и меня ехать:

— Купи тоже билетик и приезжай.

Потом говорит:

— Можешь с нами в одном автобусе ехать.

Я говорю:

— Билетов больше нет.

— А может, еще принесут билеты?

12.8.60.

Ехать Машка очень хотела и в то же время очень боялась. Ведь ей не что-нибудь, а укол должны были сделать.

Это я очень хорошо понимаю. Это все равно как если бы мне предложили поехать, скажем в Венецию или в Париж, где я должен был бы подвергнуться серьезной операции. Тут и Монмартра, и гондольеров не захочешь.

13.8.60.

Вчера ездил встречать своих путешественниц. Машкину белую панамку увидал и узнал издали— в окошке автобуса. И она меня сразу узнала, когда я постучал по стеклу палкой.

* * *

Вчера же показал ей несколько хорошеньких сыроежек, которые нашел накануне во время своей одинокой прогулки в

лесу.

Она расспрашивала меня:

— Ты где был? Когда? Далеко? А ты, когда ходил, взял с собой... как это... я забыла... который вертится...

И нетерпеливо:

— Ну скажи!!

— Что сказать?

— Скажи: как? Как называется!

— Что?

— Который Тбилиси показывает. Термос?

— Какой термос?

— Нет... не термос. Ну, как его? Ну, скажи (то есть подскажи)... Который вот так делает (показывает, как вертится и колеблется стрелка).

Тогда я пожалел ее и понял:

— Компас?

— Да, да, компас? Брал с собой?

— Сегодня брал, а вчера без компаса ходил.

* * *

О том, что такое дождь, уже давно забыли.

14.8.60.

Время летит на реактивном самолете. Давно ли Машке не было четырех, а вот уже пошел десятый день на пятый год!

* * *

Вечером уложили в девять, но до половины одиннадцатого она не могла уснуть.

Плакала. Даже вспотела вся. Пришлось мне прилечь рядом. Поговорили немножко шепотом. Держал ее за потную ручку и рассказывал какую-то ерунду.

Она прислушивалась к голосам мамы и тети Минзамал, которые работали на веранде и очень громко говорили. Я прикрыл дверь и сказал:

— Не кричите, пожалуйста!

— Нет, нет,— встрепенулась Машка.— Пусть кричат!

15.8.60.

Ходили вчера по-над берегом Луги в сторону Киевского шоссе.

Перед уходом мы с Машей сорвали с грядки огурец, взяли несколько кусочков хлеба и все это заначили в карманы. Я сказал ей:

— В лесу мамочка захочет есть, скажет: “Эх, хорошо бы сейчас огурчика съесть и хлебцем закусить...” А ты скажешь: “Тук-тук-тук. Пожалуйста!” А мама: “Ах!”.

Машка несколько раз просила повторить эту сценку. Но

условий игры не поняла. Еще в саду стала вынимать из кармана пакет с хлебом.

— Можно?— спрашивает у меня.

Пришлось сказать:

— Рано, рано.

В лесу я давал наставления уже не ей, а маме. Попросил ее громко сказать:

— А неплохо бы сейчас закусить, хлебца поесть или огурчика!..

Мама, надо признаться, тоже не сразу поняла условия игры. Но потом все пошло как по маслу. И когда мама сказала: “Ах, откуда здесь огурец?! И хлеб!!!”— Машка возликовала.

Закусывали, сидя на свежем пахучем сене. Потом лежали недолго.

Потом, уже в виду Киевского шоссе, по которому бежали маленькие машины и автобусы, встретилось неожиданное препятствие: заболоченный ручей, впадающий в Лугу, и заболоченные берега его. В кустах на берегу этого ручья нашли очень красивые белые цветы: маленькие на высоких стеблях.

Перебрались через ручей и болото в другом месте. Промочили башмаки, дальше всем семейством шли босиком. Хотели переходить Лугу вброд, но пошли берегом.

Машка чувствовала себя весь день неважно, а тут еще трахнулась, ушибла ногу. В виде исключения из правила я нес ее недолго на плечах.

* * *

А правило у нас такое: никогда, ни при каких обстоятельствах не брать Машку на руки, на плечи, закорки. Я помню племянницу Иринку, которую любящая мать до шести лет таскала во время прогулок на плечах. “Эгоистку растишь”,— говорил я. И вот, следуя своему “учению”, сам никогда не сажаю Машу на плечи. И она не тянется, не просится.

* * *

Запишу здесь, кстати, несколько наших “заповедей”, несколько правил, которых мы с Аленой свято держимся вот уже без малого четыре года.

Только что я написал, что мы никогда не берем Машку на руки. Это неверно. Берем. В трамвае. В автобусе. В метро. Зато, если в вагоне стоят, она никогда и ни за что не сядет— даже на места “для детей и инвалидов”.

Так учили меня. Так следует, по моим представлениям, учить ребенка, если он здоров и если уже вышел из грудного возраста.

Да, правда, нам уже не один раз влетало от чадолюбивых наших ближних— в том же метро и в том же автобусе:

— Смотрите-ка! А? Отец с матерью расселись, а ребенок стоит!

Элико в этих случаях любезно, без раздражения, с улыбкой объясняет окружающим нашу позицию:

— Да, стоит. Она у нас, вы знаете, уже большая. Ей уже почти четыре года!

— Вы только подумайте! Четыре года ребенку, а его стоять заставляют! Садись девочка...

И добрая женщина демонстративно поднимается и уступает Маше место.

Машка смущенно улыбается, качает головой, говорит “спасибо” и остается стоять.

Многие поддерживают Машку, хвалят ее. Но чаще все-таки удивляются и возмущаются.

Удивляется и балбес лет четырнадцати, сидящий напротив. Не удивляются, потому что занимают места в другом конце вагона, два молодых человека лет по семнадцать-восемнадцать. Они сидят, вытянув ноги в узеньких брючках, а лицом к лицу с ними болтается из стороны в сторону, повиснув рукой на ременной петле, сморщенная и сгорбленная старуха с узлом.

Молодых людей тоже ругают. И ругают не менее пылко, чем нас:

— Молодежь пошла! Стыд! Срам! Никакого уважения к старому человеку...

Правильно. Верно. Никакого уважения. А кто виноват в этом? Да прежде всего мы сами, уважаемые товарищи! Не потому, что не требуем от них сейчас, а потому, что не научили их, когда они были маленькие.

Может быть, четырехлетнюю девочку, если она устала, можно и посадить— не на отдельное место, так хотя бы к себе на колени. Может быть, четырехлетнему даже и уступить место не грех. Но ведь как бывает? Раздвинулись дверки, в вагон хлынула толпа. Полная дама со следами сердечной болезни на лице испуганно кричит:

— Вова, садись!..

И розовощекий двенадцатилетний мальчик, поискав глазами, плюхается на единственное свободное место.

Вагон пошел. Он сидит. Мать стоит рядом.

Стыдно ей? Больно? Думаю, что и стыдно и больно. Но сказать сыну: “Уступи мне место”— ей и в голову не придет. Почему? Да ни почему, а просто он так воспитан. С тех пор как этот мальчик помнит себя, и мать, и отец, и бабушка стояли, а он сидел. “Закон природы!” Сидел и в пять лет, и в восемь, и вот сидит в двенадцать. Будет сидеть и в тринадцать, и в

четырнадцать, и в шестнадцать... И когда ему в вагоне чужие люди делают замечание, он смотрит на них с удивлением: это кажется ему какой-то дикостью, каким-то старомодным предрассудком.

* * *

Вчера мама вывесила в саду проветриваться одеяла и покрывала. Мы с Машкой устроили себе очень уютное жилище: раздвинули нижние полы покрывала, прижали их к земле камнями, получилась палатка.

Делая во время работы передышку, я выходил в сад, и мы минуток по пять играли.

Она все-таки глупенькая, жизненный опыт у нее такой куцый.

Я объяснил ей, что мы путешествуем, ловим рыбу, охотимся.

— А как охотимся? Зачем охотимся?

Потом говорит:

— Я пойду ловить рыбу.

Приносит на тарелочке несколько щепок.

— Вот, поймала! Смотри, какая рыба!

— Ого! Это какая же рыба?

— Жареная. Пойду ее чистить.

* * *

Вечером, перед сном, ходили в лесок, где по утрам занимаемся гимнастикой. За нами увязался и наш Кисоня. Машка играла с ним, кидала шишки, а он ловил их. Я стоял в стороне и любовался, как дружно играют, забавляются два звереныша.

* * *

Ходили на Дальний колодец, поливали огурцы, помидоры и прочее. Ждали дождя, но он так и не пролился.

Закапал дождь нынче утром, когда мои еще спали, а я вышел в сад делать гимнастику.

Было начало девятого. Вот тут-то и припустил настоящий, шумный, веселый летний дожжок.

16.8.60.

Маша прихварывает, лежит.

Заходил к ней сейчас. Вся, до глубины души, увлечена рисованием. Нарисовала мячик, “как у меня”, то есть синий и красный. Нарисовала красный гриб на тоненькой ножке. Наконец нарисовала девочку, у которой один глаз как глаз, а другой— огромный и сплошь синий.

Я посоветовал сделать девочке очки— темные, от солнца.

* * *

Перечитал свою вчерашнюю запись о “сидящих детях”... Да, мы часто сами не понимаем, насколько важны и существенны эти мелочи. И как опасно в вопросах воспитания откладывать что-

нибудь “на потом”...

Тут, как и во многих других случаях, возникает вопрос: хорошо, но в какой же именно момент, когда, в каком возрасте мальчик или девочка должны впервые уступить место старшему? На этот вопрос я уже ответил: по-видимому, в том возрасте, с той минуты, когда здоровый ребенок может стоять. Если это его немножко и утомит— не страшно. Но именно в этом самом цыплячьем возрасте для ребенка должно стать законом: если ты где-нибудь сидишь, и появился взрослый, и другого свободного места нет, тебе следует сразу же подняться и уступить место.

Так воспитывали меня.

В годы моей юности это уже называлось “буржуазным воспитанием”. В то время в широких кругах нашего общества “буржуазным” и “чужеродным” именовалось все, или почти все, что досталось нам в наследство от старорежимного прошлого. И стихи Пушкина. И галстуки. И шляпы. И “хорошие манеры”. И уважительное отношение к женщине...

В свое время “хорошее воспитание” и в самом деле было уделом привилегированных. У “простых” людей не было для этого ни времени, ни лишних денег. Не было и соответствующих традиций.

А классовый, сословный характер этого воспитания не мог, разумеется, не наложить на него своего отпечатка.

Помню, с каким нетерпением, даже азартом ждал я в детстве появления в вагоне трамвая взрослого. Особенно приятно было вскочить и уступить место военному. И особенно— раненому. Не моя вина, что эти раненые были офицеры. Нижним чинам сидеть в трамвае вообще не полагалось. Им было позволено только стоять и только на площадке!..

Может быть, отсюда (отчасти несомненно отсюда) и возникло когда-то в нашем советском обществе отношение к этим правильным, человечным нормам поведения как к чужеродному, как к какому-то глупому буржуазному предрассудку.

Вообще сколько на моей памяти избаловали, испортили своих детей люди, вышедшие из народных “низов”.

Одинаково нелепым и вредным было в их поведении и брезгливое отталкивание от всего “буржуазного”, и, наоборот, некритическое подражание этому буржуазному.

— Сама, бывало, недоем, недопью, а дочку растила принцессой,— не раз говорила мне NN, человек, казалось бы, неглупый, интеллигентный. И объясняла, оправдывая свою позицию:— Достаточно, что мы с братьями хватили в детстве лиха. В одних башмаках по очереди бегали в церковноприходскую...

И вот— сколько слез, сколько бессонных ночей и преждевременных седин от этой изящной, “воспитанной”, играющей на рояле, говорящей по-французски “принцессы”.

Боже избави усвоить хоть что-нибудь от этого внешнего “воспитания”, от этой глупой животной любви, когда все уходит на служение чреву, на вкусную еду, на лакомства, на игрушки, на башмачки и бантики, и совсем не думается о душе, о воспитании человека, о воспитании в высоком смысле, без кавычек.

Как я рад, что у нас с Аленой в этом вопросе никогда не было хоть сколько-нибудь серьезных разногласий.

Да, мы очень часто допускаем ляпсусы, ошибаемся, но у нас есть верный критерий, и это помогает нам если не исправить обнаруженную ошибку, то хотя бы заметить ее и не повторить.

* * *

Конечно, маленькому ребенку надо отдавать все лучшее (да и как могут любящие отец и мать не отдать лучший кусок своему ребятенку?). Но, думая о насыщении ребенка, о его росте, весе, обмене веществ и прочем, нужно думать и о его духовном росте. Нет, это не громкие слова. Если ты отмечаешь на косяке двери метры и сантиметры твоего Пети или Вовы, найди способ следить и за его внутренним мужанием. Если ты растишь эгоиста, себялюбца, грош цена всем твоим заботам и твоим жертвам!..

Отдавай с радостью лучший кусок сыну или дочери, но постарайся сделать так, чтобы и для него (для нее) стало радостью этот лучший кусок протянуть тебе!..

* * *

Отдавай лучший кусок, но делай это по возможности незаметно!.. Не акцентируй!

Вот появилась первая клубника. Ее мало, она дорога. Купили совсем немного— главным образом для Машки.

И все-таки мама делит эти триста граммов на четыре части: тете Минзамал, папе, маме и Маше.

Незаметно для Машки папа и мама свое могут и не съесть, оставить, спрятать. Могут угостить Машку, показав добрый пример. Но никогда, никогда не бывает такого:

— Это клубника только для Маши!

Нет, никакой исключительности. Никаких принцесс и никаких шахинь в нашем доме!

17.8.60.

Сегодня одно явление заставило меня крепко почесать в затылке. Маше четыре года, у нее хорошая память и вообще голова не пустая. Тогда чем же объяснить такое вот?

Я предложил маме и Маше поехать в Лугу, на знаменитые Заречные улицы.

— Я не хочу на Заречные,— заявляет Машка.

— Почему?— удивилась мама.

— Мы лучше из Ленинграда туда поедем.

В чем дело? Не отвечает. Молчит. Смущается. Потом что-то говорит маме на ухо.

— Представь себе,— говорит мама.— Она жучка боится.

Потом я вспомнил, что когда мы на днях предприняли неудачную попытку побывать на Заречной стороне и возвращались от остановки домой, я нашел на тропинке навозного жука, хотел показать его Машке, но она дико заревела и завопила:

— Не хочу! Боюсь! Бою-у-усь!

Эта тропинка, идущая через картофельное поле, Маше очень хорошо знакома. Десятки раз она ходила и бегала по ней. Сегодня утром мы ходили по этой тропинке в булочную. И никакого жука она не боялась. А тут одно упоминание о Заречных улицах вызвало у нее эти страшные ассоциации. От глупости это или от сложности?

Поедем ли— не знаю. Зависит от Машки. Если она будет нюнить и хныкать, ничем хорошим эта поездка не кончится. Лучше не начинать, отменить,— разумеется, под предлогом более благовидным и солидным.

17.8.60.

Перед ужином ходили вдвоем в лес. Набрали четверть корзинки грибов (сыроежек и немного лисичек), чуть-чуть брусники и— главное— нашли в лесу на мусорной куче цветущий куст картофеля. Выдернули, а там— две маленькие, совершенно игрушечные картошечки.

Машка их бережно несла в потной ладошке, мечтала, как положит их на ночь в воду, потом сварит и будет угощать меня— с хлебом, с луком, со сметаной, с укропцем...

А вообще-то ест последнее время (особенно после возвращения из Ленинграда) очень неважно и, по наблюдениям мамы, даже похудела.

* * *

Любит употреблять “взрослые выражения”. Последнее время пристрастилась к слову “по-моему”.

— По-моему, круглая корзиночка была здесь. По-моему, да. Куда же она девалась? Интересно!..

* * *

Мама рассердилась на Машку. Говорит с нею в повышенном тоне.

Машка (плаксиво). Не кричи ты на меня... Я люблю, когда мы дружно живем.

* * *

Сегодня мои дамы встали поздно. Я уже отзанимался гимнастикой, когда они только градусник под мышку совали.

Наблюдал, как Маша под маминым руководством занималась гимнастикой.

Сплошная игра.

Едут в Тбилиси к бабушке.

Сначала на поезде.

Потом— на самолете.

Потом— пароходом.

Потом— опять поездом.

В Ленинграде, по пути на вокзал заходят в Зоопарк. Там видят разных зверей. И всех их изображает Машка:

ходит обезьяньим шагом;

стоит, поднимая и опуская хобот, как слон;

ходит на четвереньках (это медведь), подбирая огурцы, предварительно разложенные мамой... И так далее.

Единственный минус этих занятий в том, что движения слишком вольные. Впрочем, если составлять программу занятий обдуманно, можно найти достаточно и активных упражнений, то есть таких, которые требуют мускульных усилий, независимо от воли и желания маленького гимнаста (таких, как “медведь, ходящий на четырех лапах” и тому подобное).

19.8.60.

Сварила вчера (по-настоящему, в маленькой кукольной кастрюлечке, на электрической плитке) найденные нами крохотные картофелинки и с помощью мамы приготовила настоящий винегрет. Прибежала ко мне:

— Иди! Иди! Винегрет приготовили! С подсолнухом мясом!..

Бедное подсолнечное масло! Во что оно превратилось в ее ликующей скороговорке.

* * *

На днях показывал ей головоломку: два железных крючка, две металлические петли, вдетые одна в другую. Требуется их разомкнуть.

— Дай мне!— говорит Машка и протягивает руку. Конечно, ничего у нее не получается.

— Нет,— говорю я,— тут головой поработать надо.

И она, нисколько не удивившись такому наставлению, с очень серьезным видом начинает бить головой по головоломке.

23.8.60.

Третьего дня ходили с Машуткой вечером за хворостом (впрочем, это было не третьего дня, а раньше). Я спросил у нее, что она мне подарит на день рождения.

Лукаво улыбнувшись, она сказала:

— Это— сервиз.

— Что?! Как ты сказала?

— Сервиз.

Не сразу понял, что в “сервиз” превратилось слово “сюрприз” (так же как на днях слово компас в Машкиных устах превратилось в термос).

* * *

У нас гости.

Вчера днем ездили (тетя Ляля, тетя Ира, Машка и я) в Лугу встречать Иру-маленькую и дядю Игоря.

Машка очень любит Игоря, он тоже любит детей (в том числе Машу), но обращаться с ними не умеет, умеет только играть и баловать. И это уже сказалось на Машке. Она развинтилась, капризничает, в голосе ее появились командирские нотки:

— Принесите мне то-то. Этого не хочу.— И так далее.

Утром сегодня пришлось при всем честном народе выставить ее с веранды.

* * *

Вечером вчера ходили в лес, собрали довольно много брусники. Машка, впрочем, не собирала, сидела на спине у дяди Игоря, который изображал волка и полтора часа ходил на четвереньках.

24.8.60.

С упоением занимается всякой работой: собирает валежник, укладывает дрова в поленницу, поливает огурцы, помидоры и прочий овощ, развешивает и снимает с веревок белье, чистит ягоды... Мама научила ее штопать и уверяет, что Машка самостоятельно и очень будто бы неплохо заштопала мой носок. Не знаю; за что купил, за то и продаю.

* * *

Вчера мама и тетя Ира уехали в Лугу на рынок. В положенное время мы втроем (Ира-маленькая, Машка и я) отправились их встречать на Лангину гору. Пропустили шесть или семь автобусов — их не было. Игорь ездил ни велосипеде в Лугу, искал пропавших. Все мы очень беспокоились. Только одни Машка ни на минутку даже не нахмурилась. И я, глупый человек, сердился на нее, забыв, что в ее возрасте даже предположения о худом не может возникнуть. Вот если бы в Луге волки были!..

25.8.60.

Вчера в Машиной жизни было несколько событий. Во-первых, она ездила на лодке. Взрослые решили перебраться через Лугу и побывать в том заманчивом, волшебном лесу, который давно уже манил их своей сказочной дремучестью.

На воде Машка вела себя очень даже храбро. Впрочем, ей уже приходилось “пересекать водную гладь”— она каталась и на пароходиках и на катерах— в Ленинграде и в Разливе.

Лес действительно необыкновенный. В хорошее лето там должно водиться очень много грибов. Даже сейчас там больше, чем в других местах, всякой мелочи: сыроежек, горькушек, свинух... Много сочной брусники.

Провели в лесу часа три с половиной. Устраивали привал, завтракали, ели хлеб, сыр, помидоры.

* * *

Перед ужином зашла ко мне. Теперь, когда у нас гости, это бывает не часто.

Не помню, в связи с чем, стал считать ее пальцы:

— Один, два, три, четыре, пять...

— Нет,— говорит,— не пять, а три.

— Пять!

— Нет, три!!!

Пришла мама, сказала, что пора спать. И я тоже говорю:

— Да, да, спать, спать, Маша!

И вдруг заревела.

— Не хач-чу!!!

А через пять минут, когда мама разоблачала ее, сказала:

— Мамочка, я спать хочу! Я очень хочу спать.

26.8.60.

Вчера вечером уехал дядя Игорь.

Сегодня прохладный, грустноватый осенний день. Небо в серо-лиловых облаках. Солнце пробивается изредка. Грустновато гудит где-то очень высоко самолет: то провалится, то вынырнет. Покаркивают вороны.

Машка играет с двумя тетями Ирами на куче песка у недорытого колодца.

Обе тети сегодня собираются в Питер.

28.8.60.

В лес вчера не ходили. Папа и Маша ездили в Лугу; папе нужно было на почту, а Маше он обещал съездить с нею на рынок. Попали туда поздно, однако оба получили удовольствие. Очень уж хорошо пахнет в это время года и в такую прохладную, осенне-летнюю или раннеосеннюю погоду рынок. Виноград, яблоки, сливы, овощи, грибы, сено, конский навоз— все это смешивается в такую прелестную “гамму”, и все это не стоит на месте, а бродит, колышется, вливается в тебя вместе с другими запахами осени— прелым листом, дымом.

* * *

Спала Машка после обеда, без преувеличения, как убитая.

Будил ее минут двадцать, щекотал, сажал, ставил на ноги, она падала бессловесным тючком на подушку и продолжала спать. Больше трех часов спала, а если бы не разбудил— спала бы и еще...

...На рынке мы купили китайских яблочек, репы, ревеня, редиски (оба мы ее очень любим!), салата и прочее. Репу Машка в этом году ест впервые и ест с удовольствием.

* * *

Когда садились ужинать, появились две Машины подруги— Оля и Таня. Мама усадила их пить чай с вареньем. Я уходил на родник за водой и не слышал, но мама говорит, что между девочками шел очень смешной разговор. Семилетняя Таня поступает нынче в английскую школу. Ездила в Ленинград, держала вступительные испытания.

— Учительница мне сказала: “бест”. Я, правда, не знаю, что такое “бест”... Но зато я знаю по-английски “гуд бай”, “гуд мони”...

Машка этого бахвальства не выдержала:

— А я знаю по-грузински: “Генацвале, иди ко мне!”

29.8.60.

Дачная хозяйка купила и оставила нам на откорм четырех цыплят. Ежедневно— после завтрака, обеда и ужина— мы ходим с Машей кормить их. Конечно, для нее это большая радость.

Закрывая на ключ сарайчик, где помещаются цыплята, я объяснил, зачем это делают (ответил на ее вопрос: “А зачем ты закрываешь?”):

— Кошка может залезть или даже лиса.

— Ой, я боюсь!

— А чего тебе бояться?

— А девочек она ест?

* * *

Все эти дни приходит к Маше, играет с ней восьмилетняя Оля, внучка нашей молочницы. Играли они вчера в больницу, в сестер и докторов. В конце концов девочки поссорились и Оля ушла.

Мама спрашивает у Маши:

— Почему Оля ушла?

— Мы поссорились.

— Из-за чего же вы поссорились?

— Из-за чего?

Морщит лобик, задумывается. Всегда это меня умиляет: что делается там, за этой смуглой кожицей, за этой тонкой косточкой? Никогда, насколько я помню, не было, чтобы она ответила: “Не знаю”.

Но тут пауза затягивается, и мне приходится повторить вопрос:

— Из-за чего же вы,— я говорю,— поссорились?

— А я сама не знаю.

Я вышел в сад, вижу— Машка играет одна. Издали кричит мне:

— У меня больница здесь!

Подхожу, вижу— режет себе палкой руку.

— Ты что делаешь?

— Я ободрацию делаю.

* * *

День тихий, даже благостно тихий. Тепло. Но небо серое, осеннее.

А у нас захворала мамочка. Еще вчера, в Луге, кашляла и чихала.

А сегодня проснулась совсем больная. И все-таки готовила нам завтрак, хотела заниматься с Машей гимнастикой, но не была к этому допущена.

30.8.60.

Мама все еще хворает.

Машка спит рядом с ней в своей деревянной кроватке. Я объяснил ей, что мамочка больна, что можно от нее заразиться и чтобы она не лезла к ней целоваться.

Расстроилась.

— А ты ей ручку декалоном потри, чтобы я могла полуцевать ее.

Некоторые слова до сих пор не может научиться произносить правильно. (“Галавлю” вместо “говорю”, “луцевать” вместо “целовать” и так далее.)

День был кисленький, но до вечера серьезного дождя не было.

Приходили две Тани— маленькая и большая,— принесли ежа. Машка его гладила. Потом вынесли ежа в лес и отпустили. Он долго сидел, не двигался, потом решился и побежал.

С девочками занимался акробатикой и гимнастикой, потом сидели на полянке, рассказывали сказки.

В лес не ходили.

Топил плиту, Машка мне помогала.

Вечером и всю ночь шел дождь.

31.8.60.

Ездили в Лугу. Были в аптеке, я поднял Машку над прилавком, она с интересом смотрела, как тетя в белом халате выписывала квитанцию, щелкала на счетах. Я подумал, что позже Машка непременно будет играть в аптеку. Так оно и случилось.

Перед обедом выхожу в сад:

— Ты что делаешь?

— Я в аптеку играю. Приходи лекарство покупать.

Поиграл немножко. Покупал горчичники, йод, клизму, витамины...

Из аптеки прошли (вчера, а не сегодня, не по-нарошному, а по-настоящему) на рынок, покупали виноград, груши, редис, ревень и прочее.

Для Машки самое интересное в этом путешествии— не на рынке, не в городе, не в магазинах, а по пути к автобусу или от автобуса, когда мы идем по узенькой тропиночке картофельным полем. На этой тропинке попадаются теперь, когда идет уборка картофеля, малюсенькие, иногда величиной с горошину, картошечки... А в леске, по пути к автобусу, мы нашли вчера настоящий белый гриб. Да, первый за весь месяц! И в таком проходном месте!

1.9.60.

Вчера опять ездили в Лугу, в аптеку.

Взбираясь с Машкой на руках с передней площадки в автобус, папа подумал о том, что он, не признаваясь себе в этом, всю жизнь немножко завидовал людям, входящим в автобусы и в трамваи с передней площадки. И вот— дождался!

* * *

Мама у нас все еще хворает, кашляет... Сегодня она самочинно встала, но обещала не выходить.

Мы с Машкой собираемся в лес по грибы. Если нам там что-нибудь оставили. Мимо окна только что прошел дядька с корзинкой за спиной. Идет из леса. Корзина— полная.

2.9.60.

Ходили по грибы. Получили оба много удовольствия. Беляков и прочих вельможных и сановитых не нашли, но очень много принесли маслят, а они тоже вкусняцкий народец.

Ужин был на славу. Топили плиту, для чего мы с Машкой несколько раз ходили в лес за хворостом. Впрочем, на этот раз Машка ленилась, собирала только совсем маленькие хворостинки — “для кукол”.

На даче стало скучнее: Машкины подруги или разъехались, или пошли в школу. Подруг ее возраста у нее, кажется, никогда не было (если не считать Каринэ, с которой она видится не часто).

Сегодня ночью было очень холодно: заморозки или на грани этого.

3.9.60.

Вчера мы совершили вздорный поступок. Мамочка у нас еще

больна, Машка чихает, а со вчерашнего дня еще и покашливает. Я тоже хрипел, грудь заложена.

И вот мы— все трое— взяли корзинки и отправились в лес по грибы. Грибов набрали немного, зато попали под дождик, а попав под дождик, домой сразу не пошли, а собирали хворост. Дома топили плиту, а я еще рубил дрова, Машка таскала их. В результате— Маша и я сегодня лежим. Еще не совсем поправившаяся мама за нами ухаживает. Обычная картина дачной осени в семье Пантелеевых.

* * *

Вчера был град. Машка лежала, готовилась к дневному сну. Ее подняли, поднесли к окошку, показали.

Града она никогда раньше не видела.

Потом опять уложили. Она не заснула, но лежала тихо.

Я зашел посмотреть: как она?

— Папочка!

— Что?

— Когда мы в Ленинград приедем, ты мне град купишь?

— Как купишь? Какой град?

— Игрушечный купишь?

— Его не продают, Маша.

— Ну, сделаешь? А?

* * *

Хвораем. Лежим в разных комнатах. Утром приходит ко мне мама и рассказывает:

— Маша очень есть хочет. Я к ней сейчас прихожу, она спрашивает: “Кого ты первым кормить будешь?”— “Конечно, папу”.— “Ой, как я каши хочу!”

Я сказал:

— Покорми ее первой. Я подожду. Она— маленькая.

Мама идет к Маше:

— Папа просит покормить тебя первой. Потому что ты маленькая. А ты как думаешь?

Мама ждет с Машиной стороны взрыва благородства: “Нет, нет, что вы! Пусть папа первый ест!..”

Но Машка отвечает честно и прямо:

— Я тоже так думаю.

4 ГОДА 1 МЕСЯЦ

5.9.60.

Вчера, несмотря на недомогание, ходили с Машей в лесок за хворостом. Набрали полный мешок. Машка трудилась не за страх, а за совесть и все спрашивала:

— Я хорошо помогаю? Я хорошо работаю? Я ужин заслужила?

Позже отправились (пешком) на автобусную остановку встречать маму. Забрели на территорию пионерского лагеря, уже опустевшего, покинутого ребятами. Машка расспрашивала, что такое пионер, что такое лагерь. Я старался рассказывать поинтереснее, поувлекательнее, хотя, говоря наедине с самим собой, должен признаться, что увлекательного в этой теме вижу очень мало...

Сейчас я подумал, что раньше, когда не было Машки, этот вопрос волновал меня как-то меньше. Увы, своя рубашка действительно к телу ближе. Теперь я гораздо пристальнее смотрю и на школу и на пионерскую организацию...

В чем корень зла? Где причины увядания, очерствения, оказенивания нашего детского движения?

Причин много. Например, массовость организации, стопроцентный охват пионерским движением всей нашей многомиллионной детворы. Когда пионерское движение возникало (в годы нэпа), стать юным ленинцем мог не каждый— это было привилегией. Теперь это почти обязанность: наступает день, и весь класс— и не один класс, а все такие-то классы всех школ во всех городах всего Советского Союза становятся пионерскими. Отсюда и другое: нехватка талантливых, живых, увлеченных людей, стоящих во главе движения. Вожатым (как и учителем) сплошь и рядом становятся не по призванию, а волею случая или по назначению.

И главное: застывший статут. Стандарт. Умерщвлена, в зародыше убита всякая инициатива.

* * *

Перед обедом мы с Машкой рубили, носили и складывали в поленницу дрова. Поддаваться болезни не хотим.

После обеда Машка недолго спала, потом рисовала, писала письма... Потом ее привели ко мне. Я читал ей “Дюймовочку”. Впервые удалось дочитать эту сказку до конца.

На том месте, где спасенная Дюймовочкой ласточка оставляет девочку на произвол крота и старухи полевой мыши, Машка громко зарыдала. С трудом мне удалось успокоить ее, пообещав благополучное завершение рассказа.

Это с ней часто бывает— обливается слезами над чужим вымыслом. Впечатлительна, нервна, душевно отзывчива.

Люблю ее в такие минуты еще больше.

* * *

Вчера была у меня, читали стихи (Пушкина, Маяковского, Сашу Черного, “Конька-горбунка”). Понимает далеко не все, но слушает внимательно. Трудности понимания— главным образом в языке. Ведь для современного ребенка, да еще такого маленького, язык, каким написан “Конек-горбунок”,— это почти что церковнославянский. Как же она понимает? И что понимает? Понимает, в общем, довольно много. А как? Да так же, как и вообще понимает, постигает все то новое, что обрушивается на нее каждый божий день. Талантом берет, этой особой способностью ребенка— умением учиться, набираться ума-разума.

* * *

Началось это с такого диалога.

— Ну, я ложусь спать,— говорю я.

— Давай вместе спать?!!

— Нет, ничего у нас, матушка, не выйдет со сном.

С восторгом и надеждой:

— Пусть не выйдет!..

* * *

На днях Машка рассказывала маме сказку собственного сочинения. Мама эту сказку записала, а я переписываю:

“Жила-была курица. У нее были маленькие дитятки. Сколько? Сейчас посчитаю. (Загибает пальцы.) Один... два... три! Они были очень богатые. Они болели, мамочка их лечила, птичьего доктора вызывала, клизму делала, трубку делала. Доктор сказал маме: “Надо деткам горчичники ставить”. Самый маленький птенчик нечаянно простудился. Папа уехал куда-то по делам... в какой-то куриный город. Он уехал подарки покупать маленьким дитяткам своим. Потом дети поправились, а мама и папа уехали опять— отдыхать”.

— А с кем же они детей оставили, Маша?

— Они одни— в саду играли.

— Хорошо, Маша, мы с папой тоже уедем и тебя в саду оставим.

— Но я же не курица. Они не боятся одни, а я боюсь.

“Скоро папа и мама приехали, а за ними гости. Свинья приехала, маленькие мишутки приехали, коза приехала, козел, маленькие орляточки, маленькие тигряточки...”

(Продолжение следует.)

Мама (наша мама, а не курица) уехала на рынок, а без ее

помощи мне не обойтись, не расшифровать эти беглые заметки...

7.9.60.

(Продолжение)

“У-на, у-на, веселились,

У-на, у-на, веселились!..

Елочку поставили, танцуем и танцуем... Верблюд фрукты и конфеты принес, зайчик морковку и капусту, медведь принес шоколад, а котик принес мясо и молочко— в бутылочке... а мясо — в бумажке. И все удивлялись: что он такое принес? Когда они уходили, папа их провожал, а маленького куренка уже укачивали. А гости ушли и промокли. Бегемот нечаянно пришел... Он опоздал прийти... Куренок маленький уже спал. Но папа накормил его все-таки”.

— А что он ел, Маша,— бегемот?

— Кажется, кисель, мясо и чай. И лиса нечаянно опоздала.

— А что лиса ела в доме у курицы?

— Она добрая лиса была. Она только петухов ела.

— Как, Маша? Петухов?!! Значит, она и папу съела?

— Ну что ты, мама! Петуха она понюхала, а съела тесто.

— Какое еще тесто?

— На кухне. Честное слово, тесто съела. Потом все гости вернулись и стали есть. Опять все ели, ели... Ничего не оставили, все съели.

* * *

Другая сказка. Эту сказку Маша “читает” (будто бы читает):

— Книга называется “Никогда”. Никогда не жили петух и курица. Никогда они не дрались. Никогда петух не мучил курочку. И петуха никогда не мучили. Маленьких цыплят тоже никогда не мучили. И никогда не ели кашу. Потом петух стал художником, он рисовал: апельсин, лисичку и своего цыпленка, потом— яблоко, банан и грушу.

Художник рисовал длинное какое-то здание. Забор рисовал, грибы-счастливчики и ягоды...

(Поставленную перед собой “формальную задачу” уже забыла.)

* * *

Мама целовала Машу, и Маша сказала:

— Я какая-то обласканная.

8.9.60.

Ходили по грибы. Необыкновенный урожай маслят. В сосновом молоднячке за шоссейной дорогой набрали часа за полтора-два штук двести пятьдесят аппетитных крепеньких грибочков в коричневых клеенчатых шапочках.

Приволокли еще несколько больших хворостин. Вечером

топили плиту, варили, жарили и мариновали грибы. Машка получила еще одно удовольствие: чистила грибы. Правда, очень скоро ее погнали спать, но спать она не могла.

— Ты что не спишь?

— Не могу. Я думаю все.

— О чем ты думаешь?

— Как я буду чистить грибы...

* * *

— Ой, мама, хорошо, что ты пришла! Погрей мне, пожалуйста, животик. А то у меня обострение.

Слыхала, как говорили: “У нее с горлышком обострение”, “У меня с ногой обострение”.

* * *

Беспокоимся: давно нет писем от бабушки и от тети Ляли.

Сидим дома. За окном беспросветный дождь.

Ходит пастух с маленьким дамским зонтиком. Коровы почему-то все черные.

9.9.60.

Трудно объяснить, почему мы здесь живем, не уезжаем в Питер. И ночью, и днем без передышки льет дождь. Холодно. Вчера вечером тетя Минзамал перебралась из своего бельведера вниз, в столовую. Умываемся в комнатах. Гимнастики уже много дней не делали.

Кашляем и чихаем.

Но живем все-таки, не уезжаем. Главное, что работается мне хорошо. Да и надежда нас не оставляет, что будет еще и на нашем небе солнце.

* * *

Утром сидит за столом завтракает. Съела сыр, слизала масло с бутерброда, а хлеб оставила.

— Маша! Кто же так ест?! Разве так хлеб и сыр едят?

Прихожу через минуту. Съела и второй кусок сыра.

— Ты что же это?

И мама:

— Ай! Ай! Разве так едят?

— А я по-грузинскому.

Кто-то в ее присутствии действительно говорил, что в Грузии едят сыр куском, заедая его хлебом.

10.9.60. Суббота.

Вчера весь день просидели дома. Только папа под вечер вышел во двор нарубить дров.

Вечером занимались с Машей азбукой, складывали из черных вырезных букв слова.

* * *

Мама читала Машке рассказ Куприна, напечатанный в “Огоньке”. Там речь идет о петухе, которого загрызли соседские собаки. Маша слушала внимательно, потом перебила маму и говорит:

— Нет, ты неправильно прочла этот рассказ.

— Как неправильно?

— Я его не так поняла.

— А как ты поняла?

— Я поняла по-обыкновенному. Просто петух убежал, и его спасли хорошие собаки.

* * *

Как-то на этих днях мама спрашивает:

— Машенька, у тебя что-нибудь болит?

— Да, болит.

— Что же у тебя болит?

— Головка болит. Потом ручки, животик, ушко...

— Ах, вот как! Ушко болит?!

Подчеркивая эти слова, мама хочет сказать: ах, вот как? Тогда надо принять меры.

Но Машка понимает грозный тон этих слов по-своему.

— Нет, нет!— кричит она.— Не ушко! Ухо болит!

Дело в том, что я не рекомендую ей говорить: “Возьми меня за ручку”, “Дай мне кусочек”, “Я промочила ножки” и тому подобное.

И в самом деле— терпеть не могу эти сладенькие уменьшительные и ласкательные, которыми так неумеренно пользуются у нас в разговорной речи.

Куприн называл этот язык “языком богаделок и приживалок”.

* * *

Ужинает. Есть не хочется. Давит ложкой творог на тарелке.

— Смотри, мама, какие я размазняки делаю.

* * *

Выпятила средний палец, остальные прижала к ладошке.

— Смотрите! Смотрите! Средний палец на такси едет.

* * *

Погода немного разгулялась. Правда, небо свинцово-сизое, но в просветах иногда появляется солнышко.

Машку облачили в пальто, поверх пальто напялили плащик и в этом костюме космонавта выпустили в сад.

Играет одна. Мама уехала в Лугу, тетя Минзамал мыслями уже в Питере, куда сегодня уезжает, а папа работает.

Несколько раз за окном раздавалось:

— Папычка-а-а! Ты что делаешь?

Получив очень знакомый ей стереотипный ответ, понуро

удаляется.

Позже, когда папа кончит свой “урок”, пойдем в лес.

* * *

Пришли два письма от тети Ляли. Одно письмо, представьте себе, написано на горчичниках! Это— Маше подарок (здесь горчичников купить мы не могли).

— Нет, нет!— кричит Машка.— Не надо мне этого подарочка! Я боюсь!

11.9.60.

Вчера ходили втроем в наш лесочек, в тот молодой соснячок, где растет так много маслят. Опять набрали около трех сотен этих аппетитных грибков. Больше половины отдали тете Минзамал, которая уехала вчера на три дня в Ленинград.

Машка отличная грибница. Мы с мамой, старые опытные волки, зубры, набрали на каждого по сто с небольшим грибов, а Машка— четырехлетняя— собрала 57 штук.

А утром мы с нею ходили еще и за дровами. Собирать хворост и всякие деревянные колобашки— это почти так же интересно, как собирать грибы.

И уже поздно вечером опять ходили с мешком. На этот раз у нас была двойная цель: искали еще ножичек, который потеряла Маша, когда мы возвращались из похода за маслятами. Ножа не нашли.

* * *

— Мама, ты знала, что у тебя девочка родится?

— Нет, не знала.

— А когда я в животике была— ты тоже не знала?

— Нет, тоже не знала.

— А кого ты хотела— мальчика или девочку?

— Папа хотел мальчика. Он говорил: “Если будет мальчик, назовем его Ваня”.

— А ты?

— А я хотела девочку. Я говорила: “Если родится девочка, назовем ее Машенькой”.

Маша— с улыбкой, с довольным и даже торжествующим видом:

— Хорошо, что я родилась!!!

* * *

— Бедная девочка!— говорит мама.

Почему же это она бедная?

Выхожу во двор и тоже испытываю жалость к нашей Маруське.

— Папа! Папа! Смотри! Театр!..

Посадила на скамейку своих маленьких кукол, мишку и кота

в сапогах и изощряется— прыгает, поет, танцует перед ними.

Ах, как не хватает ей братика, сестрички или “подрлуги”.

* * *

Вчера день был преотличный, не жаркий, даже не очень теплый, но солнечный.

Сегодня— похуже. Дождя нет, но и солнца не видно. После завтрака ходили с Машей кормить хозяйских цыплят.

Машка несла миску, куда мама вылила гущу от вчерашнего супа, и накрошила хлеб— белый и черный. Машка идет, смотрит на хлеб и говорит:

— Я белый хлеб больше люблю... Я грузинка, потому?

— Нет, Маша, ты русская. Это у тебя мама грузинка.

— А цыплята? Они— грузины?

14.9.60.

Играет в саду. Готовит, лечит кукол, ходит в гости, ездит в автобусах и на поездах... И все— одна. Как она цепляется за тебя, когда выйдешь на минуту в сад:

— Папочка, давай поиграем?!

Чувствуешь себя извергом, палачом, зверем, когда говоришь “некогда”.

Проводишь с нею, в общем, не так уж мало времени, даже очень много, а ей— мало. Ей нужен коллектив, товарищи и подруги. Зимой об этом нужно будет непременно и серьезно подумать.

* * *

Вчера вечером мама причесывала Машу. Говорит:

— Какая ты лохматая, Маша. Что это такое? Что ты за папуас?

Маша, искоса взглянув на нее:

— А ты знакома с папуасами?

— Да... знакома.

— Я тоже знакома.

— Где же ты их видела?

Дочка наша за словом в карман не лазает.

— Все мои друзья— папуасы,— говорит она.

Откуда вдруг это?

15.9.60.

Как-то раз, когда Машка просила меня “не ляботать”, а поиграть с нею, я имел неосторожность, если не глупость, объяснить ей, что, если я не буду работать, у нас не будет денег.

— Ничего, возьмем где-нибудь,— сказала она.

— Деньги, Маша, не берут где-нибудь, а зарабатывают.

— Ну и не надо их,— сказала она. И я стал ей растолковывать, что без денег не будет у нас ни хлеба, ни мяса, ни конфет. И платье ей не на что будет купить, и башмаки, и

чулочки... А я вот, мол, напишу рассказ, рассказ напечатают, мне за него пришлют денег и так далее и тому подобное.

Мама уже тогда сказала мне, что я “спускаю ребенка с небес на землю”. Не в том беда, что на землю, а в том, что ударение делается на деньгах. Ведь на самом-то деле не так.

Вчера утром вышел в сад. Машутка играет. Я принял участие в игре, но через пять минут должен был заявить, что пора за стол, надо работать.

— Не работай немножко! Поиграй!— взмолилась Машка.

— Нет, Маша, надо идти работать.

— Не надо. Мы можем сегодня не покупать. У нас мясо, кажется, есть. Денег не надо.

Пришлось растолковывать (именно растолковывать, а это не ахти как действует на ребенка), что работает человек— и писатель, и булочник, и столяр, и рабочий у станка, и продавец в магазине— не потому, что платят деньги, а потому, что работа доставляет человеку радость.

Не уверен, что она это поняла. А кроме того, первое впечатление всегда ярче и первое объяснение— убедительнее.

* * *

Рассказывал Маше про цирк.

— А там львы есть?

— Да,— говорю,— бывают.

И рассказал, как укротительница кладет свою голову льву в пасть.

— В Ленинград,— говорю,— приедем,— возьмем тебя в цирк.

— Давай пойдем,— соглашается Маша.— Только я сама не буду совать голову. Хорошо?

Это условие я принимаю.

17.9.60.

Вечером топили плиту, мама жарила пирожки, обещала и Машке дать теста. Машка смотрела на нее с таким жадным нетерпением, что сама призналась:

— Я вся дрожу.

Делала маленькие пирожки с каким-то черносмородиновым джемом.

* * *

А третьего дня вечером мы с Машей (позже к нам присоединилась и мама) вырезали и склеивали звериную карусель— очень приятно нарисованную, но не очень ловко подогнанную самоделку Т.Глебовой. Машка намазывала фотоклеем там, где я ей показывал, и опять вся дрожала:

— Я сама... сама!..

* * *

Говорили о разных профессиях.

— А я кем буду?— спрашивала Машка.

— Кем хочешь,— говорю.— Ты можешь сама выбрать себе занятие. Можешь стать доктором, учительницей, почтальоном, столяром, писателем.

— Буду писателем.— Но сразу же спохватилась:— Нет, доктором.

Потом говорит:

— Я буду доктором, но буду только подрлуг своих лечить. Я чужих дядей боюсь лечить.

* * *

Ночью сегодня было холодно. Когда я после работы, в 1 час 30 минут, выходил в сад, стоял густейший, какой-то зловеще-беспросветный туман. Может быть, и заморозки были. Когда занимались гимнастикой, все вокруг блестело.

День солнечный. На небе ни облачка.

Но— прохладно.

Сейчас 11 часов. Мама и Маша ушли в лес за брусникой, но быстро вернулись. На траве лежит такая роса, что Машка тотчас промочила ноги. Вернулась, переобулись, опять пошли. Обещал после работы и я прийти...

18.9.60.

Очень ей хотелось еще раз пойти в лес.

Я ее разбудил, говорю:

— Пойдем в лес?

— Пойдем!

— Давай одевайся!..

И она сразу же, по-солдатски, по-пожарницки стала одеваться: стянула с себя ночную сорочку, влезла в рубашку, натянула чулки, штанишки... Но оказалось, что уже поздно, и в лес мы не пошли.

Мама сушила грибы. Машу к плите мы не подпускаем, но папа дал ей несколько палочек-шампури, нарезал из черной, белой и красной бумаги кружочков и рассыпал их по всем комнатам. Машка “собирала грибы”, нанизывала их на палочки, сушила...

* * *

Утром сегодня говорит матери:

— Ты что мне каждый день говоришь: “Привереда! Привереда!” Что, тебе так нравится это слово?

* * *

Вернулось лето! Поют петухи, жужжат (шумно и весело жужжат) мухи... Только огород за моим окном являет собой картину самой несомненной осени: все жухнет, никнет, желтеет и

сереет.

Разве что морковка и укроп по-прежнему зелены, но и к ним подбирается седина-желтизна.

19.9.60.

Вчера в лесу мама рассердилась на Машу.

— Ты где пропадаешь? Ты что не откликаешься, не кричишь “ау”? Ты что, заблудиться хочешь?

— Я была на своих полянках.

— На каких своих полянках?

— У меня здесь есть две любимые полянки.

Привела, показала маме— одну и другую. Мама говорит, что и в самом деле, очень милые, уютные полянки.

Самое удивительное, что Машка ей сказала:

— Я, мамочка, люблю здесь одна бывать...

* * *

Машка, по словам мамы, пока не найдет первый белый гриб, слоняется по лесу мрачная, хнычет, скулит, сердится... Иногда мама из жалости “подстраивает” ей грибы. Найдет беляка, не срежет его, а зовет Машу:

— Машенька, иди сюда, здесь, по-моему, грибами пахнет.

Машка прибегает, и обе начинают нюхать воздух. В конце концов Машка натыкается на белый гриб.

— Ой, ой, белый! Белый нашла!

Но мама уверяет— и я согласен с нею,— что Машка “все отлично понимает”.

Вчера в лесу она зовет маму:

— Ой, мама, мама, иди сюда, грибами пахнет!

Мама приходит:

— Где? Да... пахнет...

— Ищи,— говорит Машка. И смотрит на сосенку. А там— два хорошеньких масленыша.

А когда считают дома грибы, подводят итоги, она говорит:

— Это я сама, без запаха нашла!..

То есть без подсказки.

21.9.60.

Вчера хозяйка зарезала одну из куриц, выкормленных нами. Мы с мамой, очень не хотели, чтобы Машка об этом узнала. Сентиментальность? Нет, просто рано еще...

* * *

А сегодня— огорчительное происшествие.

Все утро Маша провела с хозяйкой. Та снимает помидоры, копает картошку, и Машка все время с нею.

Потом мы ездили встречать маму. Я вел навьюченный велосипед, мама и Машка шли по тропинке следом. На

картофельном поле, которое уже почти полностью обобрано, Машка— и мы ей в помощь— собирали завалявшиеся маленькие светленькие картофелинки.

Была весела. Во всяком случае, я ничего не заметил. А ее, оказывается, что-то грызло.

У калитки нашего сада она задержала мать и, краснея, сбиваясь, захлебываясь, стала что-то бормотать:

— Мамочка... меня... тетя Женя... кормила...

— Чем кормила?

— Курицей... или петухом...

— И ты ела?

— Да... ела.

— А почему же ты не сказала ей, что тебе нельзя?

— Я сказала... я сказала, что мне не позволяют. А потом все-таки съела.

И тут мама спросила (меня рядом уже не было):

— А почему ты папе об этом не сказала?

— Я боялась.

Позже, в лесу, я заговорил с Машкой на эту тему.

— Почему же ты, доча, мне не сказала, что ела петуха?

— Я боялась.

— Чего ты боялась? Разве мы с тобой не друзья?

— Дрлузья.

— Ты всегда мне говори правду. За правду я тебя никогда не накажу и никогда не поругаю.

Потом я вспомнил, как утром мы с мамой боялись, что Машка узнает о печальной участи выкормленных ею кур и петуха. И спросил у Машки:

— А тебе петуха не жалко было есть?

— Он меня клюнул,— ответила Машка (он ее на днях действительно клюнул за палец, когда она его кормила хлебом). Чудовищно? Жестоко? Нет. Это, конечно, первое пришедшее на язык объяснение, а никакое не проявление жестокости. А может быть, и не первое, может быть, она уже думала, искала оправдание— не перед нами, а перед собственной совестью.

23.9.60.

Сегодня опять сказочное утро. На солнце в 9 часов утра +21°.

* * *

Одевая ее после гимнастики, мама говорила, что вот Маша вырастет, станет спортсменкой, чемпионом СССР, поедет в Рим на олимпиаду, получит медаль...

Машка радовалась, расспрашивала и переспрашивала:

— Какой Рим? Какая медаль? Из чего она сделана?

И вдруг слышу— плачет.

— Ты что? Машенька!

— Бою-у-усь!

— Чего боишься?— спрашивает мама.

— Боюсь! Поезжай со мной.

— Куда поезжай?

— В Рим.

— Зачем?

— Медаль получа-а-ать... Я одна бою-у-усь!..

* * *

Растолковали ей, что такое зима, весна, лето, осень. Слушала, расспрашивала. Дело было в лесу. Вдруг вижу— остановилась, задумалась.

— Маша, ты что?

— Я думаю.

— О чем ты думаешь?

— Я думаю: когда бабушка приедет— зимой или летом?

26.9.60.

Записываю, против обыкновения, вечером. Утром ездили с Машей в Лугу— провожали маму. Мама уехала автобусом в Ленинград встречать бабушку.

Двадцать минут Машка не отрываясь смотрела на стекло, за которым восседала ее ненаглядная мамсиночка. Стоило маме отвернуться, даже отвести взгляд в сторону, как Машка начинала кричать:

— Мама, смотри все врем я!

Мама сквозь толстое стекло не слышала. Пришлось мне написать эти слова на бумажке и показать ей.

На рынке зашли в фотографию. Машка сфотографировалась. Не знаю, что получится. Машка сидела скорчившись, улыбалась самым нелепым образом, а когда я пытался вмешаться и придать ей позу более естественную, фотохудожник разгневался и попросил меня выйти из “ателье”. Я вышел.

* * *

За ужином. Ест жареную картошку с колбасой.

— Из чего колбаса сделана? Я знаю: из свинины?

— Да. И из телятины тоже делают. И из говядины, из коровы.

— Почему из коровы делают? Она же не кусается и не бодается?!

— Свиньи,— говорю,— Маша, тоже не бодаются...

27.9.60.

В семь часов утра выхожу на кухню, слышу за дверью Машкин голос:

— Папа! Папочка!

Прихожу— сидит в кроватке.

— Ты что, со мной спал? Ты где спал?

— Нет, Машенька, я у себя спал.

— А я с кем?

— А ты одна спала.

Удивилась, испугалась, а потом— обрадовалась: все-таки, значит, уже большая, если одна спала.

* * *

Вчера за обедом привередничала: того не люблю, этого не хочу. Я рассердился, накричал на нее, наговорил много жалких слов, которые на нее, кажется, никак не подействовали.

— Ты знаешь, что я ел, когда был маленький? Кашу с тюленьим жиром!

— А это какой— тюлений?

— Противный. Ты бы его ни за какие коврижки не стала есть.

— А почему ты ел?

— Потому что ничего другого не было. Да и такой каши нам вот по этакой ложечке давали.

Довольна, что отвлек ее от малоприятной обязанности есть фаршированный кабачок.

— Говори еще, какой ты был маленький, что ты еще ел!

— Хлеба нам давали вот по такому кусочку. Чай без сахара...

— А почему без сахара?

— Потому что не было сахара.

— А почему вы не купили?

— А потому, что не на что было купить.

Говорю и сам чувствую глупость и неубедительность, ненужность и бесполезность этой “армии спасения”.

В самом деле, ведь не думал же я, не рассчитывал, что она выслушает мои воспоминания о детдомовских временах, покраснеет, вспыхнет, спохватится: “Ой, и верно, какая я нехорошая, неблагодарная! Надо ценить мое золотое, безоблачное, сытое детство! Надо скорей, скорей спешить есть кабачок!”

28.9.60.

Вчера мама вернулась из Ленинграда и привезла бабушку.

Как и следовало ожидать, бабушкин приезд сказался на Машкином поведении. Грубит, ломается, хнычет. Это она— сознательно или бессознательно— испытывает, экзаменует бабушку— на выдержку, на строгость, на стойкость. Такое уже бывало.

* * *

Сегодня с утра моросит дождь. Папа занимался гимнастикой в саду, а Маша кое-как в комнатах.

Это “кое-как” объясняется отчасти тем, что мама натерла в

Ленинграде ногу (даже ноги) и с трудом двигается. Но для Маши очень нехорошо, что в первый же день возникло это “кое-как”. У нее это может связаться с приездом бабушки. Приехала— и вот сразу появились поблажки.

30.9.60.

Маша все с бабушкой. Со мной первую половину дня была суха и даже груба, а вечером, когда я лежал и читал, пришла и стала ласкаться.

Впервые, кажется, за все лето мы с мамой ходили вчера в лес вдвоем. Маша спала с бабушкой.

Бабушка, как и следовало ожидать, балует Машку, и Машка уже почувствовала, откуда дует ветер, и уже пробует командовать бабушкой:

— Бабушка, дай мне инжирного варенья! Бабушка, застегни лифчик!..

А бабушка рада и лифчик застегнуть, и варенья с горкой на блюдечко положить и даже замечать не желает грубости этих обращений.

* * *

Третьего дня, когда мама с папой возвращались из кино, к ним пристал маленький котеночек, очень похожий по расцветке на нашего Кисоню. Мы не заметили, как он пришел к нам на дачу.

1.10.60.

Удивительно развязная, нестеснительная наша Машка. В ее возрасте я даже со знакомым человеком стеснялся заговорить, а она, кого ни увидит, бежит: “Здравствуйте!” И пошло-поехало.

Вчера у наших хозяев полдня работал старик плотник. Стоит на лесенке, прилаживает кусок вагонки. Маша вернулась с прогулки и— сразу к нему:

— У нас новый котеночек!

Высокий, похожий на сенбернара старик— с лесенки:

— Ну?.. Вот это да! Котеночек?

— Нет, нет, не родился. Он просто пришел. Они с нашим котиком на улице спали. Не спали, а просто были на улице...

И тараторит— без конца.

Когда она ушла, слышу, старик говорит хозяйке:

— Нынешние ребята— уж такие трескуны, такие трескуны. Прежние-то— те стеснялись, что ли... А теперь, поглядишь, в автобусе или в трамвае— трещит и трещит. И о политике, и о чем хочешь.

* * *

Сейчас выходил во двор. Играет с бабушкой в магазин. Продает материю. Вертит ручку электрической кассы, трыкает, получает деньги. Поиграл и я с нею минуты две.

Бабушка стоит рядом, смеется, задыхается от смеха.

— Что это,— я говорю,— у вас тетя такая в магазине смешливая?

Бабушка обнимает меня, объясняет:

— Не могу! Очень уж вы серьезно. Как будто в настоящем магазине.

А как же по-другому играть?

Элико едет в Лугу— покупать билеты на автобус. Собираемся отбывать во вторник, 4 октября. Лето кончилось. До свиданья, Луга!

* * *

Это еще до приезда бабушки было.

Ела простоквашу. Запачкалась. Я говорю:

— Вытри, пожалуйста, подбородок.

Она— раз!— рукавом.

— Что такое?! Это кто тебя научил?

Гордо:

— Никто! Я сама придумала.

4.10.60. Ленинград.

Встали сегодня чуть свет. Укладывались. Только Машка, уложив свои небогатые пожитки, беспечно играла в саду.

Автобусом 13. 10 мы четверо (все, кроме Элико) уехали в Ленинград. В автобусе Машка льнула к бабушке. А в Ленинграде, очутившись в знакомой, милой обстановке, не выходила из моей комнаты, тянулась ко мне.

А мне было не до нее. Не успели приехать, не успел я войти в свою комнату, позвонил незнакомый человек и сообщил, что в субботу погиб, попал под трамвай, Викниксор, Виктор Николаевич Сорока-Росинский, мой старый учитель, основатель и руководитель Шкиды.

Подробно записывать сейчас не могу...

5.10.60.

Ездил сегодня хоронить Виктора Николаевича... Машка об этом не знает.

— Ты куда уходишь?

— Иду по делам.

Дела бывают всякие.

* * *

Накануне нашего отъезда из Луги я вынес из своей комнаты два чемодана. Вечером пришла ко мне Машка:

— Ой, что это у тебя за новый угол?!

Я объяснил ей, что угол тот же, только он опустел.

Присела, осмотрелась:

— Неинтересный какой-то угол.

* * *

Рассказывала одну из своих бесконечных сказок:

— Что такое? А! А! А!— Это кто? Это авы (то есть буквы “а”) идут... авторы... авторы идут!..

8.10.60.

За обедом я вспомнил, как в Луге Машка спрашивала: “А цыплята грузины?” Все засмеялись. И Машка, чувствуя на себе всеобщее внимание, решила, что надо его поддержать чем-нибудь.

— Наш кот— грузин, у него глаза черные,— заявляет она.

Это уже “слон”. Так мы называем состояние, в которое приходит Маша, когда слишком много в ее присутствии о ней говорят, восторгаются, смеются над ее остротами и словечками. Это по бунинскому рассказу “Слон”. Там девочка:

— Нет, правда, мама, почему у слона ноги распухли?!

* * *

Сегодня солнечный день. Солнце так и ломится в мое окно.

Маша с бабушкой только что отправились в Зоопарк.

— Смотри только,— сказал я,— чтобы вас там не скушали.

Она не засмеялась. Наверно, сказал я это слишком серьезно.

— Они же в клетках,— тоже очень серьезно ответила она.

9.10.60.

Была с бабушкой в Зоопарке. Там у львицы (или у тигра, как сказала мне по ошибке Маша) появились маленькие. Машка больше часа простояла у их клетки, и оттащить ее, по словам бабушки, было невозможно. Бабушка катала Машку на каруселях, на осликах, покупала ей раскидаев и вообще в субботний осенний день устроила первомайский базар. Мне кажется, что делать этого не нужно было. Вообще карусель в Зоопарке— это почти то же, что джаз-оркестр в девственном лесу. Общение с природой, с животными— и вдруг завывание патефона и кружение в деревянной лодочке или на деревянной лошадке. Разумеется, я не против лодочек и лошадок, но для этого существуют ЦПКиО и прочие луна-парки. А кроме того— это огромная физическая и психическая перегрузка: ведь впечатлений и без того хватает.

* * *

После ужина полчаса позанимались азбукой. Я похвалил Машку, она узнаёт (не читает, а узнаёт) некоторые слова: “папа”, “мама”, “Шура”, “мак”...

Вообще-то освоение грамоты идет туговато. Но ведь человеку всего два месяца на пятый год! Кроме того, сегодня мне пришла в голову мысль: хорошо ли я делаю, что занимаюсь с нею по вечерам, перед сном? Как успокоительное, снотворное— это средство, может быть, неплохое: оно не возбуждает, а усыпляет.

Но, чтобы усвоить что-нибудь, и хорошо усвоить, надо заниматься в утренние часы. Может быть, удастся мне выкроить минут двадцать— полчаса утром, когда бабушка завтракает, перед Машиной прогулкой.

* * *

Утром Машка заявила, что видела страшный сон:

— Будто мы летели на вертолете: я, бабушка, тетя Гетта и Павлик. Мы в Лугу летели. Прилетели прямо в лес. А там— одни корешки, а шляпки у грибов кто-то срезал!

Действительно, сон страшный.

Я спросил, какой вертолет, как там внутри.

— Там окошечки,— сказала она.

Бабушке она рассказывала этот сон, уже расцвеченный выдумкой. Рассказывала так долго, что бабушка сбежала.

10.10.60.

Ходили в парк Ленина. Там сейчас стало тесновато: отгородили дощатым забором большую территорию, строится метро. Мы с Машей смотрели в щелочку.

Минут сорок пробыли на детской площадке. Машка (с моей помощью, то есть держа меня за руку) бегала по буму. Сначала довольно робко ходила, а потом— бегала.

После ужина успели еще заняться азбукой и сплести из белой и голубой бумаги очень нарядную салфетку.

Бабушка и мама, восторгаясь этим нашим рукоделием, спросили:

— Кто это сделал?!

Машка промолчала, а я, желая поощрить ее, сказал:

— Маша. Она плела и клеила.

Это и правда и неправда. Машка пробовала плести и— неудачно. А клеем мазала главным образом по моим пальцам. Я сделал ошибку. Надо было сказать:

— Я, а Маша мне помогала.

А тут и отец получился врунишка и дал нехороший урок дочери: как можно задешево купить славу.

* * *

Засыпает вечером хорошо. И не боится. Сама заметила это и похвалилась:

— Мамочка, я теперь не боюсь спать (одна).

Вообще, кажется, прошел, слава богу, этот период страхов, когда она на каждом шагу подвывала: “Бою-у-усь. Собаку боюсь! Машину боюсь! В коридоре боюсь. На кухне боюсь”.

* * *

Сегодня утром за завтраком:

— Папа, что я пью? Это какао, что ли, называется?

Откуда это частое детское “что ли”, подмеченное К.И.Чуковским в его “От двух до пяти”? Ведь во взрослой интеллигентской речи это “что ли” или не встречается или встречается крайне редко.

* * *

Сегодня кисленький, сухой, но вместе с тем как будто и туманный, какой-то сизый, дымчатый день. Унылый до такой степени, что даже неприятно делается: вспоминается детство, когда бежишь (заставляешь себя бежать) утром в училище, на улицах прохладно, тихо, пахнет дымом, по всему телу разлилась сонливость,— кажется, лег бы и заснул в первом подъезде на его каменных плитах...

За завтраком Машка ревела. Ей предложили, видите ли, к манной каше брусничного варенья, а она пожелала инжирного. Ничего, слопала (и тарелку облизала) с брусничным.

Собирается с бабушкой на прогулку.

* * *

Весьма кстати. Нашел сейчас заметку на отдельном листочке:

К вопросу об “Армии Спасения”. (Это, к той странице, где речь идет о моих попытках повлиять на Машу с помощью отцовских воспоминаний детства.)

Можно создать искусственный климат, но невозможно, нелепо создавать искусственную нужду, недоедание, голод.

Впрочем, кое-что, по-видимому, можно все-таки сделать. Но для этого следует каждый день и каждую минуту быть начеку. Следить, чтобы ребенок не переедал, не объедался, не зажирался. Чтобы всегда был аппетит и чтобы он удовлетворялся умно— тем, что бог пошлет, а не чего моя душа пожелает.

Все это, разумеется, требует труда, усилий, а часто и той строгости, безжалостности, которая выше любви, которая и есть любовь.

13.10.60.

Вчера говорили с мамой о том, что вечерние занятия, перед сном, не очень-то полезны. Решил попробовать заниматься утром, урвав полчаса от рабочего времени.

Сегодня занимались от 11 до 11.40. Такая передвижка часов заметно сказалась на Машкиных успехах. Только к концу урока утомилась, стала отвлекаться, отвечать невпопад. На уроке присутствовала мама, радовалась нашим успехам.

Боюсь: не рано ли? То есть не рано ли стали учить ее! Сегодня я высчитал, что, когда я начал учиться грамоте, я был месяца на два, на три постарше. И у меня уже все созрело тогда. Я жадно хотел научиться читать. И научился в два-три дня...

14.10.60.

Вечером гуляла с папой.

Показывал ей домик Петра, Ши-Цзяо, невскую черную воду, к которой она боялась сначала спускаться, а потом просила:

— Постоим еще! Как красиво!..

* * *

Гуляя с бабушкой, пыталась читать вывески:

СТОЛОВАЯ

СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КАССА

Помнит уже почти все буквы. И я уже не знаю, как застопорить, затормозить процесс ее “образования”.

15.10.60.

Вчера вечером читал ей “Спящую красавицу”. Дошли до того места, где злая фея готовится сделать что-то худое новорожденной.

— Почему? Зачем?— всполошилась Машка.— Ведь она же (показывает пальцем на спеленатого младенца) не виновата! Ведь это она— мама— обидела фею!..

Во всем, всегда, везде ищет справедливость.

16.10.60.

Добрые люди уверяют, что пороки по наследству не передаются. Еще как передаются!

В детстве я долго и упорно грыз ногти. С этим жестоко боролись. Отец достал где-то или сам изобрел рецепт “лекарства” от этой болезни: спиртовой настой из уксуса, перца, горчицы и других специй. Пальцы мои один за другим окунали в рюмку с этой гадостью. Не помогло. Очень скоро я догадался, что достаточно вымыть или хотя бы вытереть о штанину пальцы— и они снова “готовы к употреблению”.

И вот— дочь моя тоже грызет ногти. Давно уже. Бьемся, отучаем ее— не помогает.

Когда она это проделывает— неизвестно. На глазах у нас не кусает. Но ногти у нее обгрызены по самые лунки.

На днях я ее сильно пробрал и говорю:

— Когда ты это делаешь? В кровати, что ли?

— Да,— говорит,— под одеялом.

Вчера утром, разглядывая свои ногти, она совершенно серьезно сказала матери:

— Хорошо, что я на ногах не грызу ногти. Хоть там у меня подарочки остались!..

* * *

Дала слово, что грызть ногти не будет, что будет следить за собой (то есть, не слово, конечно, а просто обещание). Я долго говорил ей, как это некрасиво, когда у девочки такие огрызки на пальцах. На следующий день осмотрел ее руки.

— Что такое?! Опять кусала?!!

— Нечаянно. Сама не заметила...

Вчера опять осмотрел пальцы. И она— уже с искренним отчаянием:

— Не растут почему-то! А я не грыжу.

17.10.60.

После обеда ходили втроем на прогулку. Пешком дошли до диетического магазина на Невском. Мама пошла в магазин, а мы ждали ее в сквере у Казанского собора.

Очень ей понравилась электрическая реклама— зажигающиеся на небе буквы. Сидели и читали: “Покупайте подарки в Ювелирторге”, “Храните деньги в сберкассе”, “Не давайте детям играть с огнем”.

Разглядывала зеленого Кутузова и расспрашивала о нем:

— Он хороший?

— Да, он был хороший.

— Он детей любил?

— Да. У него была внучка Катенька, он ее очень любил.

— А других детей любил?

— И других— тоже.

— А меня он тоже любил бы?

— Думаю, что и тебя любил бы.

Потом встретили маму и пошли по каналу домой.

18.10.60.

Ездил вчера с Машуткой в “Советский писатель”. На лестнице в Доме книги встретили дядю Леню Рахманова, он уговорил нас зайти к ним, согласившись подождать нас...

В издательстве Машку встретили не хуже, чем другие мои произведения,— пожалуй, даже лучше.

Кто-то спросил, сколько ей лет. Меня рядом не было.

— Три, кажется,— ответила Машка.

Пришел веселый седеющий дядя, А.Н.Узилевский, заместитель директора издательства.

— А-а, девочка, здравствуй! Ты у нас работать хочешь?

— Хочу.

— Ну, будешь работать. Вот тебе стол, вот карандаш, вот бумага.

Пока я разговаривал с Кузьмичовым и другими, Машка успела нарисовать красным и синим карандашом девочку, у которой ноги растут прямо из головы, и еще кого-то.

Рахманов ждал нас на площадке второго этажа. Там— зеркало. И вдруг я вспомнил себя в этом зеркале— семнадцатилетнего, когда мы с Гришей Белых впервые появились в этом доме. Как смущались мы оба. Как я краснел, разговаривая

с главным бухгалтером ГИЗа Лихницким. Он, помню, даже спросил: “У вас что, больное сердце”?— “Нет”.— “А почему же вы так краснеете?”

Да, не в отца пошла наша Маша.

У Рахмановых сидели минут пятнадцать.

Дома были около четырех. На Марсовом поле успели набрать полные карманы снежной ягоды.

ТЕТРАДЬ ДЕВЯТАЯ

4 ГОДА 2 МЕСЯЦА

22.10.60.

Вчера вечером читал ей “Золушку”. Слушает не очень внимательно: отвлекают картинки— нарядные, почти слащавые красавицы и красавцы.

Долго после этого не могла уснуть. Лежала, вертелась, ждала и звала мать. А когда Элико легла рядом,— тоже не сразу заснула...

Лежит, бормочет что-то. А на часах уже половина первого.

— Пажи...

— Спи, пожалуйста, Маша!

— Пажи...

— Что такое? Что ты там бормочешь?

— Есть такие мальчики. Их называют пажи. Мне папа сказал.

— Да, есть такие мальчики. Были. Ну и что?

— Нет, ничего, я просто хотела тебя проверить: ты знаешь или нет?

* * *

Была у меня переводчица из Праги— Ева Долейшова, молодая женщина, мать семилетнего мальчика Иванека.

Машка вернулась с прогулки в четвертом часу. С некоторым удивлением прислушивалась она к незнакомому акценту гостьи. То, что вокруг нее не совсем правильно говорят по-русски, к этому она уже привыкла. Но тут язык ломали как-то по-особенному. Чтобы понять некоторые вопросы, ей приходилось морщить носик.

Больше всего она удивилась, когда гостья, прощаясь и протягивая ей руку, сказала:

— Ну, здравствуй!..

— До свиданья,— ответила все-таки Машка.

24.10.60.

Ездили в Пушкин— показывать бабушке дворцы и парки.

В Пушкине нас встретила зима. Уже глубокий снег. И чистый морозный воздух.

День какой-то чеканно золотой. В садах и парках лежит снег, а многие деревья еще зеленые. И— солнце. И какой-то особенный блеск шпилей и куполов.

Когда входили во дворец, Машка спросила:

— А принцесса где здесь?

Обратно шли мимо лицея, мимо памятника Пушкину, мимо китаевской дачи. Машка уже устала, ни о чем слушать не хотела, только на беготню и на игру в снежки ее хватало.

* * *

Вчера подарил ей коробку с буквами (которые сам когда-то вырезал из черной и темно-зеленой бумаги). Сегодня, не успела отзавтракать, как уже коробка на столе, буквы рассыпаны по клеенке (“Ой, папа, папа, я нечаянно молоко пролила и буквы запачкала!”— “Ничего, доча”). Складывает с моей помощью слова: “Маша”, “мама”, “слон”, “юбка”...

Теперь не остановишь ее.

* * *

Вчера за обедом у тети Ляли кто-то пересказал фельетон, слышанный по радио,— о том, как приезжий человек слышит в магазине:

— Дайте, пожалуйста, хороший лимон. Мне для больного.

И другой— для больного. И третий...

И приезжий думает: “Наверно, в Ленинграде эпидемия”.

Мама сказала:

— А я всегда говорю: “Дайте, пожалуйста, виноград для моей дочки Маши”.

Машку что-то осенило. Глазенки блеснули.

— Да. Мама галявит: “Дайте для моей дочки”. А я галавлю: “А я его все равно есть не буду. Я виноград не люблю”.

Мама уверяет, что ничего подобного не было, что этот анекдот Машка тут же за столом сочинила.

* * *

После прогулки вчера заходили в гастроном. Я купил несколько палочек леденцов. Машка никак не может запомнить это простое русское слово.

После ужина прибегает:

— Папа, ну где близнецы?!

— Какие близнецы?!

— Ты же обещал мне!

— Что обещал?

Растерянно:

— Какие-то близнецы.

26.10.60.

Уже увлеклась, уже не оттащить ее, не отвадить от чтения, письма, книги, бумаги, карандашей. Папина дочка! Вспоминаю трепет, какой охватывал меня при одном виде, при одном запахе карандаша!

Нет, форсировать не хочу, но и запрещать, противоборствовать не могу, не считаю себя вправе.

А первое, что она делает утром, после завтрака,— это хватает свою коробочку с буквами и начинает раскладывать буквы, составлять слова... Правда, слов получается еще не так много. Но

даже МЗБОРГВ какой-нибудь ее радует. Все-таки сама составила!

Третьего дня выпросила у меня конверт.

— Папочка! Дай! Пожалуйста! Мне очень нужно.

Сегодня смотрю— конверт весь исчиркан. Это она “пишет”. Как-то еще не может понять, сообразить, что письменное и печатное— это одно и то же, то есть составляется из тех же букв и из тех же слов.

28.10.60.

Семь градусов мороза.

Настоящее зимнее утро.

Пасмурно, падает снежок.

Машка отправилась с бабушкой на прогулку.

Папа на днях уезжает в Комарово и уже грустит.

29.10.60.

Обещал Машке показать “кино”, но был в Союзе писателей на собрании, вернулся усталый. Весь вечер Машка ходила и канючила:

— Папочка, кино! Ты же обещал. Покажи кино!

Долго торговались, сколько фильмов показать и какие. Папа рассчитывал показать два. Машка отгибала четыре пальца и говорила:

— Три!..

30.10.60.

Принесла красивую игрушечную собаку— подарок Екатерины Ивановны Шварц. Спрашиваю:

— Как зовут вашу собаку?

— Ее зовут Жулька. Вот у нее наперсток. Красивый?

— Что-о! Какой наперсток? Ошейник это!

Спохватилась:

— Да, да. Ошейник, а не наперсток! Правильно.

1.11.60.

Вечером ходили на прогулку. Дошли до петровского домика. Машке очень понравилось, когда я сказал, что в домике еще домик— как маленькая матрешка в большой матрешке.

На обратном пути показал ей каланчу, рассказал про пожарных. Через пять минут встретили пожарную красную машину, возвращавшуюся домой.

А позже, уже дома, Маша рассказывала мне что-то, импровизировала— и говорит:

— Они бегут, шумят, каланчат...

По-видимому, этим глаголом она хотела обозначить тот какофонический шум, который производят пожарные машины, когда летят на пожар.

2.11.60.

После обеда бегает по всем комнатам:

— Спасибо, бабушка! Папочка, спасибо! Спасибо, тетя Минзамал!..

Вчера прибегает на кухню, тети Минзамал там нет, она в ванной.

У закрытой двери:

— Тетя Минзамал, спасибо! Ты что там делаешь, тетя Минзамал?

— Барахло стираю.

— Что-о? Тебя кто научил так говорить? Что еще за “барахло”?!

3.11.60.

Уезжаю в Комарово. До свиданья, доченька! Ау!

Пишет мама

4 ГОДА 3 МЕСЯЦА

10.11.60.

Уже неделя, как уехал наш папа.

Маша через день получает от него письма. В письмах, между прочим, папа посылает ей упражнения по русскому языку. Каждый день мы занимаемся с нею минут по двадцать-тридцать.

Сегодня во время занятий вошла бабушка:

— Не достаточно ли вам заниматься?

— Нет, милая бабушка, не достаточно. Мы занимаемся всего пятнадцать минут.

Не успела сказать это, входит Минзамал:

— Ну, хватит вам мучить маленького ребенка.

Мама немножко рассердилась, но потом поняла, чем была огорчена бабушка. Мама не педагог, ей не хватает терпения и выдержки. Она не заметила, как во время урока назвала Машу тупицей. Каюсь, виновата, больше никогда этого не случится.

11.11.60.

Занимаемся с ней каждый день по полчаса. Но она и сама при каждом удобном случае “читает” или складывает слова. Впрочем, я напрасно взяла в кавычки слово читает. Она свободно читает вторую папину книгу, под названием “Девочки”. Там, в этой крохотной книжечке, папа нарисовал разных девочек и каждой дал имя. Маша читает и подряд и вразбивку. Конечно, тут играет роль зрительная память. Видит рисунок и говорит: “Вера, Оля, Наташа”. Но я попробовала— написала на отдельном листочке: “Наташа, Маня, Оля”. Не сразу, но прочла. Папа это хорошо придумал, заниматься ей интересно. Не только не приходится принуждать— сама просит:

“Давай, мама, сложим слова!”

12.11.60.

Очень ей нравится книжка “Приключения Пифа”. Всегда слушает с удовольствием, смеется. Читала ей еще “Человека рассеянного”. После этого целый вечер ни к селу ни к городу, к месту и не к месту говорила “вот уже вторые сутки”:

“Вот уже вторые сутки я не сплю”. “Вот уже вторые сутки я сижу на горшке”.

13.11.60.

Забыла записать: от нас ушла тетя Минзамал. Никто, кроме Маши, ее не жалеет, не оплакивает. А ведь Минзамал не очень хорошо, сухо, даже недоброжелательно относилась к Машке. А Маша— чистая душа— не замечала этого и привязалась к этой сердитой, сварливой, временами грубой женщине. Папа уверяет,

что Минзамал человек не только очень хороший, но даже героический. Ведь она работала у нас, чтобы помочь детям (Аллочке и Вене), у которых когда-то служила в няньках. Все до копеечки туда относила. А там на нее и сейчас смотрят как на няньку и даже в выходные дни, когда она приходит к ним отдохнуть, заставляют работать. И все это она безропотно переносит— только бы позволили ей общаться с ее ненаглядным Венечкой.

15.11.60.

Папа прислал Маше в коробке из-под мармелада 4 ракушки, 7 конфетин и маленькую бутылочку с понарошными витаминами для кукол. И— самое интересное— крохотную самодельную книжечку “Мальчики”.

К моему удивлению, больше половины имен этих мальчиков Маша прочла самостоятельно и очень свободно. Мне кажется, она читает первую букву и догадывается, как зовут мальчика. Потому что, когда я отдельно написала слог НЯ и слог ВА, она молчала, а ВАНЯ прочла бегло. Сержусь, когда она не может прочесть что-нибудь, хотя сердиться не следует: ей четыре года, успеет еще, научится. И папа нам сколько раз говорил и писал: не надо форсировать. А сам все-таки форсирует: что ни день, приходят от него по почте все новые и новые уроки.

* * *

Играла с бабушкой в “Снегурочку”. Играла с азартом, повторила всю сказку пять раз.

— Лепите меня!— кричала она.— Лепите меня из снега!..

17.11.60.

Я крепко спала, когда— в шестом часу утра— она перелезла через стенку своей кровати и ворвалась ко мне на тахту с таким шумом и криком, что я сразу проснулась и у меня даже сердце забилось.

— Мамочка, с добрым утром, ты знаешь, какой я сейчас сон видела!..

— Никаких снов, Маша! Что это такое? Еще рано. Сейчас же ложись и спи!

— Нет, я больше не хочу спать. Зажги свет, мама...

— Я тебе сказала, что еще рано! Ты мало спала, поспи еще немного.

— Я не хочу лежать в темноте.

— А ты не лежи, а спи.

— Не хочу больше спать...

А сама вовсю зевает. Лежит и хнычет.

— Хорошо, Маша. Больше ты ко мне по утрам не приходи. Я не люблю детей, которые так себя ведут.

— Как ведут?

— Ты сама знаешь— как. Хорошие девочки, когда просыпаются и видят, что дома кто-нибудь спит, ходят на цыпочках и говорят шепотом. Если они уже выспались, они встают и одеваются тихо. Они понимают, что мама за день устает и надо дать ей покой.

Наконец подействовало:

— Хорошо, мама, теперь я буду тихо лежать.

И вот тут началось.

Через полминуты слышу:

— Мамочка, спи, пожалуйста, закрой глазки.

Я закрыла глаза, думала, она успокоится и уснет. Лежит тихо, не разговаривает. Но поминутно привстает и заботливо укрывает меня одеялом. При этом шепотом говорит:

— Мамочка, ты спи, я покрываю тебя, чтобы ты не простудилась.

Еще через полминуты:

— Мамочка, спи, пожалуйста. Я теперь всегда буду лежать тихо...

И в самом деле— минута полной тишины. Потом опять слышу ее шепот:

— Мама, ты вчера устала, да? Ты лежи сегодня, хорошо? Я кормить тебя буду в кроватке.

Я лежу с закрытыми глазами.

— Мамочка, ты спишь? Может быть, ты сон какой-нибудь видишь? Может быть, меня во сне видишь? Или моих кукол? Или хулигана Андрюшу? Ай, мама, как мне скучно, когда ты спишь!

Стараясь не шуметь, тянется и берет со столика журнал.

— Ты, мамочка, спи, а я почитаю. Хорошо, что я читать умею.

Жду, что будет дальше.

— Гм. Что такое? Ничего не понимаю, что написано. Ни одной буквы не видно. Даже твердого знака не видно.

Кладет журнал на место. Некоторое время тихо. Потом вдруг лихорадочный шепот, как-будто фонтан забил:

— Саша, Маша, Андрюша, Митя, Павлик, Лена, Катя.

Это из тех игрушечных книжек, которые сделал и прислал папа.

Ничего не поделаешь, пришлось чуть свет подниматься и делать с Машкой гимнастику.

18.11.60.

Искали зимнее пальто. Выходим из универмага, мне Маша говорит:

— Мамочка, если пальто не купили, может быть, пирожков купишь?

Пишет папа

19.11.60.

Сегодня утром была с мамой в Зоологическом саду. Видела маленьких бегемотиков, кенгуру, зебру, обезьянок. Про обезьянок рассказывали мне и Маша и Элико...

Там в одной клетке сидели папа, мама и маленький детеныш. Служительница принесла яйца. Кинула одно яйцо, его схватил отец, очистил, раскрошил, но есть не стал. Кинули второе яйцо, и это тоже захватил эгоист отец. Тогда служительница железным шестом загнала самца в угол и протянула третье яйцо матери. Та взяла, очистила яйцо и стала кормить ребенка. Машка с умилением наблюдала эту сцену, а когда отец не дал обезьянышу поесть, удивилась и огорчилась:

— Какой же это папа?

Вечером показывал “кино”.

В роли диктора (то есть чтеца надписей) выступала мама, только “Снегурочку” прочел отец. Читал он не повышая голоса, но, соответственно печальному сюжету, с чуть заметным надрывом. Машка это чувствовала. Я видел, как она вертелась на своем маленьком стульчике, восседая в “правительственной ложе”.

Наконец она не выдержала, оглянулась и говорит:

— Когда ты так говоришь, я немножко грустнею.

А когда сказка кончилась, Снегурочка превратилась в облачко и улетела, растворилась в голубом летнем небе, Маша сказала:

— Мне очень грустно стало.

* * *

Была у меня. Читали, складывали слова из квадратиков-букв и слогов.

Делает это с увлечением. Если взялись учить, надо делать это наилучшим образом, чтобы учиться было “весело, приятно и победительно” (Житков).

После ужина рассматривали картинки. Попалась ей на глаза “Казнь императора Максимилиана”. Спросила: что это? Сказал, что этих людей убивают.

— Это что— по-настоящему?

— Да.

— Почему людей убивают— не понимаю! Они же не кусачие!

Побежала к письменному столу, где в груде писем нашла запомнившийся ей конверт с изображением охотника, стреляющего в летящих птиц.

Почти с гневом:

— А это что? Почему он птиц убивает?! Почему охотники птиц убивают?

И так она была хороша в этом гневе, так вся кипела и пылала, что не выдержал, обнял и расцеловал ее.

* * *

Перед сном, уже облаченная в ночную рубашку, бесилась, прыгала, хохотала.

Чтобы привести ее в чувство, я выключил в столовой свет и крикнул:

— Тихо! Все молчать!

Все замолчали. Только бабушка, не понявшая моего маневра, в темноте громко пошутила:

— Скоро будет слышно, как муха пролетит.

Через минуту я включил электричество. Машка испуганно и растерянно смотрит на меня:

— Пролетела муха?

— Да. Пролетела.

Заснула быстро.

Сейчас 12 часов 50 минут пополуночи.

Пишет мама

20.11.60.

Ездили к папе в Комарово.

Где-то в Песочной, кажется, в вагон вошел совсем молоденький черноглазый дядя с черными усиками. Он сел поблизости, ничего не говорил, только не отрывал глаз от Маши. А когда мы выходили из вагона, взял Машу за руку, помог ей сойти со ступеньки и спросил ее по-грузински:

— Шен картули ици, Машенька? (“Ты по-грузински знаешь, Машенька?”)

— Генацвалос бебия,— не задумываясь ответила Маша. Эти единственные два слова, которые она знает по-грузински, означают: “милая моя бабушка”. Но молодой человек очень обрадовался, услышав родную речь...

26.11.60.

Маша вела себя сегодня очень плохо, грубила бабушке, замахнулась на нее рукой, не хотела после прогулки раздеваться, а когда бабушка стала отчитывать ее, назвала бабушку “бабой-ягой”.

Все это происходило, когда меня дома не было.

Это уже второй случай, когда Маша так ведет себя с бабушкой.

Когда я вернулась домой, бабушка громким голосом объявила мне, что у нее больше нет внучки... И все рассказала мне.

К счастью, бабушка рассердилась на этот раз, кажется, по-настоящему.

И я тоже очень просила ее выдержать характер, “не сдаваться”.

Не знаю, что будет дальше, а пока наша бабуся характер выдерживает.

Машка даже удивлена. Приходит ко мне на кухню и говорит:

— Бабушка что-то долго меня не прощает.

— Если хочешь, чтобы она тебя простила, надо заслужить.

— А как заслужить?

— А так, что надо вести себя хорошо. Ты думаешь, набезобразничала, а потом придешь, попросишь прощения— и все? И простят тебя? Нет, могут и не простить, могут и разлюбить.

— И ты можешь разлюбить?

Из педагогических соображений покривила душой. Говорю:

— И я могу, и папа...

— Я, мама, не знала, что ты можешь разлюбить.

— Не знала, так теперь знай.

— А я, мама, тебя всегда буду любить.

— А я— не всегда. Мне не нужна такая дочка, которая обижает бабушку.

— Хорошо, мамочка, я не буду больше.

— Хорошо, Маша. Посмотрим.

Весь вечер была предупредительна и вежлива. А на бабушку смотрела с некоторым удивлением.

Теперь мне нужно следить за бабушкой, чтобы она не сдала позиций.

27.11.60.

Маша у нас хворает. И, несмотря на это, бабушка держится с ней строго. Это ей не свойственно и, я чувствую, мучает ее.

Маше скучно. Папа, который так много времени уделяет ей, уехал. А там, в Комарове, хворает. А хуже нет, когда папа и Маша хворают в разных местах.

Пишет папа

4 ГОДА 5 МЕСЯЦЕВ

16.1.61. Ленинград.

22-го мы с мамой должны ехать в Малеевку. Мама разбирается в своих вещах и говорит бабушке:

— Прямо не знаю, что взять в Малеевку! Это платье слишком кричащее...

Машка (перебивает). Мамочка, возьми вот это, черненькое. Оно и не кричит, и не плачет.

И это— совершенно серьезно, без какой-либо попытки шутить, острить, “хохмить”.

* * *

Показываю ей глобус. Началось с того, что я сказал, что Земля круглая— вот такая, как этот глобус. Показал, где на глобусе Ленинград, где Москва, где Тбилиси. Даже Зеленогорск показал.

— А Комарово где?

— Комарово— вот туточки, чуть-чуть пониже.

Потом она спрашивает:

— А почему называется зимной шар? Он что— только зимой бывает?

* * *

Нарядилась, надела на голову картонный зеленый кокошник, из золотой елочной мишуры сделала себе длинную косу, стоит перед зеркалом и любуется.

Я заглянул в комнату:

— Ой, кто это?

Медленно, медленно, поступью павы подходит ко мне. Я говорю:

— Кто это такой?

Как это ни удивительно, она верит, что я не узнал ее. Тихо, совсем тихо говорит:

— Я— принцесса.

Потом опять— к зеркалу.

Появляется мама. Повторяется та же игра:

— Кто это?

— А вы сами угадайте!

— Фея?

— Нет.

— Принцесса?

— Нет.

Я говорю:

— Снегурочка?!!

Радостно прыгает и хохочет. Но когда я вышел, она призналась матери:

— Во-перьвых, и папа не угадал. Я— русалка.

17.1.61.

Вчера вечером “пела”. Ни голоса, ни слуха у нее, насколько я понимаю, нет, а все-таки поет.

Между прочим, когда мы пели с ней гамму— до-ре-ми-фа-соль-ля-си-до,— она по ассоциации вспомнила стихи Шарля Кро в переводе Иннокентия Анненского. Стихов не помнит, но смело импровизирует:

Папаша моется у мами

Шипят рога у рамной брами...

(В подлиннике:

Папаша бреется. У мамы

Шипит рагу. От вечной гаммы etc)

Я спрашиваю:

— Как это рога шипят?

— Это блюдо такое— “рога”. Его едят.

* * *

До сих пор искажает, не может научиться (и не хочет учиться) правильно произносить некоторые слова.

— Папа, давай собирать марточки. Можно, я отклею марточку?

Это она почтовые марки так называет. И упорно держится за этот гибрид (помесь марки и карточки).

* * *

Вчера вечером писала письмо дяде Ване Халтурину. Он на днях прислал Машке в подарок составленный им сборник толстовских рассказов.

Еще недавно Машка не понимала и не могла понять, что такое буква, слог, слово. Теперь на каждом шагу:

— Ш-т-ан-ы! Перва буква “ша”? Да? Потом “та”, потом “ны”?

* * *

Упорно говорит вместо “темно”— “димно”. И не может, при всех усилиях, произнести “темно”.

* * *

Рассказывала маме сказку:

“Девочка Пуся или Муся идет по лесу.

Встретила бабушку:

— Ты куда, девочка?

— Я в Союз писателей иду, на елку.

— Зачем тебе в Союз писателей? В лесу тоже много елок.

— А тут елки не нарядные.

...Ходила Мусенька целых три часа. Уже димно стало. Тут

бабочка, которая летела, ущипнула вечер:

— Хватит тебе димно делать!..”

* * *

После очередного конфликта с родителями испытывает счастье примирения, отпущения грехов.

Открыла шкаф (“Папочка, можно книги почитать? Папочка, можно шкаф открыть? Папочка, можно книгу достать?”). Достает книги, суетится, поминутно бегает ко мне:

— Папочка, тут что написано? Папочка, прочти, пожалуйста!..

Нет, это не подлизыванье. Это— любовь, которая прошла через такое испытание.

* * *

Третьего дня сказала маме:

— Как мне нравятся “Спящая красавица” и “Золушка”! Ах, как этот французский писатель Шар Перо хорошо пишет!..

* * *

Пересказывала мне толстовский рассказ “Филипок”:

— Один раз мама уехала в город, папа ушел в лес, а бабушка спала на плите.

Я даже на стуле подскочил:

— На че-о-о-ом?!!

— На плите.

И только тут я понял, что городскому человеку ее поколения очень нетрудно спутать печь с плитой.

* * *

Сейчас спросила у меня:

— Это кто книжку написал?

— Барто.

— Это тот же самый? Барто?

— Барто— это тетя.

— Тетя?

Очень удивлена. Не так-то часто встречаются тети-писатели. Чтобы не усложнять дела, я не сказал, что есть и дядя Барто.

21.1.61.

Морозец 10°. Солнышко. Маша с бабушкой гуляют. Мама с папой собираются в дорогу— завтра уезжаем в Малеевку.

* * *

Показывает на своего закутанного в платок львенка Леву:

— У меня дети больные.

— А что у него?

— Это— девочка. У нее корень. Она вся в прыщах.

Корь!!!

* * *

Маша знает, что детям не дают острого: ножей, ножниц,

вилок и тому подобного.

Собирается с мамой на прогулку. Пытается сама повязаться косынкой.

Мама говорит:

— Маша, ты все сама надевай, а косынки дети сами не надевают.

— Гм... А что это— острая штука?

* * *

Разглядывает (в который раз) “Венеру” Джорджоне.

— Красивая?— спрашиваю.

Вздыхает:

— Да. Немножко похожа на тетю Шуру Любарскую.

Знала бы наша милая тетя Шура, как высоко ставят ее в этом доме. А она еще “бабушкой Шурой” себя называет!..

* * *

Ох, до чего горько уезжать из Ленинграда на целый месяц!

Четыре года назад это было куда проще.

4 ГОДА 6 МЕСЯЦЕВ

28.2.61. Ленинград.

Третьего дня мама и папа вернулись домой. После Малеевки неделю провели в Москве, очень устали.

Машка ждала нашего приезда с нетерпением. Из Москвы мы несколько раз звонили сюда и дважды говорили с Машей.

Прощаясь, я ей сказал:

— Ну, будь здорова, доченька. Теперь уж мы скоро приедем.

Слышу, как она, оторвавшись от трубки, взволнованным голосом сообщает бабушке:

— Говорит, скоро приедут!

Конечно, была уверена, что “скоро”— это минут через пятнадцать-двадцать.

Весь месяц была здорова, гуляла, не кашляла, а перед самым нашим приездом простудилась и встретила нас бледная, с насморком, с кашлем, с повышенной температурой.

* * *

Читал ей вчера маршаковскую “Почту”. Начало читали вместе, в два голоса, а дальше она стала забывать. Но когда я с грехом пополам дочитал поэму до конца, Машка говорит:

— Ты сам пропустил, что в дороге оно не пьет и не ест.

Выходит— помнит.

* * *

После чтения показывал кино...

“Снегурочку” Маша смотрит с жгучим трепетом. Еще ничего не случилось ужасного, а она уже громко вздыхает и охает:

— Ох, горе, горе!..

1.3.61.

Бедная Машка сидит по-прежнему дома. Температура невысокая, но она кашляет, носик у нее плачет, а на улице тоже— лужи и слякоть.

Вечером вчера мы с мамой должны были пойти к Рахмановым, и мама имела неосторожность сообщить об этом Машке слишком заблаговременно— за обедом, так что вся вторая половина дня была для Машки отравлена.

Перед уходом, когда мама уже одевалась, Маша сделала попытку несколько изменить ход событий:

— Вы лучше завтра к Рахмановым идите.

— Как же можно завтра, если у дяди Лени сегодня день рождения?

— А пусть у него завтра будет день рождения.

* * *

В день отъезда нашего в Малеевку я рассказывал Маше, какие там, в Малеевке, хорошие, воспитанные дети. Идешь лесом, а навстречу тебе бегут по тропиночке, торопятся в школу деревенские мальчики и девочки. И все один за другим:

— Здрасти. Здрасти. Здрасти.

Машка:

— Знакомые, что ли?

— Нет, не знакомые. Такой там обычай хороший. Только одна девочка один раз не поздоровалась.

— Ее мама не воспитала? Да? У нее мама нехорошая?

— Нет, наверно, девочка нехорошая. А мамы у нее, может быть, и нету.

* * *

Да, в Малеевке нас умилял этот славный обычай старины. Пожалуй, только в деревне он у нас и сохранился— да и то не повсюду.

Вспомнил сейчас такой случай. В Москве на обратном пути мы остановились с Аленой в одной из останкинских гостиниц. Завтракали как-то в буфете. За соседним столиком пили кефир два парня, очень на вид славные. По разговору их я понял, что они приезжие, с Волги. Оба сидели за столом в кепках. И Элико им сказала:

— Молодые люди, почему же вы не сняли шапок, когда садились за стол? Ведь дома вы у себя, наверно, не сели бы так?

Пареньки смутились, покраснели. Стянули кепки. И один, постарше, сказал:

— Дома— да. Дома— конечно. А тут, в городе, все в шапках едят.

Вот она— сила примера. И положительного примера. И отрицательного.

* * *

Мне часто, почти ежедневно, приходится бывать на почте. И вот что я там вижу.

Среди нашей молодежи стало почему-то модным получать письма “до востребования”. Чем это объяснить— не знаю. Может быть, влияние коммунальной квартиры с ее не очень хорошими нравами? А может быть, причины и поглубже. Впрочем, сейчас не об этом. Вот что из раза в раз я вижу. Подходит очередь, молодой человек протягивает в окошко паспорт или студенческий билет, девушка за барьером тщательно просматривает пачку писем, счастливым подает письма, неудачливым говорит “нет”.

А дальше? А дальше— счастливый берет письмо и паспорт, несчастливый— только паспорт, и оба молча один за другим поворачиваются и уходят. Ни разу (за последние несколько лет) я

не слышал, чтобы кто-нибудь сказал “спасибо”.

“Пожалуйста” еще скажут иногда. Этому научило, быть может, “Волшебное слово” Осеевой. А спасибу— тому никто не учит, даже детская литература.

И самое странное: девушке за барьером такое отношение к ней не кажется ни удивительным, ни обидным. Она привыкла. Таковы нравы.

А со мной на почту очень часто ходит Машка.

* * *

И сколько раз— в саду или на улице— на глазах у Машки:

— Дяденька, скажите, пожалуйста, который час?

Отвечаю:

— Пожалуйста! Без двадцати двух минут восемь.

И редко-редко услышу в ответ “спасибо”. Чаще и тут ограничиваются “волшебным словом”. И в самом деле— волшебство свершилось, чего ради разводить дальше эти цирлих-манирлих?!

В таких случаях я не ленюсь— окликаю парня или девочку, провожу небольшую разъяснительную беседу. Делаю это и для них и для Машки. Говорю:

— Если тебе человек оказал даже самую маленькую услугу, надо его поблагодарить. Понял?

Испуг, удивление. И— чаще всего с улыбкой:

— Понял. Спасибо!..

3.3.61.

Показывала мне, как она здорово научилась одеваться. Даже лифчик застегивает. Правда, застегивает не как все, а собственным способом: сначала на руках застегнет, а потом уже лезет головой в этот маленький хомут.

* * *

Напялила на голову зеленый бумажный кокошник, держит в руках палку с надетым на нее зеленым целлулоидным шариком.

— Я волшебница!

— Да? А сквозь стену можешь пройти?

— Как это?

Я объясняю.

— Нет, это я не могу еще.

4 ГОДА 7 МЕСЯЦЕВ

4.3.61.

Зима небывало гнусная, грязная, мозглая, сырая, бесснежная.

Машка стояла у скамейки, разговаривала со мной и вдруг— плюх прямо в лужу! К счастью, вода не успела просочиться сквозь рейтузы и прочие обутки. Но пришлось все-таки идти домой. Под штанишки я запихал скомканную газету, и Маша стала криволапой.

Дома на всякий случай растер ей ноги одеколоном.

* * *

Перед тем как плюхнуться в лужу, видели, как проходили в планетарий парами школьники и детдомовцы. Я рассказал, как в детстве тоже жил в детском доме. Слушала с интересом. Потом говорит:

— Ты лучше расскажи, как ты к нам попал!..

5.3.61.

Мама дала нам по яблоку. Машка свое кое-как обкусала и спрашивает:

— Куда бросить огрызок?

— А зачем же его бросать? Тут можно еще есть и есть.

Откусила еще разок и опять:

— Куда бросить?

Я вспомнил и рассказал ей, как мальчиком в Харькове нашел на улице огрызок абрикоса, вымыл его у фонтана и съел.

Сказал, что другая девочка или другой мальчик съели бы такое яблоко с косточками. Сказал, что в школе над ней смеяться будут:

— Смотрите, какая барыня эта Маша Пантелеева! Яблока не может доесть.

Пронял дочку.

Посмотрела на огрызок:

— А как его есть?

— Кусай— и все.

Все съела. До последней косточки.

И очень радовалась.

6.3.61.

Весь день я был занят. Вернулся поздно.

Вечером заводили проигрыватель, слушали Грига, Чайковского, “Рондо каприччиозо” Сен-Санса, “Лунную сонату”. Танцевали (импровизации под Сен-Санса и “Лебединое озеро”).

8.3.61.

Провожали бабушку!

Ах, этот детский, инстинктивный, стихийный эгоизм! Казалось бы, Машка должна была весь день тянуться к бабушке, искать общения с ней. А она, наоборот, словно бы избегая тяжелых переживаний, все бегала ко мне, заводила со мной всякие игры.

Со стороны могло показаться: вот бабушка уже не нужна. Уже вычеркнута. Уже отрезанный ломоть.

Нет, конечно,— очень даже нужна. И очень даже не отрезанный ломоть. Но быть вчера с бабушкой— это значило прощаться, огорчаться, признаваться в любви и все время бередить рану, все время, ежеминутно, помнить о предстоящей разлуке...

* * *

Сейчас Машка предвкушает удовольствие: мама оттачивает— все сразу!— Машкины чешские цветные карандаши. Машка будет рисовать.

Мама жалуется, что Маша рисует зеленые цветы.

— Ну и пусть рисует, как ей хочется.

— Не учить, значит?

— Не знаю, нужно ли учить в этом возрасте.

— Ты, значит, хочешь, чтобы из нее выросла абстракционистка?

— Нет, думаю, это не обязательно, чтобы абстракционистка.

9.3.61.

Вчера весь день сидели дома.

Перед сном мы читали с Машей английские песенки Маршака. Некоторые стихи (например, о котятах, которых выгнала, а потом пощадила хозяйка) она может слушать буквально без конца, то есть раз двадцать прослушает и:

— Еще! Еще!

Попросила подарить ей эту книгу. То есть в личную собственность. Подарил. Книга— единственный вид собственности, которая не портит человека.

* * *

Сегодня с утра сидит с мамой визави: мама разматывает синюю шерсть. Машка учит стихи.

Спрашивает:

— “Нынче”— это “сегодня”, да?

А вчера сказала:

— Мамочка, дай мне, пожалуйста, огарочек свечи.

Это все— из стихов.

* * *

Перед сном.

— Смазать тебе губки вазелином?

— Да, смажь, пожалуйста. Они у меня опять трескаются.

Мама смазывает ей губы.

— Что ты морщишься? Не нравится?

Маша вздыхает.

— Мало ли что нам в жизни не нравится... а надо!..

* * *

— Мамочка, спрячь эту (серебряную) бумажку. Мы завтра, как проснемся утром, будем бусики делать. Ты до утра потерпишь, да? Ты руки вот так сожми и терпи.

* * *

С каждым днем Маша говорит правильнее по-русски. И в некоторых случаях мы с мамой даже огорчаемся. Например, она самостоятельно— никто ее никогда не поправлял— выправила в своем языке “галявит” на “говорит”.

А нам это “галявит” очень нравилось.

Некоторые слова еще обтесываются.

Раньше температура была “тимантулька”.

Сегодня слышу— говорит про свою куклу:

— Надо ей тиримпатуру смерить.

— Что, что у нее?

— Тиримпатура.

И при этом старается выговорить каждую букву отчетливо.

12.3.61.

Мама вчера очень поздно легла, ночью ее разбудила Маша, просила пить. Вторично заснуть было трудно. К утру же мама разоспалась, видела себя во сне на “старинном” балу. Видела себя молоденькой девушкой. Танцевала в белом платье. Играла музыка. И вдруг вальсирующая мамся наша слышит:

— Мама! Мама!..

— Думаю, это не меня зовут. Это— какую-то взрослую женщину.

Открываю глаза и вижу— Машка сидит на своем диване и смотрит на меня.

— Мамочка, ты что во сне видела?

— Я бал видела.

— А я тоже сон видела.

— Что же ты видела?

— Я видела, что наш Кисоня во сне смеялся!

* * *

Прохожу мимо столовой и вижу сквозь стеклянную дверь: Машка сидит на тахте, держит двумя руками крохотную бумажку от шоколада и читает что-то вслух кукле Эмме, которая сидит рядом.

Приоткрыл дверь, заглянул.

— Я ей читаю,— говорит Маша.

— Это что— газета?

— Да... газета... Хрущёв...

* * *

Сегодня утром Машка сочинила стихи:

Расшумелся шар земной,

И пропал он под водой.

Стихи эти ей очень нравятся. Объясняла: написала эти стихи потому, что вспомнила, как один раз ходили на Неву и как там было красиво.

Я маме говорю:

— Маше вспомнилось, как вы с ней и с бабушкой ходили на Неву.

Думал, когда они октябрьскую иллюминацию смотреть ходили.

— Не с мамой, а с тобой,— перебила меня Маша.

И я сразу вспомнил темный осенний вечер, домик Петра Великого, спуск к Неве между двумя драконами...

Как видно, сильное впечатление произвело на Машу это зрелище: густая черная вода, шум невской волны... Но откуда шар земной?

Когда я пришел завтракать, она записывала свои стихи! Да! Собственноручно записала (консультируясь в некоторых случаях со мной и с мамой) обе строчки.

Я спрашиваю:

— Ты что— писательница?

— Да,— ответила она.— Буду... Может быть.

А стихи, надо сказать, страшноватые.

16.3.61.

Вчера не гуляла. Весь день играла, читала, слушала мамино чтение, разглядывала со мной “Мурзилку” и “Костер”. В “Костре” понравились рисунки Харкевича к повести Бикчентаева “Дочь посла”: на девочку напала змея, девочка играет с обезьянкой, мальчик тонет и прочие заманчивые ужасы.

* * *

Утром сегодня спутала, обмолвилась:

— Звонильник не будил еще?

* * *

— Видел, какое сегодня солнышко?

— Да, видел.

— Где ты видел?

— Во сне.

— А-а-а, в своем “восне” ты видел?!

17.3.61.

Вечером была у меня. Слушала с интересом далеко не лучшую, довольно-таки тягомотную житковскую книгу “Что я видел”.

* * *

Приходит мама и с трагическим юмором сообщает:

— Хороша у нас Машка! Очень своевременно цитирует:

Лучше, мама, не пищи, -

Ты мне няньку пощади

Нет, дочка, довольно! Обойдешься без няньки, большая уже...

22.3.61.

Мама с Машей ходили в гости к тете Леле Мороз.

По пути мама показывала Машке все достопримечательности.

Показала Медного всадника. Потом показала собор. Машу заинтересовали ангелы на кровле. Она привыкла, что почти все, о ком она спрашивает, уже умерли (“А где теперь Петр Великий?”— “Он уже умер”.— “А где Пушкин?”— “Он умер”.).

Так и тут.

— А где теперь ангелы?— спросила Машка.

* * *

Рано утром мама проснулась:

— Маша, зажги свет!

— Нет, не зажгу.

— Это почему?

— Надо сказать: “Пожалуйста, зажги”.

Это называется— перезавоспитали!

* * *

Вчера показывал Маше открытки с видами Ленинграда.

Показал фальконетовского Петра:

— А это кто?

(Видела этот памятник несколько раз, на днях проезжала мимо него с мамой.) Сморщила лобик. Думает.

— Мягкий знак?

Смотрит на меня. По глазам вижу— сама чувствует: что-то не так.

— Ой, как это? Мягкий... всадник? Мятный всадник?!

* * *

Утром сегодня:

— Мама, ты уже ела?

И быстро, не дождавшись ответа:

— Скажи: “Как видишь”.

Знает уже все речевые штампы родителей.

* * *

Писал вчера большими печатными буквами у нее на глазах:

Маша пила чай.

Мама пила какао.

Папа пил воду.

Бабушка пила молоко и так далее.

И Машка довольно бегло читала. Впрочем, “бегло”— не то слово. Долго смотрит на бумагу, пожимает плечами, ерзает:

— Не знаю. Не могу.

А потом сразу:

— Тетя Ляля пила кофе.

Главное— понять, в чем фокус. Очень мешает, что буквы “эн”, “эм”, “бе”, а не “б”, “в”, “н”.

29.3.61.

Вчера были у нас две московские дамы. Машка, как всегда при гостях, была хороша, мила, благонравна, чего нельзя сказать о гостьях. Хотя обе дамы педагогессы, ведут они себя при детях постыдно.

Есть отвратительная манера обращения с детьми: сюсюканье.

Но есть еще более ненавистный мне вид разговора с ребенком, когда взрослые развлекают себя малышом, растлевают его своими взрослыми похабностями и пошлостями.

— Ну как, Ваня, не выпиваешь еще? А жениться как— не собираешься?

— Машенька, маникюр ты скоро будешь делать?

— Смотрите, как она поглядывает на Семена Сергеича. Ох, берегитесь, Семен Сергеич!— и тому подобное.

Бывало, что в таких случаях я брал Машку за руку и выходил из комнаты.

* * *

Играла со своим любимчиком Чиполлино, взяла его за ноги и стала крутить. Бац!— ноги отлетели. В другую сторону летит туловище, а проросшая зеленым луком голова— та и вовсе закатилась под диван.

Умоляла меня:

— Почини!

Не раз чинил ее кукол. Но тут починить невозможно.

— Погиб,— говорю,— твой Чиполлино.

— Как погиб?!! Он же игрушечный.

— Игрушки, Маша, тоже погибают.

* * *

Была у нас в гостях тетя Минзамал. Машка ей рассказывает:

— Ты знаешь, какая у меня беда случилась. Чиполлино у меня сломался.

— Ничего, ничего,— равнодушно говорит Минзамал.

И это равнодушие взрывает Машку.

— Что “ничего”?!! Ты разве не знаешь, что он был мой

любимчик?!

ТЕТРАДЬ ДЕСЯТАЯ

31.3.61. Ленинград.

Мама при мне (и для меня) спросила у нее:

— Маша, какое время дня ты больше всего любишь? Утро? Вечер? После обеда? Ночь?

Машка вспыхнула. Давно не видел, чтобы она так краснела.

— Это— сервиз,— говорит она.— То есть сюрприз.

Никак не может установить разницу между этими тремя словами. И я еще раз поправляю ее:

— Секрет!

А маме она (раньше) сказала, что любит больше всего раннее утро, когда она из своей кроватки перебирается к своей Эликошечке и целует ее.

Позже, наедине, я сказал Элико:

— Зачем же ты громко говоришь о таких интимностях?

— Я же только при тебе.

— И при мне не надо. Это же действительно “сервиз”.

* * *

Сейчас зашел к ней. Рисует.

— Посмотри, как я хорошо нарисовала! Можно даже на стену вешать.

Девочка-грузинка. Лес. Цветы. Солнце. Кусты. На кустах висит почему-то кепка. Я посоветовал нарисовать еще голову волка, который выглядывает из-за куста.

Маша говорит:

— Эта девочка у меня дрессированная.

— Волк, наверно, дрессированный? А девочка— дрессировщица?

— Да,— соглашается она.

Я посоветовал:

— Пусть она будет артистка, дрессировщица. И пусть пойдет в лес и найдет в лесу маленького волчонка. И выучит его всяким штучкам, и он будет выступать в цирке. А теперь ты цирк нарисуй.

Кажется, сейчас рисует цирк.

Пойду проверю.

* * *

Нет, рисует, наоборот, “дремучий лес”.

— Я цирк не умею рисовать.

И в самом деле: откуда же ей уметь. Никогда еще не бывала.

1.4.61.

Утром сегодня прибежала будить меня. Сует мне в лицо свои

руки:

На... посмотри!..

И объясняет:

— Ногти! Ногти!.. Растут? Выросли?

2.4.61. Воскресенье.

Вчера были в Пушкине. День рождения тети Ляли. Для Машки эта поездка— событие. Она знала, что у нее появилась маленькая племянница и одно время даже сердилась, когда ее называли “тетей”. Хотела, конечно, посмотреть Кулемушку, но особого рвения не проявляла.

И вот...

У подъезда нас встречает тетя Ира, ставшая недавно бабушкой. На руках у нее— большой круглый пакет в синем одеяле.

— Кулемушка!

Машка заглянула туда, в этот пакет, с трепетом откинула белую кружевную простынку— и была покорена!

Кулемушка— смешное, безволосое и вместе с тем рыжеволосое существо, не ахти какое красивое, но чрезвычайно милое, привлекательное, симпатичное. Синеглазая, спокойная, веселая.

Сколько радости получили мы все, и всех больше, конечно,— Машка!

Ведь живая кукла! И можно трогать пальчики на руках и на ногах. Можно разглядывать ноготки, целовать и гладить затылочек с короткими рыжими волосками и теплый живой животик с настоящим большим пупком! Даже на руках Машке позволили Кулемушку подержать!

* * *

Обогащенная вчерашним опытом, сегодня с утра играет в куклы: пеленает свою крохотную тятятяшку, кутает ее в одеяльце и— самое трогательное— кормит ее, расстегнув на груди кофточку. Очень верные движения. Серьезно, спокойно и даже с какой-то материнской гордостью.

30.4.61.

Случилось так, что без малого месяц мама и папа не притрагивались к этой тетради.

Перепишу несколько Машкиных “сентенций и замечаний”. Сделаны эти заметки в разное время— в Комарове и в Ленинграде.

* * *

Увидела в газете портрет Гагарина. Залюбовалась.

— Красивый очень!.. На дядю Степу похож.

* * *

Мама была в Тбилиси. Ездила на похороны дяди Рачика, отца Павлика. Мы с Машей очень скучали. Один раз Маша мне говорит:

— Знаешь что, папа? Давай в Тбилиси поедем с тобой!

Я объяснил ей, почему нам сейчас ехать нельзя:

— Ты же помочь не можешь ничем...

— Почему? Я могу. Я в аптеку схожу.

И, испугавшись собственной храбрости, тут же добавила:

— С тобой вместе.

2.5.61.

Вчера, в Первомай, мама, папа и Маша много гуляли. День был по-праздничному солнечный, но ветреный.

Были на “Авроре”. Маше очень понравилось, но она все просила, чтобы “пароходик поехал”...

Купил ей у цыганки голубой красивый шар с белым грибом. Шар тут же лопнул.

Сегодня тоже много были на воздухе— в парке Ленина, в сквере им площади Революции, у Петропавловской крепости.

* * *

Дело было в Комарове. Мы с Машей возвращались с прогулки. У подъезда Дома творчества нас обогнал высокий, похожий на большого доброго зверя дядя, оглянулся, достал из кармана пальто бутылочку и показал Маше. Там, в бутылочке, на белой бумаге или на вате ползала какая-то нечисть.

— Видишь, девочка, сколько я наловил сегодня?

— Мухи?! А зачем они вам?

— Зачем? А я энтомолог, изучаю вредных насекомых.

— А бабочек тоже?

— Нет, бабочек другие изучают.

Дядя очень интересно рассказал, каких он красивых бабочек видел внизу, на взморье, и как он ловил морилкой мух, и пошел.

Маша постояла, подумала и вдруг кинулась за ним следом.

— Простите... А моль вы тоже ловите?

Дядя сказал, что моль он ловить не умеет и что за это ему даже попадет от жены.

* * *

Между прочим, на моей памяти это первый случай, когда Машка не вступилась за насекомых. Больше того— она с уважением рассказывала маме и еще кому-то про этого ученого мухолова.

Понимаю, в чем дело. Этот человек— ученый. Он изучает мух, делает полезное дело и никого не мучает. Поэтому нехороших чувств у Машки он не вызвал. Так же, как не вызовет у нее, вероятно, гнева и отвращения сторож или директор

Зоопарка. А вот с существованием на свете такой профессии, как охотник, она до сих пор примириться не может.

* * *

И вот еще о насекомых.

Это уже не о Машке.

Живет сейчас в Комарове московская писательница Х. В свое время она написала несколько книг для детей. Человек способный. Даже очень. Но почему-то уже много лет из-под ее пера не вышло ни одного детского рассказа. И хотя, знакомясь, она по-прежнему называет себя детской писательницей, пишет она для “взрослого” радио, сотрудничает в каких-то “отраслевых” журналах.

Мне казалось, что человек она не только умный и талантливый, но и добрый. А тут сидим как-то за столом, обедаем, она говорит:

— У меня в комнате появились муравьи. Убила вчера одного, сегодня два новых появились.

Я посмотрел на нее с удивлением.

— Зачем же вы его убили?

— А что я, по-вашему, должна была с ним делать?

— Не знаю, что... Вероятно, помочь ему найти дорогу домой.

А когда Х. призналась, что терпеть не может ничего “ползучего”, что убивает с удовольствием божьих коровок, мне стало грустно и я ей сказал:

— Хорошо, что здесь нет сейчас моей Машки...

Я понял вдруг, почему Х. перестала писать для детей. Ей нечего сказать им.

20.5.61.

Папа вчера приехал из Комарова. Приехал неожиданно, не предупредив. Машка спала. Когда проснулась, мама говорит ей:

— Ты знаешь, кто приехал? Папа!

Не верит. Смеется. Ну, да! Дескать, ври больше.

И вдруг папа самолично входит в комнату. Радость неподдельная.

Вчера и сегодня почти все время вместе. Только утром папа несколько часов работал.

Гуляли. Играли. Читали. Под вечер ходили к домику Петра, оттуда через Кировский мост прошли на Марсово поле. Несколько минут постояли у могил Жертв Революции, где бьется на ветру язычок вечного огня... Хотели зайти во двор Мраморного дворца, но ворота были уже закрыты. Только издали посмотрели на ленинский броневик. Я напомнил Машке, что это такое. Вцепившись ручонками в прутья садовой решетки, она внимательно смотрела на черную угловатую машину и вдруг

спрашивает:

— Он детей любил?

И сама же ответила:

— Да, любил. Я знаю.

* * *

Еще из старых заметок.

Молодой месяц пробивается сквозь тучи.

— Как “э” оборотное,— говорит Машка.

* * *

Путает (и не в первый раз уже) “фабрику” с “Африкой”. Спрашивает:

— А эти стулья тоже на Африке делали?

* * *

Комарово. У магазина на Морском проспекте два маленьких мальчика— близнецы.

— Ой, папа, папа, смотри, близнецы!

Спрашивает:

— Это близнецы?

— Да, близнецы.

Подходим ближе, и Машка уже другим тоном, разочарованно:

— Нет, это не близнецы.

— Почему ты думаешь?

— У них шарфики неодинаковые.

* * *

Юношеская фотография моего отца Ивана Афанасьевича. Он в форме стандарт-юнкера Владимирского драгунского полка, с эполетами, в портупее. Говорю:

— Это твой дедушка Иван.

— Он что, милиционер был?

* * *

Читал я как-то маме в журнале подборку “Шведский юмор”. Мама смеялась. Маша посмотрела на нас и тоже стала смеяться.

Я говорю:

— Ты что смеешься?

— Я, правда, ничего не поняла, но все-таки мне смешно.

* * *

Между прочим, “все-таки” (и не все-таки, а все-така)— одно из любимых ее словечек.

— Папа, давай поиграем.

— Нет, Маша, мне некогда.

— Ну, все-така!

* * *

Были мы с нею и с мамой в Летнем дворце. Маше было интересно. Не то что в прошлом году, когда мы осматривали с

нею Царскосельский дворец и она дико хохотала, видя, как у солидных дяденек и тетенек то и дело сваливаются с ног огромные туфли-шлепанцы.

Я показал Маше портрет Петра. Напомнил, что это Петр Великий (первая историческая фигура— после Ленина,— с которой она уже довольно хорошо знакома).

Машка очень внимательно разглядывала молодого царя. Задала несколько вопросов. Пошла дальше. Потом вернулась к портрету и снова с интересом стала смотреть на него. Вижу, хочет что-то спросить.

— Что, Маша?

— Папа, а откуда ты знаешь, что это Петр? Ведь ты же тогда был еще маленький.

4.7.61. Дубулти.

Уже пятнадцатый день мы в Дубулти, на Рижском взморье, в писательском Доме отдыха. Очень нехорошие были эти недели. Перед отъездом Маша хворала, долго была на постельном режиме, и чуть ли не прямо с постели мы взяли ее в это первое в ее жизни большое путешествие. Впервые ночевала она не дома, а в поезде, впервые услышала чужую речь, впервые попала в большой коллектив детей.

И вот все это сказалось. Машка захворала. У нее было настоящее нервное расстройство.

На десятый день возили ее в Авоти к врачу-невропатологу.

Сейчас она, слава богу, вышла уже из этого состояния. К ней вернулись и улыбка, и ясное настроение, и любовь к людям, большим и маленьким.

А было трудновато и страшновато.

Буду постепенно переписывать в эту тетрадь из того, что записалось за эти три недели. (Не все, а кое-что. “Истории болезни” здесь не будет.)

* * *

За обедами и завтраками то и дело трогает себя за щеку и спрашивает:

— Розовею?

* * *

Первый раз в жизни видела солнечный закат. Спросила у меня:

— Папа, а как делается солнце?

— Солнце существует давно. Еще нас с тобой не было.

— Нет, а как оно сделано?

— Этого я не знаю.

— А кто знает?

— Ученые люди знают. Но есть вещи, о которых точно никто

не знает.

Секунду Машка подумала.

— А царь Петр?

Что это? Культ?

* * *

Как и при каких обстоятельствах я заметил, что она поправляется? После обеда пришла ко мне, рисовала. Нарисовала двух чудесных рыжеволосых латышек: маму и дочку. И по этому рисунку я понял, что наступает выздоровление.

Из маминых вчерашних записей

5.7.61.

Мама говорила Маше, что скоро приедет сюда тетя Гетта.

— Ты ей скажешь: “Здравствуй, тетя Геттик! А как бабушка поживает, как Павлик?”

— А я и так знаю, что Павлику плохо, зачем же спрашивать?

— Почему ему плохо?

— У него же папа умер.

Из старых, еще ленинградских, записей

6.7.61.

Две недели хворает. Лежит. Истомилась, соскучилась— по всему на свете.

Прихожу к ней, она говорит:

— Я давно не виделась с ней. Папочка, покажи мне ее!

— Кого?

— Юбочку мою. Синенькую.

* * *

— Лекарствушки мои где?

* * *

Вечером, как всегда, когда Маша хочет спать, напала на нее слезливость.

После ужина мама сказала мне, между прочим, что на рынке уже кончается клубника. Машка на эти слова никак как будто не реагировала. А позже, когда ее готовили ко сну и когда она только и искала повода, чтобы дать волю слезам, вдруг захныкала, заплакала, завыла:

— Клубни-и-ичка конча-а-ается!..

10.7.61.

Утром, то есть перед обедом, когда мама ездила по делам в Майори, я работал у себя в комнате, а Маша контрабандой тихо играла у меня на балконе. Конечно, немножко мешала, но вместе с тем и вдохновляла: написал я больше, чем накануне.

* * *

После обеда вдруг заявила:

— Хочу играть! Папочка и мамочка, мне очень хочется

играть! Я же так давно не играла.

— Позволь! Что ты говоришь! Как “давно не играла”?

И тут же понял... Да, те “массовые” игры, в которых она принимает здесь участие,— для нее не игра. Она привыкла играть одна или со мной и играет в этих случаях активную, ведущую роль, а тут, когда на качелях играют в поезд или в самолет, ей достается бессловесная роль пассажирки или чьей-нибудь дочки...

12.7.61.

Видимся мало, реже, чем обычно. Она или с мамой, или с ребятами.

Вчера мама собиралась ехать с какой-то экскурсией, Машку оставили на попечение Н.В.Гернет. Элико не уехала, но Машку из детского общества изымать не стали.

Все утро лил дождь. Я хорошо поработал, и, когда во втором часу мы с мамой заглянули к Гернетам, игра была в разгаре. Самое удивительное и неожиданное— Машка в этой игре верховодила. Она— мама (передник до пят, засученные рукава), восьмилетняя Наташа— на вторых ролях: она— бабушка. Митя, Оля и все остальные, включая пятилетнего Гека,— дети.

Мы с Элико не стали вмешиваться в игру. То есть, говоря по правде, я пробовал вмешаться. Нажал воображаемую кнопку звонка и спросил, здесь ли живет Марья Алексеевна Пантелеева. Машка как будто готова была включить меня в игру, но другие смотрели на меня испуганно и с недоумением. Дело не в том, что я— взрослый. Мне приходилось играть в этой компании, и ребята охотно принимали меня и на другой день звали снова играть. А тут— другое. Как будто идет спектакль в Александринке, пьеса Островского, и вдруг выходит на сцену человек в современном костюме, у которого и роли-то нет, перебивает действие и говорит:

— Давайте и я что-нибудь представлю.

16.7.61.

Приехала тетя Гетта.

Вчера утром Машка занималась с нею гимнастикой, училась правильному дыханию. Я посмотрел: порозовела, посмуглела слегка...

* * *

У Машки (да и у нас тоже) событие: разъезжается большинство наших соседей, сотрапезников и приятелей по играм и беседам,— кончилась “смена”.

Уезжают почти все дети. И не удивительно, что Машка уже грустит и говорит, что ей жалко, что она привыкла, а к новым ей трудно будет привыкнуть.

Шутки шутками, а в этой резкой ломке заключается

некоторая опасность. Ведь уже было такое месяц назад. Хорошо, что именно в эти дни Машка заново знакомится с тетей Геттой и привыкает к ней. Уже есть отвлечение и развлечение.

* * *

Машка на каждом шагу:

— Так и знала! Так и знала, что ты так скажешь.

Типизирует речевые обороты, коллекционирует слова, выражения, идиомы.

* * *

Рисует. Сломался карандаш, я стал точить его. Машка стоит, смотрит. Просто стоять и смотреть ей неинтересно. И она подсказывает мне:

— Скажи: “Что ты ждешь? Рисуй!” А я скажу: “Чем же рисовать? Ты же карандаш точишь...”

18.7.61.

Очень знакомый мне, крутой характер. Были у меня мама, тетя Гетта и Машка. Мы с Машкой играли на галерее. Все было тихо, мирно. И вдруг:

— Не хочу, не буду.

Это я предложил ей готовиться к ужину и уложить в платяной шкаф игрушки (банки из-под монпансье и прочее).

— Убери, пожалуйста.

— Нет.

Делается это, конечно, для тети Гетты. Очень давно ничего подобного не было.

Я попросил маму и тетю Гетту уйти. Они ушли, и я очень спокойно говорю Маше:

— Ты что же— хочешь со мной на всю жизнь поссориться? А ну, подними, пожалуйста, игрушки.

Подумала, подняла одну банку, бросила ее за порог комнаты.

Еще несколько спокойных фраз— и банки с грохотом падают в шкаф. На грохот я не обращаю внимания. Понимаю, что без грохота сейчас нельзя.

— Ну, а теперь помиримся. Поцелуй меня.

Надулась. Не хочет.

— Ну хорошо. Можешь идти.

Кидается ко мне, крепко обнимает, целует.

* * *

На днях познакомилась с Тимуром Гайдаром. Странно и замысловато складываются и переплетаются судьбы. Когда я познакомился с его отцом, он был намного моложе нынешнего Тимура. Теперь Тимур человек уже не самой первой молодости. А Машке еще нет пяти. Вот тут я и понял, что называется, воочию, как поздно я обзавелся семьей.

19.7.61.

Новая смена. Новые дети. И для Машки это, конечно, опять потрясение.

В столовой за соседним столом поселился черномазый и черноглазый, похожий на обезьянку мальчик лет пяти-шести с такой же черноволосой смуглой и темноглазой мамой. Как нам сказали, родители этого мальчика один доктор, другая— кандидат наук. Но парень этот— настоящий дикарь. Мы опасались, что поведение его будет соблазном для Маши. Но нет, такой в соблазн ввести не может. Так же, как не могут ввести в соблазн обезьянка или медвежонок. Сидит этот паренек, забравшись с ногами на стул, одна рука в кармане, и при этом еще вертится и крутится, как карась на сковородке. Или положит голову на стол. Или засунет столовую ложку за щеку. Или поднимет ногу выше стола. А мрачная черная мама сидит, молчит, не поднимает над тарелкой глаз.

Да, такой ввести в соблазн не может. Тут действует уже не сила примера, а сила преувеличения, сатиры, пародии. Может быть, общество такого обезьяныша даже полезно Машке. В той мере, в какой полезны “Ревизор” или “Горе от ума”.

* * *

На пляже встретили детгизовцев— К.Ф.Пискунова и С.М.Алянского. Маша вежливо поговорила с ними, а потом, когда я сказал ей, что эти дяди издают детские книги, она оглянулась и сказала:

— Жалко, что я не знала. Я бы еще поговорила с ними.

* * *

По-прежнему тоскует вечерами по Ленинграду.

“Хочу в Ленинград!” звучит, как некогда звучало: “Хочу маму!..”

23.7.61.

Днем плакала, узнав, что папа уехал в Пумпури, в пионерский лагерь.

“Почему он не взял меня к этим детям? Я бы с ними поиграла”.

А папа сознательно не берет ее с собой в таких случаях. Не один раз, еще холостым, я видел самодовольные лица писательских детей, когда их папам аплодировали или подносили цветы. “Эх, папы, папы,— думал я.— Глупые вы папы...” И поскольку сам не хочу быть глупым папой, увожу Машку от искушения— искушения примазаться к чужой славе.

26.7.61.

Мама и тетя Гетта ездили в Ригу, мы с Машкой весь день были вместе.

Все утро я работал, она играла на галерее.

Перед ужином ходили встречать наших “рижанок”.

Смотрели, как два латыша укладывали бетонные плиты на отлогом берегу Лиелупе и как подносил им эти плиты плавучий подъемный кран.

Оба рабочих были в высоких рыбацких сапогах.

Я сказал— и не сказал даже, а только начал:

— Как у кота в сапогах...

— Да, я уже думала,— перебила меня Машка.— У меня таких три в Ленинграде.

Мама и тетя Гетта приехали в девятом часу. Мы пропустили десять или двенадцать поездов.

* * *

Пили с Машкой (дома, у меня в комнате) яблочный сок.

— Давай кокнемся?— предложила мне Машка.

— Не кокнемся, а чокнемся.

— Ну, все равно, кокнемся.

Под дождем, под двумя зонтами, ходили на вокзал за газетами.

До ужина просидели на вокзале.

Мы с Машкой играли в “поезд дальнего следования”. Она была проводницей-латышкой и неподражаемо (да, не преувеличиваю— неподражаемо) имитировала латышскую речь и латышский акцент.

* * *

Любит играть с Янеком, сыном здешних уборщицы и садовника. Янек моложе Машки на полгода. Очень плохо говорит по-русски. Но в играх— верховодит... Впрочем, не во всех играх.

Когда играли в “дочки-матери”, командовала, если не ошибаюсь, Маша. Коронный номер Янека— “кино”... Изображает он нечто фантастическое. Ставит всех присутствующих перед белой занавеской, сам уходит на лестницу, затем появляется и быстрым спортивным шагом идет к занавеске. Там он делает какие-то странные пассы и кричит:

— Кондуктор... ужинать... маленькая девочка... после кино выходить... пять минут!

Машка стоит, смотрит, слушает, ничего не понимает и— робеет: она же понятия не имеет, что такое кино. И Янек выглядит в ее глазах необыкновенно образованным, знающим, бывалым парнем.

— Кондуктор— я, а потом ты будешь кондуктор,— командует Янек, и Машка безмолвно подчиняется, хотя сообразить, что делает кондуктор в кино, она, конечно, не может. Так же, как и я и все прочие присутствующие. По-видимому, кондуктором Янек

именует контролера.

1.8.61.

Утро было довольно ласковое, но после обеда, когда мы ходили за газетами, вдруг подул ветер, небо на горизонте стало чернеть. Мои дамы (и спутник их Янек) успели убежать, а я остался ждать газету.

Был ураган. Поломало много деревьев. У нас в саду повалило огромную старую липу. Упала она на крышу того одноэтажного домика, где помещаются душевая и медицинский пункт.

Машка была страшно расстроена, когда кто-то сказал при ней, что “погибло такое дерево”.

— Может быть, его можно починить?

— Да нет, Маша. Ведь когда ты цветок сорвешь, его уже не починишь.

— Может быть, в воду можно его поставить?

И глаза у нее наливаются слезами.

— Папочка... давай... давайте поставим его в море!..

5 ЛЕТ

5.8.61.

Весь день солнце не сходило с неба.

У Машки было много радостей.

Перед обедом мама и тетя Гетта ездили в Майори на рынок, а мы с Машкой играли на пляже. Вырыли очень глубокий колодец, даже не колодец, а целый пруд, и сделали спуск к нему со ступеньками— как на Неве или на канале Грибоедова. Рядом играли, рыли неглубокие ямки и заливали их из ведерка водой, Янек и незнакомая длинноногая девочка, не запомнил ее имени. Машке было неприятно, что ребята обособились, ей было бы интереснее играть с ними, а не со мной.

Девочка все время хвасталась:

— У нас лучше!

А Янек, дурачок, даже подбежал и сказал:

— Вы уходите, а мы будем зарывать ваш пруд.

— А мы давай их зароем,— предложила мне Машка. Пришлось объяснить ей, что на подлость отвечать подлостью не следует.

С Янеком у нее отношения вообще вышли из той стадии мира и безмятежности, в какой они были еще три дня назад.

Третьего дня перед ужином они подрались. Янек стал отнимать у Машки мяч, она оттолкнула его, он ударил ее по голове, она кинулась к матери. Мама сказала:

— Жаловаться нечего, разбирайтесь сами.

Во всяком случае, от дружбы уже ничего не осталось, кроме легкого пыла похмелья. И для Маши это, конечно, первый жестокий урок, первое серьезное разочарование.

* * *

Вчера у Машки были гости.

А утром сегодня подавальщица Таня спросила:

— Сколько же тебе, Машенька, исполнилось вчера лет?

— Пять,— ответила Машка.

— О, да ты совсем старушка!

И вдруг губы у Машки задрожали— и громкие рыдания огласили столовую. И тут мы поняли, что до старости нашей дочери еще ой как далеко!..

7.8.61.

Второго вечером я повел Машку на море, хотел показать ей небывалой красоты закат. Но пришли поздно, уже не было этого малинового полудиска и малиновой гармоники-дорожки на стальной, перламутровой водной глади...

Впрочем, Машка была вознаграждена. В отдалении, на пляже, слышалась музыка, шумела большая толпа. Мы пошли туда.

Зрелище вообще-то довольно жалкое. Отдыхающие из соседнего санатория, затейник или культурник с аккордеоном. Танцуют вальс, медленный фокстрот, играют в “подвижные игры”.

Машка стоит и смотрит. Глазенки ее сияют. Для нее это сказочный бал.

Пора уходить. Уже темнеет. Повеяло прохладой.

— Папочка! Ну прошу тебя! Ну совсем немножечко еще!..

8.8.61.

Плакала Машка, плакала, ныла, ныла: “Хочу в Ленинград!”— и вдруг выясняется, что уезжать ей отсюда вовсе не хочется.

Проснулась вчера у меня на балконе и говорит:

— Я привыкла. Почему это так: в Ленинграде поживешь не хочется оттуда уезжать, здесь поживешь— отсюда не хочется. Правда, папа, почему это так?

* * *

А нам тем временем и вправду надо собираться. Вчера папа и мама ходили в Майори, заказали на сегодня такси.

Вечером отбываем.

* * *

Задала мне вчера загадку. Идем на вокзал за газетами. Маша говорит:

— Помнишь, как мы в Комарове у вокзала кобылу нашли?

— Какую кобылу?

— Ну, кобылу нашли. Что ты— не помнишь?

— На вокзале?

— Не на вокзале, а у вокзала.

— Настоящую?

— Да, настоящую.

— Палочку, может быть? Прутик? Мы играли, что это лошадь?

— Да нет, настоящую кобылу.

— Кобыла, Маша,— это лошадь. Лошадь-мама, лошадь-женщина.

— Ломаную мы нашли.

И тут меня осенило.

— Подкову! Подкову, Машенька, а не кобылу!

— Да, да! Подкову!

Такое с ней нередко бывает.

9.8.61. Ленинград.

Утром сегодня прибыли домой.

Радовалась она и Ленинграду, и тете Ляле, которая встретила

нас, и тете Нине Колышкиной.

Сейчас она лежит у мамы в комнате. Прежде чем лечь, просила меня:

— Папочка, можно сегодня не спать?

Нет, милая, надо начинать ленинградскую жизнь по-доброму.

12.8.61.

Ездили в Пушкин. Оставили Машку на несколько дней у тети Ляли.

Оставаться она очень не хотела,— ведь это первый случай, когда ее оставляют без папы и мамы в чужом (хоть и в тети Лялином, а все-таки чужом) доме!

* * *

Говорил по телефону с Лялей, потом с Машуткой.

— Тебе хорошо?

— Хорошо. Спасибо.

— Что делаешь?

— Играю на балконе с тетей Ниной.

— Погода хорошая?

— Хорошая.

И мама спросила:

— Тебе хорошо?

И когда узнала, что хорошо, даже обиделась немножко.

19.8.61.

Ура! Ура! Ура! Машка в Ленинграде.

* * *

Еще у тети Ляли, в Пушкине, спросил:

— Скучала без нас, Машутка?

— Да.

И на ухо:

— Я один раз даже плакала ночью.

А вообще-то она не очень, конечно, скучала. Много была на воздухе, играла, завела приятелей и подруг.

20.8.61.

Были втроем в парке Ленина. Смотрели, как строится метро.

Мама ушла домой— готовить обед, мы с Машкой еще постояли, посмотрели. А поздно вечером— опять втроем— ходили на Неву, к домику Петра.

Домик, против обыкновения, был освещен, все окна ярко светились. Я начал было сочинять сказку— о том, как Петр Великий раз в году съезжает со скалы и едет в свой домик— праздновать свой день рождения... Но тут безжалостная мама прервала меня и сказала:

— Посмотри!

В домике Петра Великого две женщины мыли полы. Сказка

осталась незаконченной.

* * *

А вот весьма конфузная история.

Машка призналась мне (об этом я, кажется, уже писал), что в Пушкине один раз плакала ночью.

Маме (а быть может, и папе) это было приятно слышать. И вчера мама снова завела разговор на эту тему:

— Ты, говорят, плакала, Манюся?

— Да.

— А почему же ты плакала?

— Я после скажу.

— Ну, скажи сейчас. Почему ты плакала? Грустно было? Да?

— Да. Грустно. Я подумала, что дома в холодильнике арбуз остался.

Сконфуженная мама в ее присутствии рассказала эту историю мне. Я говорю:

— Значит, арбуз ты больше любишь, чем нас?!

Покраснела.

— Нет... и вас тоже.

21.8.61.

Придумала новую игру:

— Заходите, пожалуйста! Заходите! Это знаете что? Это— новое. Это— домик царя Петра.

— Да? А вы— экскурсовод?

— Да.

— В таком случае покажите мне, пожалуйста, домик. Где у вас тут билеты продаются?

— Вот здесь. Нет, нет, вон там!

Билеты куплены, вручены экскурсоводу.

— Ну, показывайте.

Широкий, очень похожий, очень знакомый жест:

— Это— стена!

— Ах, какая стена!!!

— Теперь идемте в другую комнату. Это— кровать.

— А кто здесь спал?

— Здесь спал Петр. А вот здесь его дочка спала. (Показывает на картину— вид старого Таллина.) Это— замок старинный. Это — тувалет. Это жены его тувалет (возвращается к диванчику). Нет, здесь жена спала, а дочка спала с папой. Днем. Иногда и ночью...

* * *

Вечером играли в домино. Играть она не умеет— и правил не знает, и проигрывать не хочет.

— Нет, не я проиграла! Нет, я выиграла!..

Пришлось объяснить, что такое проигрыш и что такое выигрыш и как надо относиться к ударам судьбы.

* * *

Были гости. Гости пили водку.

— Это они что— лекарство пьют?— спросила Машка.

Оказалось, что в Пушкине дядя Прокофий пил с кем-то водку и Маше нашли почему-то нужным сказать, что это лекарство. Обман маленький, “невинный”, а почему-то противно. Ужасно не люблю обманывать маленьких.

26.8.61.

Вчера сказала маме:

— Ты почему то папу, то меня кормишь? А когда же ты сама будешь есть?

— Мне, Машенька, некогда.

— Хочешь, я тебе ряженку оставлю?

А ряженку она очень любит.

— Спасибо, Машенька.

Оставила ровно половину банки. Потом посмотрела, примерила на глаз:

— Еще одну ложечку возьму...

27.8.61.

Сегодня прекрасный день. Голубое небо. Солнце. Но, кажется, ветер. Белая занавеска у меня на окне надувается и плещется, как парус.

Мама и Маша ушли в Зоологический сад. Там народился у жирафа жирафенок, у львов— маленькие львята.

На днях были в ЦПКиО. Мама стала разъяснять Машке, что такое Арктика и что такое Антарктика.

Спрашивает:

— Где белые медведи живут, знаешь?

— Знаю. На севере.

— Правильно. А на юге кто живет?

Задумалась только на одну секунду:

— Бабушка.

* * *

Там же.

— Мама, пойдем посмотрим пельмени.

— Какие пельмени? Где?

— В детском городке.

А там на щитах изображены не пельмени, а пингвины.

29.8.61.

Рассказывает матери сказку:

“Девушка упала в воду, но не утонула, а осталась жива. Кто-то ее заколдовал, что она семнадцать лет будет спать. Потом она

умерла по-настоящему. (Ты, мамочка, не бойся, конец все-таки будет хороший!)

Плывет она и вдруг видит— навстречу ей плывут два короля в аквалангах...”

А что ж— все понятно. Для нее и акваланги, и корона, и золотой башмачок, и черная коробка диаскопа— одинаково и волшебство, и реальность.

2.9.61.

У Машки вчера был праздник: весь день гостила у нас живая кукла— Машкина племянница Аллочка Кальницкая, она же Кулемушка.

Конечно, это наслаждение— держать эту двадцатифунтовую куклу на руках, играть с нею, надевать на нее платьице и штанишки. Даже вытирать ей платочком губы— и это было радостью.

Но к этой радости примешивалось и нечто горькое: ревность!..

Вся нежность, все поцелуи, улыбки, восторги были обращены к маленькой. И я очень хорошо видел, чувствовал, как где-то в глубине Машкиной души шевелится неприязнь к этой улыбающейся розовощекой малышке. Ничего! Это очень полезно. Любовь победит, переборет эту неприязнь. А Машка слегка сдвинется с того места, которое называется “пуп земли”.

5.9.61.

Часа два гуляли вчера с Машей. Вышли из ворот— солнечно, прохладно, дует ветер.

Зашли в сад при большом доме на Мичуринской улице. Собирали желуди и голубиные перья. В этом саду— маленький игрушечный домик, мечта всех ребятишек, особенно девочек. Домик набит девчонками лет по шесть-семь. Побежала туда и Машка.

— Можно и мне с вами играть?

— Можно. Тебя как зовут?

— Маша. А тебя? А вас?

— Меня Лена. Меня Таня. Меня Маня. Дай перышко.

— Пожалуйста.

И раздала все перышки. И все желуди.

Играли в прятки, в палочку-выручалочку. Машка до сих пор играть не умеет и не пытается даже научиться. Просто бегает и смеется.

* * *

— Ты что плачешь, Маша?

— Я просто так. Не то плачу, не то смеюсь.

6.9.61.

Ходили вчера за покупками— в молочный и другие магазины. Машка помогала— стояла в очередях, хотя что такое очередь— до сих пор не понимает.

— Стой,— говорю,— вот здесь, за этой тетей.

Возвращаюсь и вижу, что лишь одна часть задания дошла до нее: стоит здесь, то есть там, где была поставлена. А тетя... тетя уже далеко, а за ней еще пять теть.

В другой раз говорю:

— Иди стань в очередь у кассы.

Через две минуты ищу— нет Маши в очереди.

Вижу— стоит у другой кассы, у неработающей. Стоит сбоку, беспечно покачивает ногой, терпеливо ждет меня...

* * *

Ночью мы с мамой рассадили в столовой на тахте всех Машиных кукол.

Утром Машка вошла в столовую и буквально остолбенела.

По словам мамы, минуту стояла молча в дверях и наконец выговорила:

— Мама, ты знаешь!.. У Катарины сегодня день рождения. К ней все дети в гости пришли!..

А минут через пять спросила:

— Мамочка, это они сами, или это ты их так посадила?

Ах, Машка, Машка, счастливый ты человек!..

* * *

Читал ей на прогулке стихи Хармса.

— Это кто написал?

— Хармс.

— Как?

— Хармс. Даниил Иванович Хармс. Очень хороший поэт.

— А где он сейчас?

— Умер.

Помолчала.

— Почему это все умирают писатели?

7.9.61.

На Кировском проспекте папа зашнуровывал Машке ботинок, и вдруг она закричала:

— Ой, здравствуйте! Здравствуйте!

И еще раз:

— Здравствуйте!

— С кем это ты?

— Ты не знаешь. Это моя знакомая.

Пошли догонять.

— Кто же это?

— Это доктор. Знакомая. В больнице Эрисмана меня лечила.

Не догнали. Да и хорошо сделали, пожалуй. Докторша шла с мужем, а у того на руках— ребеночек.

* * *

Третьего дня сидели в уютном садике— во дворе Дома художников.

Я сказал, что здесь, кажется, живет художник А.

— Это какой?

— А тот, что рисовал картинки к книге Бианки “Зоопарк”.

— Ты знаешь, папочка, надо им написать: почему для детей такие грустные книжки пишут? Я плохо сплю, когда мне что-нибудь грустное или страшное перед сном читают.

8.9.61.

Предложил Маше:

— Хочешь, поедем туда, где я родился и провел детство?

Подумала.

— Я лучше в Зоопарк хочу.

Все-таки поехали в места папиного детства.

На автобусе добрались до Никольского рынка, а там пошли пешком— до бывшей Покровской площади, по Английскому к Фонтанке и по Фонтанке— к двухэтажному домику с балкончиком посередине.

Вечером Машка сказала, что ей больше всего понравился этот балкончик и то еще, что в этом доме жил “маленький Алексейчик”.

Вошли во двор— грязный, “захламленный” и все-таки знакомый до последнего камушка.

У папы самым буквальным образом замирало сердце.

Маленький мальчик на трехколесном велосипеде (папа вспомнил себя в этом возрасте, на этом же месте и на таком же велосипеде) с места в карьер сообщил папе:

— Сегодня пожарные приезжали!

— Пожар был?

— Ага.

Недаром, значит, папу потянуло в эти места.

По Лермонтовскому дошли до Балтийского вокзала. По пути, на Покровской площади и на Лермонтовском, заходили в какие-то кофейни, ели крутые яйца, пирожки, пили тепленький кофе.

От Балтийского до Финляндского ехали на метро. И вечером Маша по секрету сказала маме:

— Все-таки больше всего мне понравилось метро.

* * *

Светский разговор за столиком кафе:

— Ты знаешь, папа, Сяо-Сяо хотя китаянка, она очень любит украинский борщ. И, абарот, не любит лягушек.

Сяо-Сяо— это кукла.

* * *

На днях мы были в садике, где Маша играла с девочками в пятнашки (палочку-выручалочку). Девочки считались. В считалке такие слова:

Здравствуй, попочка-дружок,

Сколько стоит пирожок?

На следующий день я говорю:

— Как это звали девочку, с которой мы играли? Которая считала.

— Таня! Плохая девочка!

— Почему?

— Говорит “попочка”.

Понятия не имела, что попочка— это попугай.

11.9.61.

Сейчас только хватились: батюшки, ведь Машка уже вышла из возраста “от двух до пяти”!.. Вышла, следовательно, если верить Чуковскому, из периода гениальности и перешагнула, если верить Макаренке, через ту черту, когда уже завершено основное воспитание ребенка.

Но мы, несмотря на это, еще пытаемся воспитывать ее.

12.9.61.

Сидели вчера в Дивенском садике. Впрочем, сидел я, а Машка играла— или, вернее, делала попытки вступить в игру с незнакомыми девочками. Да, не скрою, отцовское сердце больно сжималось, когда он видел издали, как Машка подбегает к компании девчонок лет по шесть-восемь, что-то им говорит (“Девочки, можно с вами поиграть?”) и тотчас отходит в сторону. По-видимому, ответ этих высокомерных девиц гласил:

— Иди, иди, карапет, без тебя обойдемся.

Машка возвращается ко мне. Я ее не расспрашиваю, она тоже ничего не говорит. Только говорит:

— Лучше я здесь посижу. Одна поиграю. С Люсенькой. Это даже интересней.

Люсенька— это кукла.

Неправда, что с Люсенькой интересней, чем с живыми девочками. Через пять минут— опять:

— Папочка, можно, я с этими девочками на качелях покачаюсь?

Наконец она находит себе товарища. Мальчик. Школьник. Лет одиннадцати-двенадцати. В ученической фуражке. Вижу, ведет этот парень, тянет за веревочку деревянный грузовик, сзади гордая и счастливая бежит Машка, а в кузове грузовика сидит, покачиваясь, ее Люсенька.

* * *

На днях, когда мама утром во время гимнастики рассказывала ей об олимпиаде и говорила о разных странах, Машке очень понравилось слово “СССР”.

Много раз на дню— ни с того ни с сего, но звонко, с аппетитом:

— Эс-эс-эс-эр! Эс-эс-эс-эр!

* * *

Не помню, по какому случаю, зашел у нас разговор о моей книжке “Часы”.

Ах, да, вспомнил! Звонила Г.В.Антонова, мой редактор, просила зайти, посмотреть рисунки к этой книге. Я собирался идти с Машей. А ей не хотелось. Я объяснил ей, зачем мне нужно. И стал рассказывать сюжет “Часов”. Показал старое издание с литографиями Пахомова. Она стала умолять:

— Папочка, прочти!

Думал, не выйдет ничего. Книга все-таки не на пятилетних.

И что вы думаете: слушала! И дальше просила читать.

Правда, пересказать не может, но она не может пересказать и “Девочку Машу” Введенского[16], и “Золушку”, и “Дюймовочку”.

Продолжение было обещано вечером. Вечером пришла ко мне — заставила читать.

Сцену в ванной слушала так, как слушают ее обычно ребята, — давилась от хохота.

Невольно зашел у нас разговор о том, что такое детский дом, что такое сирота и тому подобное.

Объяснил разницу между детским домом и детским садом.

Наговорил лишнего, как потом выяснилось.

— Кто живет в детском доме?— спрашивает Машка.

— Сироты. У кого нет ни папы, ни мамы.

— А если только мамы нет?

— Тоже.

— А если папы нет?

— Тоже.

— А папа же может кормить ребенка?

Объясняю, что все люди работают и что большинство работает не дома, уходят на весь день.

— Но ведь кормить-то он может девочку!

Долго не могла уснуть. Плакала. Звала то меня, то мать.

* * *

— Мама, я тебе никогда не рассказывала веселую сказку? Рассказать?

— Расскажи, пожалуйста.

— Жил-был король. И жила-была королева... У короля было

девять мальчиков и девять девочек. Король ходил на работу, а дети очень шумели. Потом, когда он приходил с работы, он брал детей гулять. У всех девочек были сумочки, а у мальчиков— машины.

Народ говорил:

— Это вы что, детский сад ведете?

А королева готовила обед на кухне.

14.9.61.

Вечером читал ей (у себя в комнате, пока проветривалась спальня) “Слона” Куприна.

Пришлось на ходу переписывать рассказ— так много там непонятного, чуждого, дикого для современного ребенка: и “я сам — хозяин дома”, и “в гостиной”, и “городовой”, и “я за все заплачу”, и торты, которыми кормят слоненка. А кроме того, девчонка в этом рассказе такая противная, что пришлось тоже на ходу подкрашивать, подрисовывать ее.

* * *

По-прежнему на каждом шагу: “Так и знала!”

— Так и знала, что ты так скажешь.

На днях мама у нее спрашивает (перед обедом):

— Ты вымыла уже руки?

— Так и знала, что ты так скажешь. А теперь ты скажешь: “Если не вымыла, то мой быстрее”.

17.9.61.

В парке Ленина девочка Оля с двухколесным велосипедом на толстых шинах. Девочка эта умеет считать до тридцати по-русски и до десяти по-английски. Машка слушала, слушала, не вытерпела хвастовства этой милой, в общем-то, девицы и начала загибать пальцы:

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

Насчитала самостоятельно, то есть без подсказки, до сорока или даже до сорока пяти.

Я сказал:

— А теперь считай по-грузински.

— Как?! Я не умею.

— Эрти, ори...

— Это же гимнастика!

Понятия не имела, что это— цифры. По-грузински считает мама, когда занимается с нею гимнастикой. Слова эти пристегнулись к мостикам, приседаниям, к бегу на месте. И Машка думала, что эти “эрти, ори, сами”— что-то вроде аккомпанемента.

В саду нас настиг дождь. Насквозь промокли. Дома растирались и сушились.

* * *

Объяснил ей, что такое мясо.

Она перебивает. Ей хочется самой все объяснить.

— Значит, так,— говорит она.— Корову стреляют, потом берут и кладут в магазин, да?

19.9.61.

Сегодня обнимает меня, смотрит мне в глаза и говорит:

— Папочка, а из чего делают глаза?

С самым серьезным видом я начинаю объяснение:

— Берется монпансье...

Вытаращила глазенки:

— Правда?!

И уже вся горит любопытством:

— Нет, правда, папа? Из лимпасье глаза делают?

* * *

Никак не может научиться правильно говорить некоторые слова.

Говорит:

лимпасье (вместо монпансье),

прадва (вместо правда),

каклеты (вместо котлеты).

* * *

Я зову ее Маша и даже Машка— она не обижается. Но огорчается, даже протестует, когда Машей или даже Машенькой назовет ее мама.

То и дело слышится в нашей квартире:

— Не зови меня Маша! Зови Манюся!

Если “Манюся”,— значит, мама любит ее, не сердится.

20.9.61.

Хотел накапать Машке в нос санорина. Отбивается, хнычет. Накапал все-таки.

И вдруг— громкий плач.

— Что такое? В горло попала?

— Не-е-ет...

— А что же ты плачешь?

— А-а-а-а! А-а-а-а! А-а-а-а-а!

Взял бутылочку из-под санорина, стал собирать ее слезки. Говорю:

— Ты слыхала? Тому, кто полную бутылочку соберет, в Зоопарке дают пони.

Сразу перестала плакать.

— Правда? А где же он будет стоять? Ведь в квартире нельзя пони.

— Жеребеночка можно. Давай, давай, плачь дальше.

И подставляю бутылочку.

Стала пробовать плакать— ничего не выходит.

Способ старый, не мною выдуманный.

* * *

Играет во что-то с Буратино. Объясняет мне:

— Мы едем в Тбилиси. Это у нас ночное кафе... то есть куфе... кухе... кухве...

Не сразу понял, что она пытается вспомнить слово купе.

21.9.61.

Ходила с папой в Литфонд к глазному врачу, оттуда прошли на Литейный в книжные магазины...

В саду Машка ловила золотые осенние листья, которые все летели и летели и не желали попадаться ей в руки...

* * *

А сегодня утром мама зовет меня:

— Посмотри!

Прихожу. Машка сидит на табуреточке перед маминым “тувалетом”, смотрит в зеркало и на разные голоса разговаривает — сама с собой:

— Девочка, давай познакомимся? Тебя как зовут? Меня— Маша.

— И меня Маша.

— Поиграем давай?

— А как?

— Ну, давай на этом диванчике ездить... будто это автобус.

* * *

Третьего дня вечером играли в лото: папа, мама, тетя Неля и Маша.

Машка страшно хочет выиграть. Громко зарыдала, когда кто-то сказал, что сейчас выиграет, кончит партию, тетя Неля.

— Я! Я хочу! Я!..

В выигрыше самое приятное— получить приз, столбик леденцов, и угощать ими всех своих противников.

* * *

Рассказывала тете Неле:

— Я сегодня во сне видела тетю Лялю и тетю Нину.

— А меня не видела?— спрашивает тетя Неля.

Смутилась, покраснела:

— Я, может быть, тебя и увидела бы, но я уже проснулась.

Ах, ты, милая моя, добрая, вежливая девочка!..

22.9.61.

Была в Зоологическом.

Дома обедала за своим маленьким столиком. И вдруг мама из соседней комнаты видит: Маша нагнулась над столом и ртом

пытается взять кусок хлеба. Взяла его— как-то боком— и грызет, жует.

— Ты что это делаешь, Маша?

— Ой, мамочка! Мне так интересно: как это они в Зоопарке без рук едят! Я тоже хочу научиться.

24.9.61.

У Машки большая радость сегодня— гостил у нас мальчик Толя, сын женщины, которая помогала Элико убирать квартиру. Толя живет в интернате, мальчонка он славный, мягкий, добродушный и очень рослый, не скажешь, что ему семь лет, дашь и все девять.

С Машкой он, как и полагается парню, да еще старшему по возрасту, снисходительно грубоват, иногда посмеивается над нею, но, в общем, играет с ней, кажется, с неподдельным удовольствием.

Рисовали, играли в “колпачки”, играли в “дочки-матери”, обедали и ужинали за маленьким Машкиным столиком.

Машка блаженствует.

— Толечка, Толечка,— только и слышишь.

Познакомилась она с ним и освоилась быстро. Еще в пальто (вернувшись из парка) ринулась на кухню и сразу:

— Здравствуй! Тебя как зовут? Сколько тебе лет?

И так далее— полная анкета.

Толя у нас ночевал. Утром они вместе занимались гимнастикой. Он ей показал свои упражнения, она ему— свои.

Вообще присутствие этого мальчика в нашем доме со всех сторон полезно Машутке.

Быстро ест (Толя в интернате к этому приучен), быстрее одевается. Учится быть хоть и в маленьком, а все-таки в коллективе.

Сейчас уходят втроем (Валя, Толя и Машка) в парк. Берут с собой ваньку-встаньку и большой мячик.

— Мячик понесу я,— говорит Толя.

— Нет, я,— довольно любезно отвечает Маша.

— Ты куколку понесешь.

Через минуту опять Машин голос:

— Я понесу мячик!

И уже чувствую— вот-вот вырвется из нее: “Это мой мячик!”

Зову ее к себе. Объясняю:

— Толя— у нас гость. И ему надо уступать. И надо все самое лучшее давать.

— Почему?

— Потому, что такой закон у людей. И неплохой, очень даже хороший закон.

* * *

Вчера вечером пришла ко мне и просит почитать ей “Часы”. Я не стал читать— некогда было. И, кроме того, объяснил ей, что у нее— гость.

А сегодня она, по словам мамы, спрашивает у Толи:

— Толя! Почему ты все-таки в детском доме живешь? Ты что-нибудь украл, да?

— Надо было видеть ужас, написанный на Толином лице,— рассказывала мне Элико.

— Маша!— воскликнул он.— Я никогда в жизни ничего не крал!

Могут спросить: откуда это у Машки? Это влияние художественной литературы, в частности творчества Машкиного отца.

25.9.61.

Играли в лото. Перед этим я провел с Машкой “разъяснительную беседу”. Объяснил, что плакать и сердиться, когда проигрываешь, нехорошо, некрасиво. Надо взять себя в руки, улыбнуться и поздравить того, кто выиграл.

— Почему?— удивилась она.

— А потому, что гораздо приятнее видеть, как человек радуется, чем когда он нос вешает. Мне приятно, когда ты выигрываешь. И когда Толя выигрывает. И я с удовольствием вас поздравляю.

Играли две партии. Первую выиграл Толя.

Машка вскакивает, протягивает руку:

— Поздравляю, Толя!

Я видел, что к этому она готовилась заранее, когда за столом стали говорить, что, кажется, выигрывает Толя. В этом, конечно, был элемент игры. И поздравить Толю было не менее интересно, чем выиграть.

Не заплакала, когда и вторую партию выиграла не она, а тетя Валя.

Разыгрывали рижский марципан.

Толя поделился с Машей своим выигрышем. Сделал это без подсказки. И я благодарен ему за этот добрый пример.

* * *

— Я все-таки, мама, некоторых вещей не понимаю,— говорит Машка.— Вот Каринэ! Ведь она хорошая девочка, воспитанная, и Маринэ— тоже. И мама у них приличная женщина. А папа у них пират. Ведь пират— это же разбойник?

— Да, разбойник. Но кто тебе сказал, что он пират?

— Ты сама мне сказала.

И тут маму осенило:

— Не пират, Машенька, а оператор! Кинооператор!

27.9.61.

Цирка еще не видела, но играет (в парке Ленина) в Маргариту Назарову.

— Сейчас будет цирк! Буду тигра в рот совать... Буду кормить. Буду мясо давать. Не бойтесь, не бойтесь!

Обращается ко мне:

— Испугайся! Папсинька, раскинь вот так руки и “ох” вот так!

* * *

На днях в Зоопарке. Семейство жирафов в двух загонах-клетках. В одном— самец, в другом самка и жирафенок.

Машка про жирафа-отца:

— Как ты, папа! Да? В другой комнате.

* * *

Вчера была в Русском музее на выставке ленинградских художников.

Смотрела с удовольствием.

— Папочка, запиши! Запиши вот эту!

Кое в чем наши вкусы совпали.

30.9.61.

Дочитали “Часы”. Слушала до конца хорошо.

Но не все еще держит ее память. То и дело перебивает меня, задает вопросы.

— Это кто? Петька?

— Какой Петька? Это же о Пятакове речь идет!

Не сердиться надо, а писать понятнее!..

* * *

Прибегает к маме.

— Мама, загадка!

— Что такое?

— Угадай, что такое “грузинская чепуха”?

— Не знаю.

— Наш обед!

В этом нет никакой дерзости и ни малейшей попытки унизить кулинарные способности мамы или бабушки. Третьего дня и вчера у нас на обед был грузинский суп чихиртма. Вот эта чихиртма (которую, кстати сказать, Машка очень любит) и превратилась в чепуху.

* * *

Нашел старую заметку. Летом в Дубулти стоит в саду под балконом и скандирует:

Ма-моч-ка!

Ско-ро ли

Мы пой-дем

На мо-ри?!

И так каждое утро.

2.10.61.

Вчера весь день провела без меня. Гуляла с мамой и с Толей. С Толей, говорят, ссорилась из-за велосипеда. “Я, я!”— “Нет, я!”

На моих же глазах, то есть в моем присутствии, была с Толей нежна.

Вечером я показывал “кино”: “Снегурочку”, “Трех медведей” и “Упрямого котенка”. Машка сидела на одной скамеечке с Толей, держала его за талию.

А он все рвался от нее, оглядывался, ему интересно было посмотреть, что я делаю с аппаратом и как это кино получается.

Утром они с Машей играли в школу, писали цифры. Вечером повторили эту игру у меня. Учителем на этот раз был я.

Толя, кажется, впервые попал в мою комнату. Оглядел со страхом и уважением мой большой книжный шкаф и спрашивает:

— Алексей Иванович, это вы все эти книги написали?

— Нет, это не я написал.

— А что? Это все еще надо вам написать?

По-видимому, решил, что это одни переплеты стоят, а я должен заполнить их— стихами, сказками, рассказами и арифметическими задачами.

* * *

Сегодня оба проспали. Машке— той ничего, а Толя опоздал в интернат. Узнав, что опаздывает, плакал.

* * *

Все еще стоит бабье лето. За открытым окном— солнце, голубое небо.

Мама и Маша собираются к Мариинскому театру— заказывать Маше стельки для ее плоскостопиков.

* * *

Все чаще: “А помнишь?” или: “А помнишь, когда я была маленькая?”

Сегодня за завтраком:

— Помните, когда я была маленькая, у нас скатерть загорела?

— Не загорела, а прожгли, наверно, скатерть, Маша?

— Да. Прожгли. Вот такая дырка была! Помните?

Помним. И нисколько это нас не радует. А для нее это счастливые воспоминания детства.

* * *

Но и о будущем тоже думает.

В планы ее входит— быть одновременно: медицинской сестрой, балериной, художницей и учительницей.

Сегодня видела, как наш Кисо вышел за окно на железный

карниз.

— Он не убежит? Не упадет?

И сразу же:

— А помнишь, как наш кот убежал и у какой-то балерины нашли его?!

— Помню. Это ты нашла его.

Задумалась, ушла в себя. Говорит с улыбкой:

— Папа, а? А вдруг я тоже буду балериной и вдруг ко мне тоже чужой кот придет?!

Мерещится целая заманчивая картина.

3.10.61.

Учим ее быть доброй, вежливой, отзывчивой, помогать людям. Осуждаем жадность и скупость. И плоды воспитания зреют, так сказать, на глазах.

Но вот Машка приходит в сад, на детскую площадку. Там— железная четырехместная качалка. Сидят три девочки лет по шести, лениво покачиваются.

— Папочка, можно мне покататься?

— Покачаться?

— Да, покачаться...

— Иди. Пожалуйста.

Идет. Вежливо говорит девочке, которая одна сидит на скамеечке:

— Девочка, можно мне с тобой покачаться?

Та— нос кверху:

— Нет!..

Машка вспыхивает, стоит еще полминуты и возвращается.

— Ты что?

— Девочка не разрешила.

Так не один раз бывало. Вот это уж воистину плохо воспитанные девчонки. Глядишь— и Машке понравится, и ей захочется проявить самовластие. А еще хуже— ханжа вырастет. И это уже бывает:

— Нехорошие девочки.

— Ну, они глупые,— скажешь ей,— их не научили.

— Что ты! Папа! Им же уже по шесть лет!

Рядом с нами сидит старуха с младенцем на руках.

Смотрит на Машку и говорит:

— Какая-то она у вас очень уж застенчивая.

— Лучше,— говорю,— бабушка, пусть будет застенчивой, чем нахалкой.

— А вот это правда!..

* * *

Пьет сегодня утром молоко. Встречает меня возгласом:

— Папочка, ты бы знал!
— Что такое?
Всплескивает руками:
— Ты бы знал!
— Да что? Что случилось?
— Сколько мне пенок попалось!
* * *

Кажется, осень наконец постучалась в окно. Небо сегодня пасмурное. Но мама и Маша собираются в Михайловский сад...

5 ЛЕТ 2 МЕСЯЦА

4.10.61.

Сегодня к четырем старым профессиям прибавилась пятая: хочет быть газовщицей.

— Я всем хочу быть!— заявила она мне.

* * *

Разговор о фифах и труженицах.

Я довольно часто употребляю это слово— “фифа”.

Машка заинтересовалась:

— Папа, а что такое фифа?

— А это женщины, которые не работают. Только одеваются и наряжаются...

— Разве такие есть?

— Да, есть такие. Другие женщины труженицы, а эти только губки мажут, по театрам ходят, конфетки кушают.

— А я— труженица? Я работаю?

— Да, конечно. Ты работаешь.

* * *

И действительно, работает. Каждый день мать дает ей какое-нибудь посильное дело: полить цветы, натереть пол в коридоре, почистить башмаки, вытереть посуду и убрать ее в шкаф.

* * *

Обнимает нас с мамой, целует:

— Антибиотики вы мои маленькие!

Откуда-то залетело к ней это слово. Не удивительно, впрочем: антибиотиков потребляют в нашем доме вряд ли меньше, чем соли.

7.10.61.

Вечером, перед сном, занимались арифметикой.

Пока я спал, Машка, по словам мамы, не отходила от моих дверей. Все ждала, когда я проснусь и позову ее.

* * *

Перед этим мама читала ей. Я спросил:

— Что тебе читала мама?

— Андерсена.

— А какую сказку?

— Про китайцев.

— “Соловья”?

— Да.

— “В Китае все жители китайцы и даже сам император китаец”?.. Так начинается, да?

— Да.

Пробовал и я читать ей Андерсена. С трудом осилили “Огниво”, первую литературную сказку, с которой я познакомился в детстве. Самое простое, не требующее никаких объяснений и разъяснений,— это ведьма.

А вообще читаешь Андерсена— как какого-нибудь “Гильгамеша” или “Махаохарату”,[17] где два слова из десяти требуют толкования и комментариев.

* * *

Сегодня суббота. Должен прийти Толя. Машка ждет уже не первый день. Все считает:

— Сегодня какой день? Толенька когда придет, послезавтра?

8.10.61.

Вчера был очень нехороший день. Машка увидела и узнала много такого, о чем ей до поры до времени, может быть, и не следовало знать.

Вчера пришла Валя, привела Толю... Кто такая эта Валя? Молодая женщина, которая ходит к нам раза два-три в неделю помогать Элико по хозяйству. Говорит, что недавно уволилась, работала в Парголове или в Шувалове, в детском саду. Муж ее бросил. Сын в интернате. Своей комнаты у нее нет, жила в общежитии. Говорит, что ищет работу, сейчас живет у сестры. Один раз она пришла к нам навеселе. Сказала, что у сестры праздновали именины. И еще раза два Элико говорила мне, что “кажется, от Вали слегка попахивает”.

Вчера она пришла, привела Толю и попросила взять его с собой в парк Ленина, где меня ждали Элико и Машка.

Я взял.

По дороге Толя очень много говорил о своем отце.

— У меня папа во время войны на танке работал. У меня папа живой. Он только на Север сейчас уехал. На три года уехал. Он, наверно, на Новый год приедет.

В саду Машка и Толя очень весело играли.

А дома ждала нас большая неприятность: Толина мама встретила нас вдрызг пьяная.

Кричала, что не желает, чтобы над ней “грузинка верх брала”, и еще много плохого, обидного и несправедливого сказала.

Элико успокаивала ее, стыдила:

— Как вам не стыдно?! Валя! При сыне! Вы бы хоть его пожалели. Он к нашему дому привык, полюбил Машеньку...

— Ничего не привык, ничего не полюбил. Это я ему велела...

И все это— при Машке, при Толе...

Я ушел к себе. Приходит Машка. Глаза налились слезами.

— Папочка! Что делать? Толя очень сильно плачет. Мне жалко его. Я сама даже хотела заплакать, только терпела.

Расспрашивает:

— Что сделала тетя Валя?

Пришлось “своими словами” объяснить.

Губы дрожат.

— Давай простим ее!

И маме говорила:

— Ведь вы же меня прощаете, простите и тетю Валю.

Но сама тетя Валя и слушать не хочет о примирении. Все, что скопилось в ней, накипело, все горести, все беды— все отливается на бедной Элико, все валится на ее голову.

* * *

Толика мы оставили ночевать, хотя тетя Валя ни за что не хотела, тащила его, на ночь глядя, к сестре. Ушла она в двенадцатом часу. А глубокой ночью вернулась совсем уж окосевшая. Спала у нас. Утром позавтракала и ушла, наговорив предварительно кучу всяких гадостей.

Утром сегодня Маша, по словам Элико, была трогательно внимательна к Толе:

— Толенька, тебе не холодно? Толенька, не простудись. Толенька, ты поел уже?

Валя увела его. Но с полдороги вернулась и попросила:

— Можно, я вечером приведу его к вам?

9.10.61.

Но привела Толика не Валя. Привел его милиционер.

Утро сегодня было солнечное, теплое. Элико предложила поехать к Ляле в Пушкин, но я рассчитал, что не успеем. Поехали на Каменный остров...

Домой вернулись в восьмом часу.

А часов в десять милиционер привел Толю. Оказывается, Валя напилась “с каким-то дядькой” в парке Победы и ее забрали в милицию. Толя был с нею, его тоже забрали. На вопрос, где он живет, парень постеснялся сказать “в интернате”, сказал: “у писателя Пантелеева”.

От милиционера мы узнали, что Валю будут судить, что она лишь недавно вернулась из заключения (сидела тоже за пьянку) и не имеет права жить в Ленинграде. И что у нее уже давно отобрали материнские права.

Толю накормили, и он сразу же сел играть с Машей. Но руки у него дрожали; я чувствовал, что ему не до игры, что играет он только из вежливости и чтобы занять себя чем-нибудь.

Утром сегодня милиционер привел тетю Валю. Она взяла свои вещи— сумочку, паспорт, папиросы... На наши вопросы почти не отвечала, говорила грубо.

Для Машки это все— живая и довольно страшная

иллюстрация к истории мальчика Петьки Валета.

Вчера вечером, когда мама ездила с Толей к Валиной сестре, Машка легла спать, но долго не могла уснуть. Вдруг я услышал громкий плач. Прибегаю:

— Что с тобой? Машутка!

— Ничего, ничего... Папочка, миленький, посиди со мной.

— Надо спать, Маша!

— Посиди немножечко! Очень тебя прошу! Спой мне.

— Ну вот. Зачем еще? Я не умею.

— Умеешь. Ты же всегда... ты же иногда поешь, когда я днем сплю.

Стал похаживать по комнате и напевать:

В няньки я тебе взяла

Месяц, солнце и орла

Через минуту Машка уже храпела.

О Толе не было сказано ни слова, но я не сомневаюсь, что плакала она из жалости и из страха за него...

Сегодня утром вскочила— и босиком в столовую. Думала, что там лежит Толя. А Толи нет. Рано утром приехала его тетка, повела Толю в интернат. Она одна “правомочна” это сделать, так как ей передана опека над мальчиком.

10.10.61.

Утром звонила женщина-следователь. Вызывает Элико на два часа сегодня к себе.

Мама повесила трубку, видит— у Машки испуганное, бледное, совершенно несчастное лицо.

— Тебе что, звонили насчет тети Вали?

— Да. Меня вызывают.

— Куда? В милицию?

— Да. К следователю.

— Будут спрашивать, пила ли она? Да?

— Наверно, да.

Нахмурилась, смотрит в пол.

— А ты, знаешь... Ты скажи— не пила.

— Как же можно, Маша, неправду говорить?

Не знаю, подумала ли Машка: “Иногда можно... когда кого-нибудь спасаешь”— но что почувствовала она это и поняла, в этом я уверен.

— Тогда ты молчи и не отвечай... Ничего не говори.

— Ну, это, пожалуй, тоже нехорошо. Как же можно не отвечать?

Опять долго смотрит в угол, в пол. И вдруг радостно:

— Придумала! Ты знаешь что скажи? Скажи, что она лимонад пила!

* * *

Вчера утром и вечером занимались по двадцать минут азбукой и арифметикой.

11.10.61.

Опять Машка не могла дождаться, когда проснется отец. Занимаюсь с ней теперь рано утром, до работы.

Играли в школу, Машка была одной из учениц, остальные были воображаемые. Среди них: Надя Симпатулина, Володя Иванов, Гога Гогоберидзе...

Маша, когда разыграется, видит этих своих однокашников-невидимок. Краснеет, когда не может ответить, а те отвечают (я их громко, во всеуслышание хвалю).

12.10.61.

Вечером вчера читал ей “Рассказ штопальной иглы” Андерсена и два перевода Маршака— “Балладу о королевском бутерброде” и “Кота-скорняка”.

Слушает с интересом, полуоткрыв рот, но далеко не все понимает.

* * *

Утром спрашивает у мамы:

— Ты вчера сразу легла, когда я уснула?

— Нет,— говорит мама.

— А что ты делала?

— Мы с папой подумали, оделись и пошли в цирк.

— Ка-ак?! У вас же билетов не было!

— А я еще утром купила.

Подумала и говорит:

— Во-первых, ты хитричка. А во-вторых, ты глупышка. Я же понимаю, меня не обманешь... Вы меня одну не оставите!..

14.10.61.

Начал заниматься с Машкой немецким. Собственно, начал уже давно. А теперь стали заниматься регулярно. Слов сто— сто пятьдесят она знает. Но говорить, конечно, не говорит. А сегодня ночью, часа в три, я прихожу к ней. Вижу— сидит, проснулась и бормочет:

— WeiBe Pilz.

— Что?— удивился я.

А она еще больше удивляется и говорит:

— Ты разве не говорил мне: “Маша, скажи драгоценное слово”?

Сны у нее причудливые, прихотливые...

* * *

Сочиняет книгу. Называется книга “Наташа в Африке. Том второй”.

Мама сердится:

— Маша, ты опять пишешь! Папа же тебе не позволяет писать...

— Почему?

— Потому, что ты пишешь с ошибками. И так всю жизнь будешь писать. Лучше напиши не книгу, а два или три слова, но без ошибок.

Машка продолжает писать.

— Ты слышишь, что я тебе сказала?!

— Ну, скажи мне, пожалуйста,— спокойно говорит Машка,— где это видано, чтобы на писательницу кричали?! А ты что— писательница? Почему ты меня учишь? Ты разве писательница? Да? Покажи мне твои книги!..

* * *

Стремление найти и ввести в язык недостающий ему глагол.

Говорит про своих “дочек”:

— Они у меня по утрам гимнастничают.

В немецком языке такой глагол есть: turnen.

15.10.61.

Вчера была суббота. Мама и Маша ходили на улицу Мира навещать Толю Рыбакова. И этот эпизод— посещение интерната, слезы детей, к которым никто не пришел, и вид Толика, у которого мама сидит в тюрьме,— все это, конечно, больно ранило Машку.

Вечером долго не могла уснуть.

Несколько раз заходил к ней.

— Ты что, Маша?

— Поцелуй меня, папочка. Не могу уснуть. Очень хочу спать и не могу.

Крепко меня обняла.

* * *

А утром разбудила меня опять веселая, возбужденная. Кинулась целовать.

— Ах, какой день сегодня! Я позавтракала, гимнастику сделала. Сейчас пойдем гулять, потом цветы будем делать... Вообще много хорошего сегодня будет!..

Сейчас ушла с мамой. И сообщила мне— куда:

— За польскими яблоками!

17.10.61.

После работы гулял с Машей. На улице Мира она показала мне дом, где учится и живет Толя Рыбаков.

Минут пять спустя зашли в магазин. Там продаются красивые, нарядные бутылки с каким-то венгерским вином.

— Давай,— говорю,— купим мамочке к обеду вина?

— Вина? Это что— вино?!

— Да. Вино.

На лице— ужас.

— Нет, нет, что ты, папочка! Не надо!!

Вспомнила, конечно, тетю Валю.

* * *

Принесла на кухню, показывает нам с мамой только что нарисованную картинку. Елка. Новогодняя. И три девочки.

— Почему они черные? Они негритянки?

— Да, негритянки.

— А это кто такой?

— Это— Дед Мороз.

— А почему же у него бороды нет?

— Он еще маленький.

— Значит, это не Дед Мороз, а Внук Мороз?

Смеется:

— Маленький Мороз. Морозик!

19.10.61.

Сидит на тахте, рвет какие-то бумажки, обертывает этими кусочками маленькую куклу-голыша Люсю. И как-то пыхтит при этом.

Спрашиваю:

— Это что?

— Кукольная Африка.

Что-то уж очень замысловато. Как название какой-то дамской пьесы для детей-дошкольников.

Заметив на лице моем недоумение, объясняет:

— Кукольная Африка работает. Машина: “Ж-ж-ж-ж... Ж-ж-ж-ж...”

И руками колесо изображает.

Только тут я и понял:

— Фабрика?!

— Да. Кукол здесь делают.

До сих пор путает фабрику с Африкой.

А это я ей на днях рассказывал (когда проходили мимо трикотажной фабрики), что такое фабрика, завод, кто там работает и что там делают.

* * *

Вчера вечером, когда мама помогала ей раздеваться, Машка с грустной усмешкой говорит:

— Родители называется! За весь день своему любимому ребенку ни одной конфетки не дали!..

Верно— несколько раз просила и у меня и у мамы, а нам все некогда: обещали и забывали.

* * *

Вечером занимались. Было три урока: русский, арифметика и немецкий. Да, за неимением гербовой решил писать на простой. Пока не нашли учительницу, занимаюсь с Машкой сам. Она уже знает больше ста слов, понимает простенькие фразы. Теперь научилась считать по-немецки до пяти. Считает почти без запинки. (Хотя иногда и получается у нее вместо “айн, цвай”— айн, двайн.)

По-русски читает с каждым днем лучше.

* * *

У мамы в комнате новый, очень модный столик.

— Маша, тебе нравится мой столик?

— Столик мне нравится, но мне не нравится, что ты говоришь мой столик.

Это уже не первый раз: “Почему моя комната? Это же наша комната!..”

22.10.61.

Занимались. Прибавил еще один урок— геометрию. Да, уже несколько дней показываю ей треугольники, прямоугольники, квадраты и пытаюсь объяснить ей некоторые их свойства. Это не моя выдумка, и не у старого Болконского я заимствовал эту школу. Покойный П.А.Карасев убеждал меня много раз (он даже книгу написал, посвященную этому предмету), что детей надо знакомить с основами геометрии с самого раннего, дошкольного возраста.

Машка занимается с радостью.

* * *

Весь день страстно стремится в мою комнату. Вламывается, бывает, в неурочное время, то есть в часы, когда я работаю.

Вчера пошла на такую хитрость— весьма, надо сказать, наивную.

Врывается ко мне:

— Папсинька, спасибо!

— За что,— говорю,— спасибо?

— За еду.

— А ты что ела?

— Нет, я... я за завтрак.

А завтракала она три с половиной часа назад.

* * *

Про какую-то мамину покупку— глиняное керамическое блюдо:

— Смешное блюдо, правда?

— Чем же оно смешное? Оно красивое.

— Это и есть смешное.

“Смешной”, “смешная”— это высший комплимент в Машкиных устах. И не только в Машкиных. Я помню, как в Парголове семилетний Алеха Жданов рекомендовал меня своей маленькой кузине Лялечке:

— Ты его не бойся, не стесняйся. Это же самый смешной человек на свете.

Он хотел сказать: самый веселый...

23.10.61.

Вчера утром и днем писала большое письмо бабушке. Занималась чтением и арифметикой.

Очень забавно наблюдать, как действует на нее “общественное мнение”, “мнение коллектива”. Даже игрушечного, “понарошного” коллектива (поскольку другого вокруг нее и нет).

Когда занимаемся чтением или письмом и она вдруг начинает уставать, ленится, делается рассеянной,— стоит только сказать: “Мальчики, девочки, посмотрите, что случилось с Машей Пантелеевой!”— и она моментально подтягивается, читает быстрее, пишет без ошибок!..

Может быть, тут воспитывающий и ошибки делает. Ведь коллектив-то, в который она попадет, будет посложнее...

24.10.61.

Ехала вчера с мамой в автобусе мимо Летнего сада— и громко, на весь автобус:

— Это что— Металлический сад?

Все засмеялись. А мама огорчилась.

— Что ты глупости говоришь? Ты же хорошо знаешь, что это — Летний сад.

— А где Металлический? Папа же говорил: если будет хорошая погода, мы пойдем...

И тут только мама поняла, что Металлический— это Ботанический.

* * *

Идем Марсовым полем. Молчим. И вдруг Маша спрашивает:

— А что, разве маленьких китаяночек не бывает?

Очень обрадовалась, когда узнала, что бывают.

За час до этого встретили китайца и китаянку— студентов. Вероятно, вспомнила и подумала: почему же всегда взрослые китайцы? А где же дети, мальчики и девочки?

25.10.61.

Папа исполнил обещание. Водил Машу в Ботанический.

Часа два бродили по осеннему саду. Собирали цветы— куриную слепоту. Искали шишки под странными, не известными ни Машке, ни мне хвойными деревьями (пинии, что ли?)...

Было уже поздно, я сказал Маше, что, наверное, сад уже закрылся, а если так, то нам, наверно, придется ночевать в саду. Выкопаем ямку, сделаем шалашик— и будем спать прямо на земле...

Она не испугалась, даже обрадовалась. Вероятно, я с аппетитом рисовал эту картину: шалашик, ямка (а не шалаш, яма). Не испугал ее даже холод, от которого она ежилась и сейчас, в шестом часу дня. Даже о маме, о том, как та будет беспокоиться, она не подумала.

Но калитка оказалась открытой, и мы пошли ночевать домой.

* * *

В Ботаническом саду была опьянена воздухом, тишиной, безлюдьем.

— Это лес? Папочка, это все-таки лес? А может быть, там, дальше, лес? Может быть, тут грибы есть?

Все время находилась в состоянии экстаза.

— Мы придем домой такие веселенькие! Да? Потому что шишечки нашли...

* * *

Эту ее вышеприведенную фразу я там же, в саду, записал на клочке бумаги. Машка уже понимает (поняла), что я записываю ее интересные словечки и речения.

— Записал?— говорит.— Пиши дальше...

И что-то мне диктует. Кажется: “Придем домой веселенькие...”

Я вспыхнул, даже рассердился.

— Ты что же— думаешь, что я каждое твое слово записываю?

Это ужасно, если она будет “играть на публику”. Надо ловчее маскироваться. Делать, например, в ее присутствии записи не только после ее “высказываний”.

* * *

Утром мама нашла в холодильнике банку из-под сгущенного какао. Наскребла несколько ложек, заварила и пьет.

Машка видела и спрашивает:

— А мне?

— Детям нельзя. Это какао очень давно стояло и, может быть, испортилось. Невкусно и вредно.

— Да? Невкусно? А почему же ты его пьешь, бедная мамочка?

Мама говорит, что в этих словах было столько иронии, что она не выдержала и громко рассмеялась.

— Тебе смешно, а мне плакать хочется,— сказала Машка с той же уничтожающей иронией.

27.10.61.

Увлечение азбукой переходит всякие границы, и есть в этом

даже что-то странное. Разве ей так уж хочется научиться поскорее читать? Нет, думаю, что не это заставляет ее просить: “Еще! Еще немножечко!” Самый процесс урока? Игра? Может быть. Но почему именно эта игра? Почему “хочу азбуку”, а не “хочу аптеку”, или “хочу магазин”, или “хочу автобус”?

Вечером она тянется к тетрадке и книге (и вообще ко мне) по причинам понятным: не хочется ложиться спать! Но ведь это начинается с самого раннего утра. Не успел я позавтракать и уже слышу:

— Папочка, азбукой будем заниматься?

* * *

Очень любит спускаться вместе со мной вниз к почтовым ящикам— за газетами. Сама и ящик пробует открывать, сама спускает лифт, сама открывает дверку, сама нажимает пусковую кнопку...

Сегодня мама причесывает ее в столовой, а я открыл в прихожей ящик и шарю там, ищу ключ.

Испуганный Машкин голос:

— Ой, ой, папа идет за газетами!

И совсем уж жалобным голоском:

— Папочка, и я с тобой! Подожди!

Через минуту появляется с Лёвкой в руках (Лёвка— это ее любимый сын, пластмассовый львенок ядовито-желтого цвета).

Я говорю:

— А зачем ты Лёву взяла? Оставь.

— Он очень хочет. Он любит такие фокусы всякие.

— Значит,— говорю,— весь в маму. Ну что ж, возьми его.

28.10.61.

Элико ходила к зубному врачу. Мы с Машкой ждали ее в сквере у памятника Пушкину.

На соседней скамейке сидела молодая немка с трехлетней девочкой.

Наученная мной, Машка побежала, спросила у девочки:

— Wie heiBt du?

Прибегает обратно.

— Ну что?

— Не знаю. Сказала что-то непонятное.

Оказалось, что девочку зовут совсем просто: Рут.

В некотором отдалении мальчик и девочка лет по шести-семи строили что-то из песка. Я послал Машу:

— Пойди спроси, что они делают.

Вспыхнула:

— А если прогонят?

— Не прогонят.

Сбегала, спросила. Возвращается невеселая.

— Ну что?

— Не понимаю. Я спросила: “Что вы делаете?” А они говорят — какая-то “нормальная крепость”.

29.10.61.

Была в “школе”. Конечно, это очень интересная школа. Боюсь, как бы я не посеял в своей дочке излишние иллюзии. Хорошо, конечно, если она будет стремиться в школу, но плохо, если школа будет очень уж отличаться от той, в которую Машка ходила пяти лет от роду.

Собственно, мы делаем все, что делают в настоящей школе. Каждый день у нас новый дежурный. На уроках дети поднимают руки, когда им надо выйти и когда учительница спрашивает: “Кто может ответить мне на этот вопрос?”

Вот чтению мы учились не по-школьному, а, наверно, поинтереснее. Например, папа устраивал Машке магазин, где на полках были разложены всевозможные кулечки, ящики, банки и коробки с надписями: “мука”, “сахар”, “манная крупа”, “чай”, “макароны” и так далее.

Теперь папа печатает на машинке телеграммы, адресованные М.А.Пантелеевой. Например:

“Маша, принеси мне, пожалуйста, один лист белой бумаги”.

Или:

“Маша, почеши мне нос”.

Или:

“Маша, подергай себя, пожалуйста, за левое ухо”.

Некоторые телеграммы читает бегло, другие— с трудом, но все-таки читает.

* * *

Утром прибежала будить меня с набитым ртом. Я выразил серьезное недовольство этим обстоятельством. Некоторое время спустя она рассказывает маме:

— Папа рассердился. Говорит: “Во-первых, почему ты с набитым ртом пришла?” Интересно, что он хотел “во-вторых” сказать?!

* * *

Ночью высаживал ее. Проснулась, заморгала глазками и хриплым голоском спрашивает:

— Как по-грузински “мамочка”? Дедико? Да?

31.10.61.

Плетем из цветной бумаги всякие коврики и салфетки. С моей помощью Машка сплела круглую штуку неизвестного назначения и выткала на ней шахматную клетку из красных и зеленых полосок. Принесла маме.

— Нравится?

— Это кто сделал?

— Я сделала... папа и я. А тебе нравится?

— Очень нравится.

— Хочешь, подарю тебе?

— Да, Маша. Подари, пожалуйста.

— Не надо клянчить. Если я найду нужным, подарю.

Это она опять наши слова повторяет.

* * *

Мама выписала ей немецкий детский журнал “Bummi”.

— Мама, ты все-таки рада, что у тебя дочка?

— Рада, конечно, а что?

— Все-таки теперь мы этот журнал можем получать. Правда?

2.11.61.

Часа полтора гуляли в маленьком садике, где Машка качалась на качелях... впрочем, не на качелях, а в глупой качалке-люльке, в которой маленькие дети сидят, как старушки в старинном омнибусе. Качели эти и в самом деле покачиваются со средней скоростью хорошей деревенской зыбки. Кроме всего, Машка простудилась, замерзла, сидя без движений в этой колыбели. А у нее и без того был заложен нос. К вечеру совсем расклеилась.

* * *

Мама ушла в аптеку. Маша лежит, несмотря на насморк и прочее, веселенькая, рисует стол с красивой пестрой скатертью, на нем— “керамика” с цветами.

* * *

Вечером читала толстовские рассказы и пробовала рассказывать их “своими словами”. Это— самое трудное. Импровизирует сколько угодно, а вот с пересказом чужого текста не выходит: мычит, спотыкается на каждом шагу.

* * *

Утром сегодня мама работала на кухне, вдруг слышит ликующий вопль:

— Мамочка! Мама!

Прибегает:

— Ну, что такое?

— Я сама прочла “Тетя Тротт и кошка”! Все стихотворение! Сама!..

* * *

Лежать скучно. Все просит:

— Папусенька, зайди, поиграй со мной.

Сейчас она на верху блаженства. Мама принесла маленький утюжок и гладит— на маленьком Машкином столике, у

Машкиной постели— куклины платья и прочие шмутки. Я походатайствовал, чтобы и Маше дали трошки погладить.

* * *

На днях занимались с нею. Играли в школу. Я объявил перемену. Машка бегала, кричала, визжала. И за себя, и за воображаемых подруг:

— Ленка! Ленка! Машка, сюда! Наташка, не дерись! Девочки, девочки!..

И при этом носится, кружится, прыгает, отбивается от кого-то.

Такой представляется ей школа в ее мечтах.

После звонка (а звонок у нас настоящий— будильник) пришла в наш “класс” возбужденная, ничего не слышит, не понимает.

Я говорю:

— У тебя после беготни все из головы вылетает.

Искренне, от души радуется:

— Ха-ха! Все вылетает! Из головы! Глаза вылетают! Нос вылетает...

* * *

Да, пока это только игра! До шести лет. А там можно и к настоящим урокам, к принуждению прибегнуть. Впрочем, и тогда книга, ученье должны быть радостью.

Делаем вместе книгу “Девочка Лиза”. Автор— Л.Пантелеев, художник— М.Пантелеева.

5 ЛЕТ 3 МЕСЯЦА

4.11.61.

Рисует. Рисунки неинтересные, краски тусклые. Неужели и верно— с возрастом тускнеет талант?

А ведь каких она еще недавно рисовала “грузинок” и “латышек”! Как это все хорошо было скомпоновано, сколько в рисунке было движения, солнца, экспрессии! Как лихо неслись, например, взявшись за руки, танцующие девушки...

* * *

Мама вернулась из Дома писателя.

— Мама, ты где была?

— В Союзе писателей.

— Зачем?

— Платила членские взносы за папу.

— Что это? Не понимаю.

Мама объяснила.

— Ка-ак?! За то, что папа ходит в Союз писателей, он еще деньги должен платить?

* * *

Перед сном. Лежит, потирает животик.

— Живот... невозможно немножечко побаливает.

5.11.61.

По-прежнему создаем книгу про девочку Лизу. Я пишу, Машка раскрашивает иллюстрации. И каждый день читает (с каждым разом свободнее) новый текст.

Вечером слушали “Лунную сонату”. Машка положила голову мне на плечо и— наслаждалась. И музыкой, и всем, вместе взятым.

* * *

Последнее время часто слушает проигрыватель. Мама купила много детских пластинок: стихи Маршака, Чуковского, Михалкова, Заходера, целые музыкальные пьески по сказкам Андерсена (“Дюймовочка”, “Оловянный солдатик”), всякие детские песенки...

* * *

Среди прочих есть и такая песенка:

Вот пришел Первомай
В наш родной советский край,
Дружно в ногу ты шагай,
Красный флаг поднимай!

Машке эта песня нравится. Но поет она ее так:

Вот пришел дед Мамай,

Красноносый детский край
Нужно ногу рисовать,
Красный нос поднимать
Так она слышит.
* * *

А вот другая песенка. Колыбельная. Песенка довольно милая, но слова глупые. Девочка Оля не хочет спать, заводит волчок. А мама поет:

Я волчок поберегу,
Нашу Олю обниму,
Уложу в постельку,
Дам ей карамельку...

Вчера наша усталая и не совсем здоровая мамся баюкает вечером Машку и поет, импровизирует что-то на тот же мотив:

Уложу в кроватку,
Дам ей карамельку...

И слышит Машкин глухой голос из-под одеяла:

— Уж если поешь “в кроватку”, то надо “дам ей мармеладку”!..

6.11.61.

С утра сегодня играет в школу. Играет— это значит— с куклами. Со мной не играет, со мной— настоящая школа.

А тут усадила всех своих кукол “за парты”, положила перед каждой маленькую книжечку (из тех, что я делал когда-то для Машки) и учит их:

— Андрюша, читай!

И за Андрюшу— другим голосом:

— Ле-на.

— Правильно! Лева, читай ты!

— Ня-тя.

— Что за Нятя! Не Нятя, а На-та!

Звонит в колокольчик (вместо колокольчика— музыкальная Манька-встанька, подарок тети Клавы).

Мы с мамой пришли:

— Можно, Марья Алексеевна?

Поднимается, пожимает нам руки.

— Пожалуйста. Здравствуйте.

Объясняет:

— Сейчас у нас перемена.

— Ах, вот как?

Уходя, мы прощаемся. Я говорю:

— Я— директор.

— Да, ты директор.

— А я кто?— спрашивает мама.

— А вы— сторожиха.

Сторожиха для нее, может быть, выше директора.

7.11.61.

Вчера вечером ходили на Неву, на Кировский мост, любовались кораблями, разукрашенными лампочками и флажками. Считали их. Насчитали десять больших кораблей и три подводных лодки. Да еще пол-”Авроры”. Другую половинку не видно, она за углом того дома, где учатся нахимовцы.

* * *

У нашей Машки даже праздник, даже предвкушение радостей, с ним связанных, может доставить огорчение и вызвать слезы.

Вчера вечером, раздевая Машку, мама говорила: вот, мол, завтра, если будет хорошая погода, пойдем гулять... Может быть, красненький флаг или шарик купим. Помнишь, как в прошлом году в этот день папа купил тебе шарики у цыганки?

Да, Маша помнит эти шарики. Как не помнить: еще на улице, по дороге к дому, эти цыганские шарики лопнули.

Уложив Машу, мама ушла на кухню. Думала— Машка спит. Моет посуду и вдруг сквозь шум воды слышит рев.

Бросает посуду, бежит в комнату.

— Что? что такое?

— Боюсь!!!

— Чего боишься?

— Бо-о-оюсь, что шар ло-о-опнет!..

Мама с трудом успокоила ее:

— Ну что ж, если лопнет,— может быть, папа еще купит.

Успокаиваясь, всхлипывая, говорит:

— Надо по... по... поближе к дому ку... ку... купить... чтобы не успел лопнуть.

* * *

Рассказывает, как мама и бабушка вспоминали летом покойного дядю Рачика:

— Бабушка плачет и мама... И мне тоже стало стыдно...

— Стыдно?

— Ну... я тоже чуть не заплакала. И из-за этого съела много варенья.

Дело-то было за столом, за вечерним чаем.

8.11.61.

Маша никогда не говорит нам с мамой неправду. Поэтому вчера меня очень расстроило и встревожило одно событие.

У Машки опять выскочили на ноге, выше колена, красные диатезные пятна. Значит, была нарушена диета, слопала что-нибудь неположенное.

Обедали они с мамой в молочной столовой на Большом проспекте.

Спрашиваю у Маши:

— Что вы ели?

— Сосиски.

— А горчицу ты случайно не ела?

— Ела.

— Кто же тебе дал?

— Мама.

— Мама?!!

Стучу в стенку, вызываю Элико.

— Не стучи... не надо... не зови,— мрачно говорит Машка. Понимаю, что сказала неправду.

Мама все-таки приходит. И приходит в негодование.

— Я? Тебе? Горчицу? Ты что выдумываешь?

Машка не смотрит на нее. Смотрит в землю.

— Нет, давала! Нет, давала!

И плачет при этом.

Что это? Попытка хоть в мечтах, хоть понарошку свернуть с проложенного родителями пути, “утвердить свое я”... Или шутка, которая вдруг поманила соблазном греха и вдруг так скверно для нее обернулась. Ведь плачет-то она от того, что сознает свое грехопадение. Ведь это, пожалуй, первая ложь в ее жизни. Именно ложь, а не выдумка, не фантазия. И клевета: “Мама давала...”

Замял этот разговор. Она сама все понимает. И сама себя казнит.

9.11.61.

Вчера был сухой прохладный день. Гуляли, ходили на Неву, любовались прекрасным зрелищем: корабли, с которых снята дешевая мишура лампочек, черные силуэты на фоне Ростральных колонн, изрыгающих мятущееся на ветру пламя. Дым. Закатное небо. Черная вода. Прожекторы.

Обедали “Под Розой”. Так мы прозвали молочную столовую, над которой живет Роза Григорьевна Виллер. Пять лет назад эта женщина помогла Машке появиться на свет. В столовой Машка самостоятельно, без запинки прочла аншлаг на стене “У нас не курят”.

Вообще ее образование достигло уже той стадии, когда она не может пройти мимо печатного слова, чтобы не остановиться и не прочесть это слово. Идет и читает: “Четыре-четыре (то есть “сорок четвертый”) Октябрь”, “Слава”, “Театр”, “Сегодня”, “Один год”, “Воды”, “Булочная”, “Сберегательная касса”, “Да здравствует”...

* * *

На днях самостоятельно прочла вывеску: “Вегетарианская столовая”. Спросила, что такое “вегетарианская”. Объяснил. Рассказал про Льва Толстого, который не ел мяса. Очень ей это понравилось. Ведь до мысли о том, что нехорошо убивать и есть животных, она дошла своим умом еще года два назад.

А перед праздниками была с мамой на Сытном рынке. Мама что-то покупала, стояла в очереди, оглянулась— Машки рядом нет. Кинулась искать ее. Через пять минут нашла— в мясном ряду. Видит, Машка стоит перед прилавком, что-то горячо говорит, а вокруг толпятся и смеются покупатели и продавцы... Подходит мама ближе и слышит:

— Вы зачем маленьких теленочков убиваете?! Вы знаете, что Лев Толстой даже котлет не ел!..

Какой-то красномордый мясник выскакивает из-за прилавка, хватает телячью голову и с хохотом тычет Машке в лицо:

— На, на, целуйся с ним!..

У Машки уже слезы в голосе.

— Вы нехорошие... Грузины лучше вас. Они мяса не едят. Они только апельсины и хурму продают.

На этом Машкина проповедь была прервана мамой.

Вечером я говорил с Машей на эту тему. А насчет грузин, которые питаются одними фруктами, разочаровывать ее не стал.

* * *

Третьего дня потеряла, оставила в автобусе, своего любимца — маленького плюшевого слоненка.

Думали, будут слезы. Нет, хоть бы что. Если бы слоненок на ее глазах упал, скажем в Неву,— это действительно было бы горем и даже трагедией. Если бы его схватил вор (или хотя бы незнакомая девочка), это было бы несчастьем. А сейчас она уверена, что “еще найдется”. Мало ли она в жизни теряла— и ведь почти все находилось. Папа найдет!..

* * *

Ночью оставил ей две записки: одну, так сказать, общего характера, с просьбой тогда-то и тогда-то разбудить, а вторую, маленькую, вложил в руки Левы, а Леву посадил на стул возле Машкиной постели. На этой записочке написал:

“Маша, не буди маму, дай ей поспать”.

Машка утром проснулась, увидела у Левы в руках записку и первое, что сделала,— оглушительным криком разбудила маму:

— Ой, мамочка, мамочка, посмотри, какая прелесть!

Но тут же, бегло прочитав записку, пришла в ужас:

— Ой, что я наделала!

Вскочила, напялила туфли, подбежала к матери.

— Спи, мамсинька! Спи, моя хорошая. Я все сама.

Укутала мать одеялом, стала делать гимнастику, сложила и запихала в ящик постель, вынесла в коридор горшок... Мама лежала, прищурив глаза, и наблюдала.

Машка на цыпочках подходит и говорит:

— Спи, спи... Спишь? Ну, спи. Я потихоньку.

11.11.61.

Гуляли в Дивенском садике. Холодно, неуютно. У Машки ручонки совсем ледяные, нос посинел, но уходить не хочет:

— Еще! Еще!..

Не везет ей с подругами. Не умеет их привечать, не умеет держать себя с ними. Ласкова, предупредительна, нежна даже, но нет у нее никакого жизненного опыта, и это очень мешает ей. Знает она больше многих своих сверстниц и вместе с тем совершенный сосунок даже рядом с девочками младше ее.

Вот вчера пришла в сад девочка Марианна. Ей три года десять месяцев. С Машкой они уже знакомы, месяц назад вместе играли в “телефон”, Марианна не по возрасту большая, очень свободно держится, даже развязна. Увидела Машку:

— А-а-а! Давай в телефон играть?

Стали бестолково играть, Марианна не умеет, и Машка тоже не умеет. Она вообще ничему никого не может научить (кроме, может быть, азбуки, счета и прочей книжной премудрости). Всегда охотно поддается власти “коллектива” (любого) и других детей вообще. С совсем маленькими цацкаться не может. А вот если девочка или мальчик моложе ее на год-полтора, глядишь, через полчаса они уже командуют в игре, а Машка хоть и не понимает, а подчиняется им и при этом подчиняется с радостью.

А если девочек несколько и они не знакомы, Машку очень скоро отшивают. В чем же дело? Неинтересно с нею? Или дружбе — и даже простому знакомству— надо окрепнуть?

Вот и вчера. Пришла какая-то четырехлетняя Наташа, приятельница Марианны, грубо оттолкнула Машку и стала играть с Марианной.

Машка подавила вздох, как-то уже привычно отошла в сторону, села в качалку, стала качаться одна.

Когда мы выходили из сада, я сказал:

— Эта Наташа мне не очень нравится. А Марианна славная.

— Кто?

— Марианна.

— Да, она мне очень нравится.

И— никакой досады, раздражения, мстительных чувств.

12.11.61.

Пошли вчера— Маша с мамой и папой— гулять. Собирались дойти до Литейного, до аптеки, до книжных и других магазинов,

но было так холодно, дул такой мерзкий пронзительный петербургский ветер, что прогулку отменили. Погуляли с полчаса в парке Ленина и вернулись к очагу...

* * *

Пересказывала “Девочку Лизу”. Там есть такое место: дядя по просьбе детей выпустил из клетки чижика, и дети кричат “ура”.

Машка так пересказала этот эпизод:

— Дети все обрадовались и стали кричать “караул”.

Пришлось объяснить, что есть некоторая разница между этими двумя словами.

13.11.61.

Третьего дня сошлись на кухне все члены нашей семьи, мама, Машка и я. Мама собирала пустые бутылки, нашла несколько водочных.

— Надо бы узнать, что с Валей,— сказал я.

И не успел закончить фразу, Машка вскрикивает:

— Только что подумала!

— О чем ты подумала?

— О тете Вале.

— Вот как! Это хорошо, что мы с тобой об одном и том же думаем. А что же ты о ней думала?

— Не скажу.

— Тайна?

— Да, тайна.

— Ну, хорошо, тайна так тайна.

— Ай, ай,— говорит мама.— Не хочешь папе и маме сказать!..

Машка повернулась ко мне.

— Тебе скажу.

— А маме нет?

— На ушко скажу.

— Ну?

Покраснела и— на ухо мне:

— Как Снегурочка растаяла.

Почему она сказала это только мне? Как поэт поэту? Ведь до сих пор она во всех случаях предпочитала маму... Одно могу сказать: это была не игра, не шутка. Образ тети Вали, которая появилась на ее горизонте, радовала ее хотя бы тем, что у нее был Толя, и вдруг неизвестно почему, волей каких-то роковых обстоятельств, исчезла, пропала, растворилась,— этот образ был ей очень дорог, и она боялась разбить его.

А мамочка наша, конечно, очень хорошо почувствовала прелесть этой детской мысли. И Машка не ее боялась. Она боялась гласности.

14.11.61.

Весь день гостил у нас дядя Ваня Халтурин.

Машка поражала его своей “воспитанностью”, “светскостью”, как он выражался. А он Машку— своими рассказами. Рассказывал о Гайдаре, с которым они много лет дружили.

* * *

Раздеваясь перед сном, говорила матери:

— Все-таки, мама, я думаю, что у Снегурочки папа и мама были глупые. Почему они отпустили ее на солнце? Если бы они были умные, они бы держали ее в тени, и она не растаяла бы...

15.11.61.

На днях ласкала меня, обнимала и вдруг говорит:

— Алексейчик ты мой... маленький... бездарненький!..

Мы с мамой, конечно, крепко посмеялись.

А сегодня она спрашивает у мамы:

— Что такое “бездарный”?

* * *

Сегодня же спросила:

— Что такое богатый?

Мама сказала:

— Это человек, у которого много денег и который другим не дает.

— А вещей?

— Да, и вещей тоже много.

— Ну, я буду всем давать— и деньги и вещи.— Потом подумала и спросила:— И чужим тоже?

— Да,— ответила мама.

Конечно, мама правильно сказала: богатство и скупость часто соседствуют. Но богатый и скупой все-таки не синонимы. Я прочел Машке державинские строчки о богатстве, “какого Крез не собирал”. Не поняла, но “понравилось”.

16.11.61.

Вечером вчера гуляли. Дошли до Зоопарка. Там уже темно, ворота и кассы закрыты, но на обратном пути мы с Машкой все-таки видели обезьянок... Да, и видели их, так сказать, в каникулярное, нерабочее время, дома, а не при исполнении служебных обязанностей... Верхние окошки обезьянника выходят в сторону парка. Если стать подальше от забора, можно увидеть мартышек и других четвероруких. Там очень светло, горят лампы дневного света, и видно, как обезьянки сидят, бегают, ходят, раскачиваются на трапециях, дремлют и укачивают обезьянышей. Я поднимал Машку над забором, и она смотрела.

17.11.61.

Вчера день у Маши был довольно плотно набит событиями.

Ездила с мамой в город, искали Машке обувку на зиму.

Сидели в Шереметевском саду, рядом с “Академкнигой”. Позже туда явился и папся. Мама уходила в книжный магазин. Машка с папой играли. Папа устал и играл довольно лениво. Кроме того, он видел, что Машке хочется играть не с ним, а с девочками. А там, в саду, было очень много девочек и мальчиков из детского сада. Некоторые Машку задевали, на ходу втягивали в игру. Для них она— одна лишняя рыбка в том косяке, к которому принадлежат они сами. А для Машки— это событие.

Потом этот косяк куда-то уплыл.

Где же Машка?

Вижу— на противоположной скамейке две девочки поменьше Маши что-то делают, склонились, играют— в куклы, что ли? И Машка тоже там стоит. Потом, постояв рядом с девочками, поиграв с ними, возвращается ко мне. Минуту спустя я замечаю, что при ней нет ее белой сумочки. В сумочке— маленькая кукла, носовой платок и прочие шмутки.

Спрашиваю:

— А где твоя сумка?

— Девочки играют.

— Что же ты оставила ее? Они же разорвать и сломать ее могут. Они же маленькие.

Подошел, поговорил с девочками, деликатно и постепенно, одну за другой, выручил все Машины вещи. Машкин поступок понятен. Ведь мы учим ее, что надо быть “доброй, а не богатой”, и не только со своими, но и со всеми... А дети полушагов в вопросах морали не знают. Всё так всё. Со всеми так со всеми. Это взрослые, как писал Житков, облегчают себе жизнь компромиссами и “исключениями”: “Ведь не до идиотизма же! Бывают, знаете, такие случаи...” Нет, “таких случаев” дети не признают. Я знаю, что для взрослых (многих) герой моего рассказика “Честное слово”— идиот и растяпа. Мало ли что дал честное слово, ведь знает же, что ребята ушли, а стоит! Читатель-ребенок (если он еще не испорчен взрослыми) так никогда не подумает и не скажет...

ТЕТРАДЬ ОДИННАДЦАТАЯ

19.11.61. Воскресенье. Ленинград.

Азбукой не занимаемся. Еще не кончились октябрьские каникулы, а Машке они уже надоели.

— Хочу, чтобы кончились каникулы. Учиться хочу.

Но все-таки мы с мамой решили продлить Машкин отдых. Хотя я не уверен, что это именно “школьные” занятия утомляют и возбуждают ее. Нервный ребенок всегда найдет пищу для возбуждения и переживаний. Не вовне, так в себе, в воображении.

* * *

Мама купила ей крохотную куколку-голыша.

— Ой!— говорю.— У тебя еще одна дочка?!

— Да. Она совсем маленькая.

— Сколько же ей?

— Она вчера родилась. Ей один год всего.

И долго не могла понять: как это ей один день, когда всегда говорят или “год”, или “месяц”?!

— Поняла?— говорю.

— Нет.

Это она всегда честно заявляет: “Нет! Не поняла!”

Да, иногда кажется, что слишком часто и слишком поспешно прибегает она к этой формуле.

* * *

Вечером зовет из своей комнаты:

— Папочка!

— Что, Маша?

— Не забудь...

— Что не забудь?

Подхожу к постели.

— Ну, что тебе?

— Не забудь напомнить мне завтра.

И перечисляет, что именно ей нужно не забыть:

— Выгладить платье Сяо-Сяо, написать письмо бабушке, бусики на нитку надеть, поиграть в школу. Леночку Журба в гости пригласить...

И пальцы при этом загибает.

— Не забудешь? Напомнишь?

— Да, да, напомню.

— Не забудь! Пожалуйста! Обязательно!..

Это у нее новая навязчивость. Боится забыть. И пока не попросит напомнить, не уснет.

2.11.61.

Вчера гуляла с папой. Впрочем, прогулка эта ограничилась тем, что дошли до аптеки имени К.Либкнехта на Большом проспекте, получили кальций для Машки, купили витаминов и вернулись домой.

Заходили еще в магазин грампластинок, но ничего там не купили. Папа только почитал вслух список долгоиграющих новинок. А Машка все умоляла купить ей какую-то пластинку:

Ку-ку! Ку-ку!

Беспечно я живу.

Слышала эту песенку где-то по радио. Кажется, в Дубулти. Или в Союзе писателей на елке.

Дома позволил ей побыть у меня. Разглядывала БСЭ, "Всемирную историю искусств", немецкого Брема. Читала— с трудом, по складам, но самостоятельно. Я в это время сидел за столом, работал.

25.11.61.

Была в "школе". Занималась сегодня неважно, на троечки.

А я учитель плохой. Сержусь. Вспыхиваю. Кипячусь. А ученики этого не любят, и им это не на пользу.

Лучше всего на Машку действует спокойный тон, а еще лучше — соревнование, игра на честолюбии.

Даешь ей хлористый кальций. Морщится. Стонет. Не хочет, не может проглотить его. Но стоит сказать: "Вот смотрите, ребята (или: "Вот смотрите, товарищи студенты"), какая у нас Марья Алексеевна! Принимает горькое лекарство и не морщится",— и Машкин рот моментально отверзается, и отвратительный кальций безропотно проглатывается.

Или: "Сейчас выступит, прочтет стихотворение Корнея Чуковского, Маша Пантелеева. Она очень способная девочка, первая ученица"— и так далее.

Не знаю, такой ли уж это хороший способ, что-то подсказывает мне, что не очень хороший. Оставляя в стороне моральную его сомнительность, не является ли он тем же насилием, только более тонко замаскированным?

Как и в других случаях, надо знать и чувствовать меру.

* * *

На днях Маша мне говорит:

— Папочка, ты мне сделаешь такой ночевальник?

— Что еще? Какой ночевальник?

— Ну, такой... чик сделаешь— и зажжется. Маленький, на столике. Чтобы мне ночью самой пипи делать.

— Ночник, что ли?

— Да, да. Ночник! Лампочку!

27.11.61.

Уже довольно бегло пишет. И пишет самостоятельно, овладела тайной “фонетического письма”. Исписывает целые страницы словами, которых еще недавно не писала и написания которых не знала. Делает, конечно, ошибки: ище, катлетка, холва, жерав (жираф)— но это значит, что она пишет сознательно, понимает структуру слова и ищет способ для его написания.

Писала вчера письмо (даже два письма, одно впрок, к Новому году) бабушке. Уже почти не спрашивает: “Как писать?” Я диктую, она пишет.

28.11.61.

Часа два-три занимались приведением в порядок нашей детской библиотеки. Разобрали все книги и установили очередность в их чтении. Книги, которые будем читать в первую очередь, положили отдельно, на самое видное место; немецкие сложили с немецкими, книги второй очереди отставили в сторону. Отобрали довольно много дублетов— будем дарить их другим детям.

Машка самостоятельно читала (первые полтора-два часа) все названия книжек. Потом утомилась, стала сбиваться, и я некоторое время “подменял” ее.

Не могли, конечно, удержаться и кое-что читали не только на обложках. Например, попробовали читать “Короля Матиуша Первого”[18]. Это так хорошо, так непосредственно обращено к детскому сердцу, что Машка почти все понимала, хотя и там очень много не известных ей слов и понятий: “министр”, “закон”, “наследник”, “забастовка”, “юстиция” и так далее, и тому подобное. Прочли до конца первую главу. Сама Машка читала “Азбуку” Толстого и его же “Первую книгу для чтения”. К удивлению моему, быстро усвоила, что такое ь, і, ъ.

Три новых значка для нее— не нагрузка. А как мы в свое время (в очень далекое время) радовались, когда Советская власть отменили эти три буквы!

* * *

Перед сном опять плакала, звала мать, говорила, что боится забыть. Мама, конечно, права: это навязчивая идея— боязнь забыть что-то.

Днем тоже нередко напоминает, просит: “Не забудь, напомни мне”.

Я посоветовал:

— А ты записывай и не забудешь.

Завели специальную тетрадку, куда Маша своей рукой записывала:

“Тракунчик”— по-грузински попочка.

Сяо-Сяше платье выгладить.

Купить пластинку “Ку-ку! Ку-ку!”.

Бусики сделать.

Кальций (то есть не забыть принять кальций. Это уж я предложил: настоящее, серьезное ставить в один ряд с ее надуманным, вздорным, болезненным).

29.11.61.

Продолжали разбирать библиотеку. У Маши— радость: нашла одну из своих самых любимых книг— “Чижик, Пыжик, Рыжик и Женя Жукова” Л.Кассиля. Думали, что она пропала, а книга была, оказывается, у меня. Самое милое в этой забавной и симпатичной книжке— то, что героиня ее Женя Жукова, нарисованная художником Сазоновым, очень похожа на Машку. И вздернутый нос, и все ужимки. И даже танцует, как Маша. Одно время я даже называл Машку Женя Жукова.

Читала и разглядывала картинки.

* * *

Перед сном читал ей “Козетту”. Ох, как трудно это! Какое огромное количество непонятного! Впечатление, будто читаешь и переводишь еще раз с французского на русский.

Например, объясни ей, что такое “трактир”, “госпожа”, “постоялый двор”, “хозяин”, “хозяйка”, “господин”, “сударь”, “лампа”, “очаг”, “служанка”, “лохмотья” и так далее, и тому подобное.

Главное, конечно, не слова и даже не чужеродный быт, а другая социальная природа, социальные отношения: хозяин, хозяйка, служанка, деньги. Все это и у нас есть: хозяйка (дачи), домработница, деньги... Но домработницы у нас под столом не ночуют, ребят у нас не покупают и не продают.

Вчера утром старые товарищи-первоклассники: Маша Пантелеева, Лена Симпатулина, Володя Иванов, Гога Гогоберидзе и другие— собрались для занятий уже в качестве учеников второго класса. Появилась среди них и новенькая— Ирочка Снегова, приехавшая с родителями из Новосибирска. Читали, считали, занимались геометрией и немецким. Маша научилась читать глазами. Вглядится как следует в предложение, пошевелит губами и без запинки читает: “Летом девочки жили на даче”. Или: “Дуйте, дуйте, ветры в поле...”

Хотела учиться писать “по-письменному”, но дома не оказалось тетрадки в косую линейку. Отложили урок до сегодня. Зато учились читать по-письменному.

* * *

Раньше, когда Маша была маленькая, я оставлял с вечера записки маме: “Прошу разбудить тогда-то и тогда-то”.

Потом стал писать маме и Маше. Теперь обращаюсь иногда

непосредственно к Машке. Стараюсь писать понятнее, доходчивее, и в то же время ввожу новые понятия, новые обороты, а буквы по начертанию постепенно приближаются к письменным.

Сегодня утром читает мое письмо и умиляется:

— Алексейчик... славненький!.. Смотри, как смешно маленькое “д” пишет!.. Маленький мой, славненький...

* * *

Вчера был у нас еще урок рукоделия. Сплели из цветной— зеленой и голубой— бумаги маленькую кукольную салфеточку. Приклеили синюю подкладку.

Утром я принес подсохшую салфеточку Маше. Она в восторге:

— Как это склеилось хорошо! Какой клей... остроумный!

Мне, сказать по правде, не понравилось это остроумие. При этом она еще быстро взглянула на меня. Как бы ожидая поощрения, смеха, растроганной и умиленной улыбки.

Я не улыбнулся.

Это с ней бывает последнее время: ломается, кривляется, сюсюкает, играет на публику.

Надо за этим следить и бороться— смехом, конечно, ничем другим.

3.12.61.

Полтора часа гуляла с папой. Ходили в аптеку, на почту. Остальное время провели в маленьком садике на улице Воскова— против бань. Там крохотная ледяная горка с двумя скатами. Мальчики и девочки лет по шести— восьми, кто стоя, кто на корточках, а кто и просто на попке, скатываются в обоих направлениях, орут, визжат, хрюкают. Уже одно это зрелище, весь этот визг, ор, красные лица, пар изо рта— все это привело Машку в восторг. Стала и она проситься на горку. Сначала ничего не выходило,— ноги расползаются, подгибаются, руки вперед лезут. Потом— ничего, пошло. С трудом увел ее из сада. Пришлось даже громко поговорить с нею.

Эти нотации Машку не очень огорчили— не привыкать ведь, — зато расстроила ее пятилетняя (а на вид даже семилетняя) девочка Тоня, которая, узнав, что Машку зовут Маша, стала нам рассказывать, что видела в кино картину “Маша и манная каша”. Машка не поняла, о чем она говорит, и сразу же обиделась:

— Я не манная каша.

После чего эта Тоня всякий раз, как скатывалась, проезжала мимо Машки и тонюсеньким голоском пела:

— Ма-а-аша и манная ка-а-аша!..

Я сказал:

— А ты— Тоня на макароне.

Засмеялась, и всё. А Машка... Машка— та, против ожидания,

обиделась крепко и надолго затаила обиду. Она не привыкла к такому отношению к себе. До сих пор девочки, и вообще дети, сулили ей только радости. В худшем случае— не хотели с ней играть. Уже подходя к дому, она несколько раз сказала:

— Не нравится мне эта девочка Тоня.

5 ЛЕТ 4 МЕСЯЦА

4.12.61.

На дворе всю ночь и все утро шел снег. Густо лежит— чистенький, славненький, мягонький... Крыши ослепительно белые. Но где-то по карнизу: “кап-кап-кап”.

Занимались немецким и арифметикой. Машка уже может считать по-немецки до тридцати, знает, сверх того, больше двухсот немецких слов. По-русски считала вчера до двухсот пятидесяти.

Долго вчера гуляли— в том же садике, что и накануне.

Машка опять каталась (пыталась кататься) с горки. И опять я больше, чем следовало, огорчался и раздражался. И радость ее не была полной.

Впрочем, была и чистая, неомраченная радость.

Как уже сказано, накануне ночью выпал густой снег. Не всех он порадовал, этот снег. В саду работала старуха, с забинтованной головой. Несколько раз я слышал, как она обращалась к парням и к большим мальчикам:

— Милый, помоги старухе, поработай немного.

Но всем было недосуг. Я думал предложить свои услуги и тоже— вспомнил, что все эти дни у меня было худо с сердцем, и не предложил. Но тут она сама подошла ко мне:

— Гражданин, помоги, дорогой, поработай немного!

Машка быстро взглянула на меня. И я сказал:

— Ладно, мамаша, давайте.

— Вот, возьми движок, очисти вот здесь— под скамейками.

Полчаса работал. И нисколько не трудно было.

А какая это была радость для Машки! Усталая, замореннная старуха в ее глазах превратилась в добрую фею: ведь и ей, Машке, тоже дали лопату, и она тоже полчаса работала, “помогала”, и помогала, надо сказать, в полную силу.

Ничего, с сердцем все благополучно. А Маше— добрый урок. И может быть, этим мы “отчасти компенсируем” крики и прочие глупости, допущенные нами.

* * *

Перед сном говорила маме, что боится Бармалея и людоедов.

— Ну какие же, Машенька, людоеды? Где ты их видела? Тебе уже пять лет, а разве ты видела хоть раз человека, который бы ел детей и вообще других людей?! Нет людоедов.

— Нет есть! Мне папа говорил, что немного еще есть. Только они в Африке живут. И потихоньку едят. Дома, а не в столовой.

Когда я ей это говорил? Месяцев пять назад!

Что не надо— помнит, а что надо— забывает.

6.12.61.

Пришла Леночка Журба, которую мама и Маша встретили в парке и пригласили к нам.

Я уходил и успел только одну минуту полюбоваться Машкиной радостью. Видел, как она вела по коридору— из ванной в столовую— эту большую, грустную, немного неуклюжую, скованную в движениях девочку.

Да, времена меняются! Давно ли Маша была крохотной приготовишкой, обожавшей почти взрослую Леночку. И вот они почти сравнялись. А кое в чем Машка и обогнала Леночку. Правда, образованностью своей она щеголяет осторожно, деликатно, так как Леночка для нее по-прежнему кумир. Но все-таки щеголяет. Угощая Леночку чаем, сказала:

— Бери брот.

И тотчас, как бы между делом, пояснила:

— Это по-немецки.

* * *

Третьего дня, отправляясь с мамой на прогулку, взяла с собой лопатку. Лопата большая, неудобная, тащить ее трудно. Мама говорит:

— Ну дай, я понесу.

Машка мрачно ей отвечает:

— Что ты, не знаешь разве, что маленькие дети сами должны носить свои игрушки, а не заставлять взрослых таскать?

* * *

Что-то сказала маме. Та не расслышала, переспросила:

— Что? Не слышу...

— Интересно, о чем ты думала в этот момент,— не без ехидства говорит Машка. И другим тоном поясняет:— Это мне папа так очень часто говорит.

Сегодня солнечный день. Тает. С санками не погуляешь.

7.12.61.

Очень любит “удивлять”.

“Самолюбие, переходящее в тщеславие”,— говорит мама.

Ест вяло, то и дело подхныкивает:

— Не хочу!..

На лице усталость и отвращение. А тарелка еще на три четверти наполнена вегетарианским супом.

— А ну, интересно, успею я сосчитать по-немецки до двенадцати, пока ты съешь этот суп?!

И начинается увлекательное состязание, которое Машка неизменно выигрывает. Правда, не только из “самолюбия, переходящего в тщеславие”, но и по наивности, переходящей в

глупость.

* * *

Чаще всего она “удивляет” маму. Меня считает скептиком и циником.

Вчера прибежала на кухню:

— Мама, посмотри, я сама туфли зашнуровала!

Мама вытаращила глаза:

— О-о-о-о!..

Машка сияет. Потом— горькая усмешка и презрительный жест в сторону моей комнаты:

— А его не удивишь никогда!..

8.12.61.

Была тетя Ляля. Играли в лото. Машка уже не в первый раз выступает в роли банкомета; вытаскивает из синего мешочка бочонки и объявляет:

— Шесть! Двадцать четыре! Сорок! Восемьдесят два! Семен Семенович!..

Ошибается редко. И ошибается, главным образом, на числах второго десятка, от десяти до двадцати, почему-то.

* * *

Вчера ночью (то есть третьего дня ночью) оставил записку:

“Дорогие мои спящие красавицы! Прошу разбудить тогда-то”— и так далее.

Машка уже давно читает эти утренние послания совершенно самостоятельно. Прочла и эту и с усмешкой говорит:

— Ты тоже, оказывается, в балерины попала!

Для нее “спящая красавица”, по-видимому, связано только с балетом. Что тут замешано слово спать, ей в голову не приходило.

10.12.61.

Утром забравшись к матери в постель, рассказывала ей сказку:

“Коровы устроили собрание и решили, что нельзя теленочков резать. Нельзя мясо есть.

А лев в Зоопарке захотел мяса и стал клетку ломать. А ему не дают. Он стал вырывать прутья и реветь.

Вдруг видит— идет Лев Толстой. Лев повернулся и ушел в клетку”.

* * *

Сегодня пять градусов мороза. Но снега почти нет. Поэтому вид за окном довольно тусклый. Хочу выйти с Машкой пораньше.

11.12.61.

Гуляли два часа. В Дивенском садике.

Катались с горки.

Машка совершенно не умеет вести себя в обществе детей и очень часто выглядит единицей среди ноликов. И, главное, сама себя так ощущает. Нет, не заносится, не “воображает”, а просто не может найти свое рядовое место в строю. Не видит, например, что на горку очередь. Способна на самой горке, на скате горы, нагнуться и начать поправлять штаны или застегивать ботик, не замечая, что за ней выстроилась очередь. Налетает на ребят. Все это только от недостатка опыта, от той тепличной (да, тепличной, хотя в этой теплице и открываются усиленно “форточки”) жизни, какой она у нас живет.

Достается ей, бедняге. Но без этого нельзя. В этом смысле надо ее муштровать, то есть приспосабливать к тому строевому темпу, в какой ей через год-два придется включиться.

13.12.61.

День зимний, солнечный, морозный. Окна по-декабрьски разукрашены узорами.

Каталась на санках с горки. Поначалу огорчала и даже возмущала меня. Влезет на невысокую горку, втащит туда салазки и кричит на весь сад:

— Папочка! Папсиночка! Дай ручку!

А сзади— очередь.

Я нарочно ушел подальше, не слушая ее жалобных криков.

И помогло.

Через час уже совсем самостоятельно втаскивала санки, самостоятельно усаживалась в них (правда, в не очень удобной позиции) и самостоятельно скатывалась. Даже другим детям помогала: поднимала кого-то, стряхивала снег.

* * *

Вчера вечером сидит в коридорчике на горшке и поет:

Ах вы, милые, кусачие мои!

Вы хорошие, кусачие мои!..

Мама говорит:

— Ты что поешь?

— Это я маленьких людоедиков укачиваю.

— Нашла кого укачивать! Противные, кусачие! Фу!

— Ах, мама! Это для нас маленькие людоедики нехорошие, а для своей мамы они хорошие.

14.12.61.

Засыпала вчера хорошо— отчасти потому, что много была на воздухе, набегалась, надышалась, отчасти же потому, что был выставлен (мамой) ультиматум: “Быстро уснешь— завтра будем вместе стирать: мама— большое белье, ты— маленькое, кукольное”.

Сегодня с утра во власти этой идеи.

15.12.61.

Весь день проторчала дома. Стирала белье. Полоскала, выжимала. Вешала на веревочках сушиться.

* * *

Мороз и сильный ветер. 14 градусов. Солнце. Но что-то безрадостное в этой белоглазой зиме.

16.12.61.

Занимались немецким и арифметикой.

Не перестаю удивляться чуду перевоплощения. Когда мы играем в школу и я наряду с ролью учителя Алексея Ивановича исполняю еще роли всех девочек и мальчиков, учителя Карла Карловича, директора Семена Федоровича и других,— Машка по-настоящему, по-зрительски, по-театральному, забывает, что перед ней стоит или сидит папа.

Есть у нас в классе девочка Ира Снегова, новенькая. Девочка туповатая, расхлябанная. Почему-то с первого дня она возненавидела Машу Пантелееву. Читая письменный текст, Машка прочла вместо ежик— ёмсик. С тех пор Ира Снегова не дает ей прохода, на каждом шагу дразнит:

— Ёмсик, ёмсик!!

Маша краснеет, глаза ее наливаются слезами. Если бы ее поддразнивал папа, ни слез, ни румянца на щеках, конечно же, не было бы.

С этой Ирой у нее очень сложные отношения. Она ее все-таки любит. И оправдывает:

— Просто у нее язык все время чешется. А она вообще хорошая, Алексей Иванович...

И еще призналась мне (то есть учителю):

— Мне тоже хочется ее как-нибудь поддразнить, но я терплю.

Спрашивается, для чего я это делаю, то есть прибегаю к такому “натурализму” в изображении детского коллектива? Сознательно делаю, сознательно прибегаю.

Поскольку игра со мной в какой-то мере заменяет Маше (как суррогат, конечно) настоящий коллектив, я стараюсь “рисовать” этот коллектив таким, какой он есть на самом деле, не идеализируя и не лакируя. Тогда при встрече с коллективом настоящим, не игрушечным, может быть, меньше будет разочарования.

Короче говоря, наша игра— это, так сказать, допризывная подготовка.

17.12.61.

За окном декабрьские сумерки. Стоит туман. С крыш течет. Голуби прилепились к стене дома на той стороне улицы.

Машка весь день пролежала, вернее просидела, в постели.

Опять делает книжечки. Сочиняет книгу под названием “Аннабелла в стране чудес”.

20.12.61.

Солнечный зимний день. Шесть градусов мороза.

Машка хворает. Сидит у себя в постельке, разглядывает картинки в книге Пыляева “Старый Петербург”.

21.12.61.

Делала сегодня из тетрадочной бумаги книжечки. Потом делала “журнал”. И там— рассказ “Мой папа”:

“Когда мой папа был маленький, он был холостой”.

* * *

А сейчас сидит и по-нарошному читает:

— Жи-ла бы-ла де-воч-ка Маш-ка...

— Не может быть,— говорит мама.— Так и написано Машка?

— Да.

— Машка?

— Да. Машка.

— Правда?

— Честное слово.

— Маша,— говорит мама,— если человек говорит неправду и скажет честное слово, такому человеку никто после не будет верить.

— Ну, мама!— говорит, снисходительно усмехаясь, Машка.— Я же человек веселый. Могу же я иногда пошутить?

— Значит, соврала?

— Ну конечно!

23.12.61.

Наконец состоялось “кино”.

Смотрели четыре фильма: “Трудный вечер” Артюховой, “Сивку-бурку”, “Айболита” и папин новый фильм— “Волшебная палка”.

Смотрела всё с интересом, хотя “Палка”— очень даже так себе.

* * *

Видела во сне бабушку. Рассказывает мне об этом:

— Я часто вижу бабушку. То вижу, то не вижу. Как диатез.

То есть неожиданно, как вспышки диатеза.

24.12.61.

Много рисовала, читала. Читали и мы ей.

Насмешила и растрогала нас (особенно маму), изготовив самолично журнал под названием: “Дикаративное искуство СССР”.

В журнале— рисунки мебели, керамики, посуды, женские и детские костюмы.

Даже год указан: 1961.

И цена: “Цена 5”.

Маму особенно умиляет “СССР”.

* * *

Сейчас играет— “делает уборку к Новому году”. Вчера писала поздравительные письма: маме и мне. Удивляет меня, как мало ошибок делает она в своих писаниях, как много слов— и трудных слов— пишет совершенно правильно.

25.12.61.

Не гуляли. Машка почти весь день была увлечена “Декоративным искусством СССР”. Сделала еще один экземпляр (то есть номер). Рисует “латышские вазы”, “керамику”, “немецкие чашки”, “чешские вазы” и так далее. Нарисовала домик и сделала подпись к нему: “Какие бывают в Советском Союзе хорошие дома”.

День сегодня прекрасный, солнечный, 5-6 градусов мороза.

Обещали Машке пойти с нею покупать елку.

26.12.61.

Вчера Машка после порядочно долгого перерыва вышла на воздух. С папой и мамой ходила на рынок— покупать елку. Но не купили: от елок остался только запах и большое количество зеленых иголок на снегу.

На морозе ела горячий пирожок с капустой.

* * *

Занималась немецким.

Не может запомнить слово die Gurke. Я ей сказал, что нетрудно запомнить, очень похоже на русское огурец.

Вчера спрашиваю:

— Как по-немецки огурец?

Подумала:

— Ди огуртцхен?

* * *

Ласкается к матери.

— Не любишь ты меня,— кокетничает мама.

— Нет, люблю.

— Правда? Ну, скажи тогда: “Я люблю тебя, мамочка, больше всех”.

— Нет, мамочка. Вот этого я не могу сказать. Потому что я папу тоже люблю.

* * *

Папа встал сегодня ни свет ни заря. Собирался— в очередь с мамой— идти за елкой. За ними повсюду тысячные хвосты и побоища. А мороз на дворе— 20 с чем-то градусов!

31.12.61.

Сидит дома. Скучает. В сумрачной, по-декабрьски полутемной столовой играет в куклы, разговаривает с ними на разные голоса или просто сядет на тахту и сидит— смотрит в окно, где скучное небо, скучные трубы, унылый дым из высокой железной трубы...

Ждала весь день, что покажу ей кино. Но мне некогда было— ездил по разным делам, работал. Послезавтра еду в Москву, оттуда— в Берлин, в гости к немецким писателям.

Машка умоляет меня не ездить.

Потом смирилась с этой перспективой, только просит привезти ей “маленькую Puppchen”.

* * *

Вдруг спохватилась:

— А как же ты будешь там?.. Ты же ведь не все немецкие слова знаешь!..

* * *

Днем опять помогала мне составлять каталог, читала названия фильмов на коробочках:

— Сивка-бурка, Упрямый котенок, Айболит, Девочка и тигр, Художник Брюллов, Приключения Мюнхаузена, Снегурочка, Старик Хоттабыч, Рассказ сыну Михалкова, Картины Федотова, Щи из топора...

31.12.61.

Готовлюсь к отъезду, почти не видел ее сегодня. А она весь день самозабвенно работала, клеила какие-то самодельные игрушки, вешала их на елку.

Легла рано, спит сладко и крепко.

Сейчас заглянул к ней, поцеловал ее спящую. Как нежно, как тонко пахнет в комнате ребенком, елочной хвоей, зимним лесом...

* * *

Утром сегодня, за завтраком, спросила меня:

— Папа, а когда ты маленький был, тоже Дед Мороз вам игрушки приносил?

— Нет, кажется, не приносил.

Ужасно огорчилась.

— Неужели? Это же неинтересно— самим покупать игрушки!

Потом вдруг ласково улыбнулась, умилилась:

— Маленький... Алексейчик... повареночек... Под елочкой играет... яйца рубит, а сам читает.

(Это я ей рассказывал как-то о том, как, будучи поваренком, я работал и украдкой читал книжки.)

Разочаровал ее, сказав, что поваренком я стал, когда был уже постарше.

— Да?! А я думала, ты был маленький— такой, как я...

* * *

“Маленький”... “Как я”! Нет, милый дружочек Маша, ты уже не маленькая. Посмотри— в столовой стоит, поблескивая в темноте, уже пятая в твоей жизни елка! А в окно с морозной улицы вот-вот заглянет твой пятый Новый год!

Расти же, дочура милая, на радость нам и всем людям!

С Новым годом тебя, с новым счастьем!!!

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия
Из первой тетради
Из второй тетради
Тетрадь третья
Тетрадь четвертая
Тетрадь пятая
Тетрадь шестая
Тетрадь седьмая
Тетрадь восьмая
Тетрадь девятая
Тетрадь десятая
Тетрадь одиннадцатая
Примечания

notes

Примечания

здесь речь идет о родных Маши по отцовской линии. Дедушка Маши, Иван Афанасьевич Еремеев, был выходцем из петербургской купеческой среды. По женской линии принадлежал к роду старообрядцев Сидоровых; из этой среды вышли известные всей России Алексеевы, Морозовы, Брюсовы, Хлудовы, Третьяковы. Мать А.И.Пантелеева, Александра Васильевна Спехина, была дочерью купца первой гильдии, выходца из архангельских крестьян.

2

Машина мама, Элико Семеновна, была по матери армянка, а по отцу грузинка.

3

Примечание папы. Вот что делает возраст! Давно ли она в ужас приходила от мысли, что мельник смолол на мельнице Дженнину туфельку. А теперь без зазрения совести сама бросает под эти безжалостные жернова и чулки, и штанишки, и даже тетю Вазу. Что это— жестокость? Нет, это просто взросление. Уже понимает игру, условность искусства.

4

Тувим Юлиан (1894-1953)— польский поэт.

5

Смирнова Вера Васильевна (1898-1969)— литературовед, критик, прозаик.

6

Халтурин Иван Игнатьевич (1902-1969)— прозаик, очеркист, многие годы был на редакторской работе в издательствах Детгиз, “Молодая гвардия”, в журналах “Мурзилка”, “Пионер”.

7

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886-1939)— русский поэт, критик.

8

Дега Эдгар (1834-1917)— французский художник.

9

Моне Клод (1840-1926)— французский художник.

10

Ильина Елена Яковлевна (1901-1964)— детская писательница, сестра С.Я.Маршака.

11

Одоевский Владимир Федорович (1803-1869)— русский писатель, журналист, ученый. Для детей создал книжку “Сказки и повести дедушки Иринея”.

12

Писсарро Камиль (1830-1903)— французский художник.

13

Радищев Леонид Николаевич (1904-1973)— советский писатель, автор многих книг для детей о жизни В.И.Ленина.

14

Черный Саша (1880-1932)— русский поэт-сатирик, для детей создал цикл стихов “Детский остров” (1921).

15

Сезанн Поль (1839-1906)— французский художник.

16

Введенский Александр Иванович (1904-1941)— поэт, прозаик, переводчик, пересказал для детей сказки братьев Гримм.

17

“Гильгамеш”— “Эпос о Гильгамеше” (III тысячелетие до нашей эры)— произведение древневосточной литературы. *“Махабхарата”* (II тысячелетие до нашей эры)— эпос народов Индии.

18

“Король Матиуш Первый”— книга польского писателя Януша Корчака (1878-1942). Врач и педагог, Корчак посвятил свою жизнь воспитанию сирот в детских домах. Героически погиб вместе со своими воспитанниками во время фашистской оккупации Польши.